Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

2

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

•

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВТОРОЙ

ПЕРЕВОДЫ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ИЗ СЕРБСКОГО ЭПОСА

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

СТАРЫЕ НЕМЕЦКИЕ ПОЭТЫ

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ОСЕТИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

МОСКВА
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1984

Р2
З-12

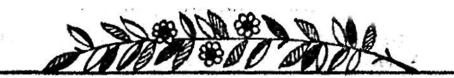
Составление
Е. ЗАБОЛОЦКОЙ, Н. ЗАБОЛОЦКОГО

Примечания
Е. ЗАБОЛОЦКОЙ, Л. ШУБИНА

Оформление художника
Д. ШИМИЛИСА

З $\frac{4702010200-049}{028(01)-84}$ подписное

ПЕРЕВОДЫ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Ред*е*дю заколол
Перед всей косожскою дружиной.
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли, как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонену!

Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
На щиты червленые лисица
Дико брешет в сумраке ночном...
    О Русская земля!
    Ты уже за холмом.

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем заклубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах.
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Епанчами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега —
Далеко подвинулось оно!
Залетело храброе далече,
И никто ему не господин:
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
    О Русская земля!
    Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем —
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом

Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Траяна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стрем*е*нь вступал в Тмуторокани.
В злат стремень вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как ворог,
Внук Даждь-бога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
В*о*роны над пашнею кружились,

На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова,
С вечера до самого утра,
Бьется войско князя удалого
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Траянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после лютой сечи!
И явилась К*а*рна, и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Ж*е*ля по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.

И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра,

19

Игорь-князь и Всеволод отважный,
Святослава храбрые сыны, —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил:
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал, и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого

Пересел в кащеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделья.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада,
Поднялись над полем незнакомым
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,

Два светила в сумраке пропали,
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею.
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали.
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги?
Где татраны, жители дубрав,

Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу — мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов— по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?

И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
    За Русскую землю,
    За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В Киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь —
    За Русскую землю,
    За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,

Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья обронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суде, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною

Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Траянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел,
И примчался к древнему престолу,

И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав —
Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Все ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.

Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:

«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,

Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»

На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:

«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран

Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратись,
К тростникам помчался Игорь-князь,

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит, —

Все в росе от полуночных трав,
Б*о*рзых к*о*ней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,

Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь».
«О река, — ответил князь, — немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла».

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле.

6

Не сороки во поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,

Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей».
«Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям и дружине слава!

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА:

Моя работа над «Словом о полку Игореве» не претендует на научную точность строгого перевода и не является результатом новых текстологических изысканий. Это — свободное *воспроизведение* (курсив Н. З.) древнего памятника средствами современной поэтической речи. Оно предназначено для читателя, которому трудно разобраться в оригинале, но который хочет иметь о памятнике живое поэтическое представление. По мере своих сил я пытался воспроизвести древнюю героическую поэму русского народа во всей полноте ее социального и художественного значения.

КРАТКИЕ ПОЯСНЕНИЯ [1]

ВСТУПЛЕНИЕ

Боян — русский поэт-певец XI века. *Ярослав* — великий князь киевский Ярослав Мудрый (ок. 978—1054). *Мстислав* — брат Ярослава Мудрого, князь тмутараканский (ум. 1036), прославившийся своим единоборством с косожским (черкесским) князем Редедей. *Роман Красный* (Красивый) — внук Ярослава Мудрого, князь тмутараканский (ум. 1079). *«Со времен Владимира княженья»* — со времен Владимира Мономаха (ум. 1125). *Траян* — по всей видимости, римский император Траян, завоевавший во II веке нашей эры царство даков, в состав которого входили древние славянские племена. *Велес* — славянский бог скотоводства и изобилия, покровитель певцов.

---

[1] Цифра перед объясняемым словом обозначает номер главки, в которой упоминается данное слово. (*Примеч. Н.* З.). Поскольку авторское примечание «От переводчика» и «Краткие пояснения» были написаны Н. Заболоцким для журнальной публикации перевода, а затем пояснения повторены в кн.: Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., 1948, и позднее при жизни поэта не переиздавались, то естественно, что дальнейшая его работа над переводом в них не учтена. Необходимые уточнения и поправки читатель найдет в примечаниях. (*Примеч. составит.*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

4. *Див* — вещая птица. *Болван тмутараканский* — речь идет о каком-то древнем изваянии в городе Тмутаракани, на берегах Азовского моря.

7. *Аксамит* — дорогая шелковая ткань.

8. *Гнездо Олега* — род князя Олега черниговского, деда князя Игоря. *Гзак* (Гза) и *Кончак* — половецкие ханы.

10. *Стрибог* — бог ветра у славян.

11. *Глебовна* — Ольга Глебовна, жена Всеволода.

12—13. В этих отрывках певец, отступая от своего повествовали), вспоминает о событиях времен князя Олега Святославича (ум. 1115); деда князя Игоря. Великий князь Всеволод в 1077 году изгнал Олега из Чернигова. Олег ушел в Тмутаракань, соединился с двоюродным братом Борисом Вячеславичем и с помощью половцев напал на Всеволода. В битве у Нежатиной нивы Борис, по преданию, оскорбил своего союзника и был убит в сражении на берегу Канина ручья. Распря князей продолжалась много лет и повлекла за собой великие народные бедствия. *Владимир* — Владимир Мономах, который в то время сидел в Чернигове. *Святополк* — князь Святополк — в 1096 году разбил половцев на реке Трубеже. В битве был убит половецкий хан Тугоркан, тесть Святополка. Тело Тугоркана перевезли для погребения в Киев. *Даждьбог* — бог солнца у славян, *внук Даждь-бога* — славянин, русский.

14. *Харалужные* — стальные.

17. *Карна и Желя* — олицетворения скорби и плача.

19. Речь идет о победоносном походе великого князя киевского Святослава (ум. 1194), который в 1184 году увел в полон семь тысяч половцев вместе с их ханом Кобяком.

20. *Кащей* — раб, невольник. *Кащеево седло* — седло невольника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. *«Плыл мертвец в санях на сине-море».* — Умершего князя славяне относили в санях к месту погребения. *Сине-море* — видимо, Азовское море, близ которого произошла роковая битва Игоря с половцами.

8. *Олег и Святослав* — очевидно, малолетние сыновья Игоря.

4. Остатки готов жили в Крыму под властью половцев. *Бус* — вероятно, король антов Бооз, побежденный готами. *Шарукан* — половецкий хан, много раз битый русскими князьями.

5. *«О, сыны...»* — Святослав по праву старшего князя называет своих двоюродных братьев Игоря в Всеволода сыновьями (сынов-

цами, «сыновчя»). *Ярослав* — князь черниговский Ярослав Всеволодович (ум. 1198). *Татраны, топчаки, ольберы, ревуги* — вероятно, осевшие племена кочевников, служившие в войсках князя черниговского. *Вежи* — шатры. *Город Римов* был сожжен половцами после поражения Игоря. *Владимир* — князь переяславский Владимир Глебович, был смертельно ранен в битве с половцами.

6. *Всеволод* — великий князь суздальский Всеволод Юрьевич (ум. 1212), отец которого, Юрий Долгорукий, был великим князем киевским. Вместе с рязанскими Глебовичами ходил походом на волжских болгар, славился своим могуществом и был, по существу, старшим среди князей того времени. *Ногата* и *ревань* — мелкие монеты.

7. *Рюрик и Давид* — Ростиславичи, правнуки Владимира Мономаха. Первый — князь перемышльский; второй — князь смоленский.

8. *Ярослав, князь галицкий* — Ярослав Владимирович (ум. 1187), владения которого простирались от Карпат и почти до устья Дуная. *«Королю дорогу заступая».* — Певец говорит о короле венгерском. *«В салтанов с отчего стола ты пускаешь княжеские стрелы».* — Предполагают, что войска Ярослава принимали участие в походе Фридриха Барбароссы против султана Саладина.

9. *Роман* Мстиславич, князь волынский (ум. 1205), и его двоюродный брат *Мстислав* Ярославич, князь луцкий (ум. 1266), известные своей борьбой с литовскими племенами. *Хинова* — в значении «враги». *Литва, ятвяги, деремела* — народы и племена, с которыми воевал Роман.

11. *Ингварь* и *Всеволод* Ярославичи — правнуки Мстислава Великого. О третьем Мстиславиче — Мстиславе — речь была выше.

12. Второе отступление певца. Речь идет о судьбе Полоцкой земли. Во второй половине XII века Полоцкая земля сильно страдала от набегов литовцев. Князья, обессиленные усобицами, не могли дать Литве решительного отпора. Один Изяслав городенский, правнук знаменитого Всеслава полоцкого, пытался выступить против врага, но был зарезан литовцами в 1185 году.

14. *Всеслав* Брячиславич — князь полоцкий (ум. 1101), был известен своей враждой с внуками Ярослава Мудрого. В 1066 году он взял Новгород, но был вскоре разбит Ярославичами на реке Немиге и заключен в киевскую темницу. В следующем году киевляне освободили Всеслава и посадили его на киевский престол. Однако князь киевский Изяслав с помощью поляков изгнал Всеслава из Киева. Всеслав с большим трудом сохранил за собой родной Полоцк. *Дудутки* — местечко близ Новгорода. *Немига* — приток Свислочи. *Хорс* — бог солнца у славян.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. *Ярославна* — Евфросинья Ярославовна, жена князя Игоря, дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла. *Забрало* — крепостная стена. *Бебрян рукав* — бобровый рукав, рукав бобровой шубы.

2. *Овлур* (Давор) — половчин, с помощью которого Игорь бежал из плена.

5. *Ростислав* — брат Владимира Мономаха. В 1093 году утонул в реке Стугне во время отступления от половцев.

8. *Боричев взвоз* — подъем от днепровской пристани к центру города в Киеве. *Пирогощая богородица* — название иконы «Башенной» богоматери, вывезенной из Константинополя.

ИЗ СЕРБСКОГО ЭПОСА

КТО ПЕРВЫЙ ЮНАК?

Двадцать славных воевод пируют
На хмельном подворье Крушевецком.
Напились вина они досыта,
Меж собою стали препираться:
Кто на свете первый из юнаков?
Порешили спьяну воеводы:
Первый витязь — воевода Янко,
А последний — Королевич Марко.
Не сказал ни слова Королевич,
Только пил вино да ухмылялся,
А потом он вышел из подворья,
Чтоб вином попотчевать и Шарца.
Видит Марко: в поле Крушевецком
Некий витязь едет по дороге,
Держит витязь елку вековую,
Прикрывает голову от солнца.
Как увидел Марко незнакомца,
Воротился тотчас на подворье
И сказал гулякам воеводам:
«Посмотрите, братья воеводы,
Вон юнак по чисту полю скачет,
Вы еще такого не видали!
Как войдет тот витязь на подворье,
Все немедля на ноги мы встанем,
Чтоб уважить силу и геройство!»
Услыхали Марко воеводы,
Отвечали гордыми словами:

«Ни пред кем мы на ноги не встанем,
Никого мы потчевать не будем!»
Вот Арап приблизился к подворью,
Привязал у двери вороного,
Привалил к стене большую елку
Так, что дом под елью закачался,
Сам вошел в веселое подворье
И захлопнул двери за собою.
Тут пред ним вскочили воеводы,
Поднесли Арапу угощенье,
Не спешит лишь Королевич Марко,
Не встает лишь банович Секула,
Не подносит чашу с угощеньем.
Осерчал Арап на воеводу,
Говорит он дерзкому Секуле:
«Ах ты, дурень, банович Секула!
Ты не хочешь встать передо мною,
Не подносишь чашу с угощеньем,
Выходи ж на поединок биться!»
Вот Арап выходит из подворья,
Вслед за ним и банович Секула.
Тот Секула Янку был племянник,
Шел он да надеялся на дядю,
Что не даст он родича в обиду.
Но глядите, что Арап наделал!
Как схватил он бедного Секулу,
Как вцепился бановичу в горло
Да как бросит на холодный камень!
Крикнул, взвизгнул банович Секула:
«Погибаю, матушка родная!
Помоги мне, дядя-воевода!»
Тот жалеет, да помочь не смеет.
И промолвил Королевич Марко:
«Не помогут здесь ни мать, ни дядя,
Только бог да Марко Королевич!»
Выхватил он длинный меч из ножен,
Кинулся к Секуле на подмогу
И отсек он голову Арапу.
Оглянулся Королевич Марко,
От юнаков и следа не видно,
Все от страха в поле убежали,
Тут вернул их Марко на подворье,
За столы опять они уселись,
Стали пить и бражничать сначала.

А когда опять зашла беседа,
Кто на свете первый из юнаков,
Все сказали: «Королевич Марко!»

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЕВИЧА МАРКО

Сели Марко с матерью вечерять,
Стала мать беседовать с юнаком:
«Сын мой милый, Королевич Марко!
Поседела я и постарела,
Нету сил собрать тебе вечерю,
Нету сил вином наполнить чашу,
Посветить зажженною лучиной.
Ты б женился, мой сынок любимый,
Чтоб при жизни мне была замена!»
Молвит Марко матери-старухе:
«Ты послушай, мать моя старуха!
В девяти бывал я королевствах
Да в десятом был турецком царстве:
Где и есть мне по сердцу невеста,
Та тебе придется не по нраву,
А тебе которая по нраву,
Та в невесты Марко не годится.
Лишь одна есть девушка-невеста
Во дворе у короля Шишмана,
Я ее в земле нашел болгарской,
Увидал девицу у колодца.
Как увидел эту я девицу,
Голова от счастья закружилась:
Это, мать, и для меня невеста,
И тебе помощница по нраву.
Испеки мне, матушка, калачик,
Я поеду свататься к девице».
Лишь о том услышала старуха,
Ждать она не стала до рассвета,
Начала месить калачик сладкий.
Лишь назавтра утро засияло,
Оседлал юнак лихого Шарца,
Мех с вином к седлу повесил сбоку,
А с другого — шестопер повесил.
Сел потом на Шарца он лихого,
Поскакал в далекий край болгарский,
К королю помчался он Шишману.

Издали король его увидел,
Со двора пошел к нему навстречу,
Обнялись они, поцеловались,
О юнацком справились здоровье.
Взяли коней верные их слуги,
Отвели их в нижние конюшни,
К белой башне Марко проводили,
Усадили Марко за трапезу,
Стали пить вино король и Марко.
Лишь вина отведал Королевич,
Привскочил на легкие он ноги,
Шапку снял, Шишману поклонился,
Попросил в невесты королевну,
Отдал дочь король ему без слова.
Вынул Марко яблоко и перстень,
Подал их болгарскому владыке,
Дал наряд невесте подвенечный,
Одарил своячениц и тещу,
Роздал им он три куля червонцев.
Через месяц свадьбу он назначил,
Чтобы съездить в Прилеп, город белый,
Да собрать на пир нарядных сватов.
Говорила матушка невесты:
«Зять мой милый, из Прилепа Марко!
Ты не звал бы сватов чужестранных,
Пригласил бы братцев ты родимых
Иль привел двоюродных с собою,
Больно уж красна у нас невеста,
Как бы грех какой не приключился!»
Кончил дело Королевич Марко,
Ночь провел он в королевской башне,
Рано утром оседлал он Шарца
И помчался в Прилеп, город белый,
Доскакал до Прилепа он града,
Увидала мать его старуха,
Увидав, к нему навстречу вышла,
Обняла, в лицо его целует,
Он ее целует в белу руку.
Спрашивает матушка у Марка:
«Сын мой милый, Королевич Марко!
Хорошо ли ездил ты по свету?
Отыскал ли мне сноху-невестку,
Мне невестку, а себе супругу?»
Говорит ей Королевич Марко:

«Хорошо поездил я по свету,
Удалось мне девушку посватать,
Поистратить три мешка червонцев.
А когда собрался я обратно,
Мне сказала матушка невесты:
«Зять мой милый, Королевич Марко!
Ты не звал бы сватов чужестранных,
Пригласил бы братцев ты родимых
Иль привел двоюродных с собою,
Больно уж красна у нас невеста,
Как бы грех какой не приключился!»
У меня же братца нет родного,
Ни родного нет и ни иного».
Отвечала мать ему старуха:
«Сын мой милый, из Прилепа Марко!
Не тужи о том, не беспокойся,
Напиши ты белое посланье
Удалому дожу из Млетака,
Пусть тебе на свадьбе будет кумом
И возьмет пятьсот с собою сватов.
А другое ты пошли посланье
Побратиму Земличу Степану,
Пусть он будет деверем невесты
И возьмет пятьсот с собою сватов.
С ними ты греха, сынок, не бойся!»
Услыхал то слово Королевич
И послушал матушку-старуху,
Стал писать он письма на колене,
Первое в Млетак послал он дожу,
А второе Земличу Степану.
Проходило времени немного,
Глядь — и дож явился из Млетака
И привел пятьсот с собою сватов.
Дож идет на верх высокой башни,
Дорогие сваты — в чисто поле.
Вслед за дожем и Степан явился
И привел пятьсот с собою сватов,
Кумовья на башне повстречались,
Напились вина они досыта.
Снарядились сваты за невестой,
Поспешили в дальний край болгарский,
Ко двору поехали Шишмана.
Тесть-король приветливо их встретил,
Взяли коней в нижние конюшни,

Добрых сватов в башню пригласили,
Трое суток в башне угощали,
Отдохнули кони и юнаки.
На четвертый день перед рассветом
Закричали свадебные дружки:
«Собирайтесь, кумовья и сваты,
Дней немного, а длинна дорога,
Уж давно нас дома ожидают!»
Тут король принес для них подарки.
Тем по плату, этим по халату,
Дал он куму блюдо золотое,
Золотую деверю рубашку.
Дал коня он, вывел дочь-невесту,
И сказал он деверю, прощаясь:
«Вот тебе и конь мой и девица,
Поезжай ты к Марко в белый Прилеп,
Жениху отдай его невесту,
А себе коня оставь за службу».
Снарядились в путь-дорогу сваты
И расстались с той землей болгарской.
Там, где счастье, тут же и несчастье!
Дунул ветер по широку полю,
На невесте поднял покрывало,
Приоткрыл лицо ее девичье.
Лишь увидел дож лицо девичье,
Голова от страсти закружилась,
Еле ночи он в пути дождался.
Только на ночлег расположились,
Дож приходит к Земличу Степану
И в шатре такое молвит слово:
«Дай мне, деверь, эту деву на ночь,
Пусть женой мне будет до рассвета,
Подарю кису тебе червонцев,
Доверху дукатами насыплю».
Говорит Степан ему с испугом:
«Дож, опомнись! Брось ты эти шутки!
Или вздумал с жизнью распроститься?»
Дож ни с чем вернулся восвояси,
Промолчал до следующей ночи,
Там опять приходит он к Степану,
Говорит в шатре такие речи:
«Дай, Степан, мне эту деву на ночь,
Пусть женой мне будет до рассвета,
Дам тебе я две кисы червонцев,

Доверху дукатами насыплю».
Говорит Степан ему сердито:
«Уходи! Простишься с головою!
Кум с кумой не могут миловаться!»
Снова дож вернулся от Степана,
Промолчал до третьего ночлега,
Там опять в шатёр к нему приходит,
Говорит в шатре такие речи:
«Дай мне, деверь, эту деву на ночь,
Пусть женой мне будет до рассвета,
Дам тебе я три кисы дукатов!»
И Степан позарился на деньги,
Взял у кума три кисы дукатов,
Отдал дожу милую невестку,
За червонцы продал молодую.
Дож невестку взял за белу руку
И отвел под свой шатер походный:
«Сядь, не бойся, кумушка-голубка,
Обниматься будем, миловаться!»
Отвечает девушка болгарка:
«Кум несчастный, разве это дело!
Ведь земля провалится под нами,
Небеса обрушатся на землю,
Разве можно с кумом миловаться!»
Говорит ей дож такие речи:
«Вздор все это, кумушка-голубка!
С девятью я кумушками ладил,
Что со мною были на крещенье,
А из тех, кто были на венчанье,
Обольстил я двадцать и четыре,
И земля тогда не провалилась,
Небеса не рушились на землю.
Сядь же рядом, будем миловаться!»
Но невеста куму отвечала:
«Нет, мой кум, не дело нам любиться!
Заклинала мать меня старуха
Удальцов страшиться бородатых.
Мне любезен только безбородый,
Как жених мой Королевич Марко!»
Как услышал дож такие речи,
Кликнул он проворных брадобреев,
Первый мылит, а другой уж бреет.
Поклонилась девушка болгарка,
Собрала всю бороду в платочек.

Дож побрился, выгнал брадобреев
И куме опять промолвил слово:
«Сядь со мною, кумушка-голубка!»
Но болгарка дожу отвечает:
«Коль узнает Королевич Марко,
Не сносить нам головы обоим!»
Молвил дож красавице девице:
«Да садись же, брось пустые речи!
Вон твой Марко спит давно у сватов,
Бел шатер над сонными раскинут,
Золоченым яблоком украшен,
А на нем два камня дорогие.
Сядь же рядом, будем миловаться!»
Говорит красавица девица:
«Подожди немного, кум любезный,
Из шатра я выйду в чисто поле,
Погляжу, какое нынче небо,
Ожидать нам вёдра иль ненастья».
Вышла в поле девушка-невеста,
Увидала тот шатер высокий,
Словно лань, меж сватами промчалась,
К жениху оленем проскочила.
Марко спал в шатре своем высоком,
Прислонилась дева к изголовью,
Белый лик слезами омывает.
Пробудился Королевич Марко,
И сказал он девушке болгарке:
«Хороша ж ты, подлая мужичка,
Коль меня не стала дожидаться,
Чтоб со мною ехать на подворье,
Сотворить обряд по-христиански!»
И схватил он кованую саблю.
Поклонилась девушка болгарка
И сказала Марко со слезами:
«Господин мой, Королевич Марко!
Родом я не подлая мужичка.
Как и ты, господского я рода!
Это ты привел с собою подлых,
Вероломных деверя и кума!
Ты доверил Земличу Степану
Охранять невесту по дороге,
Он же продал дожу из Млетака
Честь мою за три кисы червонцев.
Если ты мне на слово не веришь,

Посмотри на бороду злодея!»
Развернула девушка платочек
И на землю бороду стряхнула.
Услыхал то слово Королевич,
И сказал он девушке болгарке:
«Сядь со мной, красавица девица,
Будет утро — будет и расплата».
И заснул на ложе он спокойно.
Только утром солнце засияло,
Привскочил на легкие он ноги,
Свой кафтан накинул наизнанку,
Прихватил и шестопер с собою.
К деверю и куму он приходит,
С добрым утром сватов поздравляет:
«С добрым утром, куманек и деверь!
Ой ты, деверь, где твоя невестка?
Милый кум, куда кума девалась?»
Отшатнулся деверь — и ни слова,
Дож один оправдываться начал:
«Милый кум мой, Королевич Марко!
На смекалку люди туговаты,
Невдомек им, если кто и шутит».
«Злая шутка, — молвил Королевич, —
Борода же бритая — не шутка!
Ты скажи, куда она девалась?»
Снова дож оправдываться начал,
Но взмахнул тут саблей Королевич,
И отсек он голову злодею.
Страх нашел на Землича Степана,
Побежал он в поле от юнака,
Но настигла сабля и Степана,
И упал он, надвое разрублен.
К белому шатру вернулся Марко,
Снарядился с Шарцем в путь-дорогу,
Вслед за ним и сваты дорогие
Поскакали в Прилеп, город белый.

МАРКО УЗНАЕТ ОТЦОВСКУЮ САБЛЮ

Рано встала девушка турчанка,
До зари проснулась, до рассвета,
На Марице холст она белила.
До зари чиста была Марица.

На заре Марица помутилась,
Вся в крови, она побагровела,
Понесла коней она и шапки,
А к полудню — раненых юнаков.
Вот плывет юнак перед турчанкой,
Увлекает витязя теченье,
Тянет вниз по быстрой той Марице.
Увидал он девушку турчанку
И взмолился, богом заклиная:
«Пожалей, сестра моя турчанка,
Дай мне взяться за конец холстины,
Помоги мне выбраться на берег,
Отплачу я щедрою наградой!»
Пожалела девушка юнака,
Бросила ему конец холстины,
Вытащила витязя на берег.
На юнаке раны и увечья,
На юнаке пышные одежды,
У колена кованая сабля,
А на ней три светлых рукояти,
Каждая сверкает самоцветом,
За три царских города не купишь.
Спрашивает витязь у турчанки:
«Девушка, сестра моя турчанка!
С кем живешь ты в этом белом доме?»
Отвечает девушка турчанка;
«Я живу там с матушкой-старушкой,
С милым братцем Мустафой-агою».
Говорит юнак ей незнакомый:
«Девушка, сестра моя турчанка!
Сделай милость, поклонись ты брату,
Чтобы взял меня на излеченье.
Есть со мной три пояса червонцев,
В каждом триста золотых дукатов.
Я один дарю тебе, сестрица,
Мустафе-аге другой дарю я,
Третий же себе я оставляю,
Чтоб лечить мне раны и увечья.
Если бог пошлет мне исцеленье,
Отплачу я щедрою наградой
И тебе, и брату дорогому».
Вот пошла домой к себе турчанка,
Мустафе-аге она сказала:
«Мустафа-ага, мой милый братец!

Я спасла юнака на Марице,
Из воды спасла его студеной.
У него три пояса червонцев,
В каждом триста золотых дукатов,
Первый пояс дать он мне сулится,
А другой тебе за избавленье,
Третий же себе он оставляет,
Чтоб лечить увечия и раны.
Сделай милость, братец мой любимый,
Не губи несчастного юнака,
Приведи домой его с Марицы!»
Вышел турок на реку Марицу,
И едва он витязя увидел,
Выхватил он кованую саблю,
И отсек он голову юнаку.
Снял потом он с мертвого одежду
И домой с добычею вернулся.
Подошла сестра к нему турчанка,
Увидала саблю и одежду
И сказала брату со слезами:
«Милый брат, зачем ты это сделал!
Погубил зачем ты побратима?
И на что позарился ты, бедный,
На одну лишь кованую саблю!
Дай же бог, чтоб ей тебя убили!»
Так сказала — в башню побежала.
Пролетело времени немного,
От султана вышло повеленье
Мустафе-аге идти на службу.
Как поехал Мустафа на службу,
Взял с собой он кованую саблю.
При дворе турецкого султана
Все на саблю острую дивятся,
Пробуют и малый и великий,
Да никто не вытащит из ножен.
Долго сабля по рукам ходила,
Взял ее и Королевич Марко,
Глядь — она сама из ножен рвется.
Посмотрел на саблю Королевич,
А на ней три знака христианских:
Первый знак: «Новак, кузнечный мастер»,
Знак второй: «Великий царь Вукашин»,
А последний: «Королевич Марко».
Тут предстал юнак пред Мустафою:

«Отвечай мне, молодец турецкий,
Где ты взял, скажи мне, эту саблю?
Может, ты купил ее за деньги?
Иль в бою тебе она досталась?
Иль отец оставил по наследству?
Иль, в подарок принял от невесты?»
Мустафа-ага ему ответил:
«Эх, неверный Королевич Марко!
Если хочешь — все тебе открою».
И открыл всю правду без утайки.
Молвил турку Королевич Марко:
«Что ж ты, турок, не лечил юнака?
Отплатил бы щедрою наградой
За юнака царь наш благородный».
Засмеялся турок нечестивый:
«Ты, гяур, с ума, как видно, спятил!
Коль тебе нужна его награда,
Сам бы ты за нею и гонялся!
Отдавай-ка саблю мне обратно!»
Тут взмахнул отцовской саблей Марко,
И отсек он голову убийце.
Лишь дошло все это до султана,
Верных слуг послал он за юнаком.
Прибежали слуги за юнаком.
А юнак на турок и не смотрит,
Пьет вино из чаши — и ни с места.
Надоели Марко эти слуги,
Свой кафтан он на плечи накинул,
Шестопер он к поясу повесил
И пошел к турецкому султану.
В лютом гневе Королевич Марко
С сапогами на ковер уселся,
Злобно смотрит Марко на султана,
Плачет он кровавыми слезами.
Заприметил царь его турецкий,
Шестопер увидел пред собою,
Царь отпрянул, Марко следом прянул,
И прижал султана он к простенку.
Тут султан пошарил по карманам,
Сто дукатов вытащил он Марко:
«Вот тебе, мой Марко, на пирушку!
Кто тебя разгневал понапрасну?»
«Царь султан, названый мой родитель!

Попусту не спрашивай юнака:
Саблю я отцовскую увидел!
Будь она в твоей, султан, деснице,
И с тобой бы я не посчитался!»
С тем юнак и вышел от султана.

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И АЛИЛ-АГА

Проезжали двое побратимов,
Проезжали белым Цареградом,
Это ехал Королевич Марко
С побратимом Костадином-бегом.
Молвил слово Королевич Марко:
«Мой Костадин, верный брат названый!
Вот я еду стольным Цареградом,
Да боюсь с бедою повстречаться,
Как бы кто на бой меня не вызвал.
Притворюсь-ка, будто я недужен
Злым недугом, нутряною хворью».
Притворился хворым Королевич,
Да не с горя — с хитрости великой:
Навалился телом он на Шарца,
Всем нутром к седлу его прижался,
Так и ехал вдоль по Цареграду.
Славная ему случилась встреча —
Повстречался он с Алил-агою,
А за тем Алил-агою царским
Едут тридцать грозных янычаров.
Закричал Алил-ага юнаку:
«Эй, юнак мой, Королевич Марко!
Выходи стрелять со мной из лука!
Если бог в бою тебе поможет,
Если ты меня перестреляешь,
Отдаю тебе мое подворье
И с подворьем все мое богатство,
А с богатством — верную супругу.
Если ж я тебя перестреляю,
Не нужны мне дом твой и супруга,
Самого лишь я тебя повешу
Да возьму коня лихого Шарца».
Отвечает Королевич Марко:
«Отвяжись ты, турок распроклятый!
Мне сейчас не до стрельбы с тобою,

Хворь меня сегодня одолела,
Злой недуг, хвороба нутряная.
На коне не в силах я держаться,
А не то что тешиться стрельбою».
Но не хочет турок отвязаться,
За доламу справа он хватает.
Вынул ножик Королевич Марко,
И полу он правую отрезал:
«Уходи и будь ты, турок, проклят!»
Но не хочет турок отвязаться,
За доламу слева он хватает.
Вынул ножик Королевич Марко,
И полу он левую отрезал:
«Уходи, пусть бог тебя накажет!»
Но не хочет турок отвязаться,
Ухватил он Шарца за поводья,
Рвет поводья правою рукою,
Левой Марко тянет за собою.
Вспыхнул Марко, словно лютый пламень,
На лихом он выпрямился Шарце,
Потянул рукою за поводья,
Разъярился Шарац как безумный
Перепрыгнул коней и юнаков.
Кличет Марко Костадина-бега:
«Мой Костадин, верный брат названый!
Поезжай ты на мое подворье,
Привези стрелу мне татаранку [1],
А у той стрелы у татаранки
Девять белых перьев соколиных.
Я пойду к судье с Алил-агою,
Чтоб скрепить наш договор печатью
И потом не спорить понапрасну».
Бег помчался к Маркову подворью,
Турок с Марко в суд поторопились.
Лишь пришел Алил-ага к эфенди [2],
Туфли снял, с судьей уселся рядом,
Отсчитал он тысячу дукатов,
Бросил их эфенди под колено.
«О эфенди, вот тебе дукаты,
Не скрепляй наш договор печатью!»
Понял турка Королевич Марко,

---

[1] Стрела-татаранка — татарская стрела. (*Примеч. ред.*)
[2] Эфенди — господин (*тур.*). (*Примеч. ред.*)

Но при нем дукатов не случилось,
Шестопер он вынул золоченый
И сказал судье такое слово:
«Вот мой сказ, эфенди правосудный!
Утверди наш договор печатью,
А не то ударю шестопером,
Тут тебе и пластырь не поможет,
Позабудешь ты свое судейство
И дукатов больше не увидишь».
На судью напала лихорадка,
Шестопер судье не приглянулся,
Он печать пытается поставить,
А рука от ужаса трясется.
На стрельбу отправились юнаки,
За агою — тридцать янычаров,
А за Марко нет ни человека,
Лишь зеваки греки да болгары.
Как пришли на ту стрельбу юнаки,
Говорит Алил-ага турецкий:
«Ты, юнак, стреляй сегодня первым,
Это ты собою похвалялся
Пред самим султаном на диване,
Что убьешь орла ты крестового,
Что кричит, предсказывая бурю».
Отвечает Королевич Марко:
«Верно, турок, не худой я витязь,
Только саном ты меня постарше,
Потому что ваша власть над нами.
И в стрельбе ты старше надо мною,
На стрельбу меня ты первый вызвал,
Потому стрелять ты должен первым».
Вышел турок с первою стрелою,
Выстрелил и меряет аршином,
Выстрелил на сто аршин и двадцать.
Вышел Марко с первою стрелою —
Та стрела две сотни пролетела.
Вышел турок со второй стрелою —
Та стрела три сотни пролетела.
Вышел Марко со второй стрелою —
Та стрела пять сотен пролетела.
Вышел турок с третьею стрелою —
Та стрела шесть сотен пролетела.
Тут к юнаку верный бег приходит
И стрелу приносит татаранку,

А у той стрелы у татаранки
Девять белых перьев соколиных.
Как пустил тот Марко татаранку —
В пыль и мглу умчалась татаранка,
До нее и глазом не достанешь,
А не то что смеряешь аршином!
Залился Алил-ага слезами,
Величает Марка побратимом:
«Брат по богу, Королевич Марко,
Брат по богу и его предтече,
Ты мне брат по славной вашей вере!
Отдаю тебе мое подворье,
Отдаю тебе мою супругу,
Лишь меня, несчастного, не вешай!»
Отвечает Королевич Марко:
«Знать, ты, турок, бога не боишься!
Окрестил меня ты побратимом,
А даешь жену свою в супруги.
Мне, ага, жены твоей не нужно,
Мы живем не так, как ваши турки,
Мы сноху сестрой своей считаем.
Елица-жена меня ждет дома,
Благородная моя супруга.
Отпустил бы я тебя на волю,
Да испортил ты мою доламу,
Подавай мне три мешка червонцев,
Чтобы полы новые поставить!»
Тут ага вскочил, развеселился,
Обнимает брата и целует,
На господский двор его приводит,
Трое суток дома угощает.
Дал ему он три мешка червонцев,
Да сноха рубашку подарила
И платок с серебряным узором,
Да потом три сотни провожатых
Провожали Марко на подворье.
С той поры они в согласье жили,
Рубежи султану охраняли:
Если шло сраженье на окрайне,
Там Алил сражался вместе с Марко,
Если брали города и села,
Был с агой там Королевич Марко.

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И АРАПИН

Строит башню злой Арапин черный,
Строит башню возле синя моря,
Два десятка ярусов выводит.
А когда Арап построил башню,
В окна он большие стекла вставил,
Изукрасил бархатом и шелком
И сказал своей высокой башне:
«Что ж ты, башня, высишься пустая?
Ведь никто и жить в тебе не будет:
У меня ни матери-старушки,
У меня ни девицы-сестрицы,
И до сей поры я неженатый,
Чтоб жила со мной моя супруга.
Да к тому ж не мать меня родила,
От арапской я рожден кобылы.
Дай-ка я посватаюсь к девице,
Дочери турецкого султана,
Коль султан в невесте мне откажет,
Вызову его на поединок».
Так сказал Арап высокой башне
И пошел письмо писать султану:
«Царь-султан, владыка из Стамбула!
Возле моря я построил башню,
Только жить в ней некому покуда,
Ведь до сей поры я неженатый,
Дай же, царь, в супруги мне царевну!
Если ты отдать ее не хочешь,
Выходи на поединок биться!»
Получил письмо султан турецкий,
Прочитал, о чем Арапин пишет,
Стал искать бойца-единоборца,
Обещал казной его осыпать,
Коль загубит черного Арапа.
Многие с тех пор с Арапом бились,
Но никто в Стамбул не воротился.
Вот беда великая султану!
Уж бойцов не стало больше в войске,
Всех побил их черный тот Арапин.
А за той бедой спешит другая:
В путь собрался черный тот Арапин,
Снарядился в той высокой башне:
Он надел господскую одежду,

Препоясал кованую саблю,
Оседлал арапскую кобылу,
Семь подпруг стянул на той кобыле,
Зануздал уздою золоченой,
Привязал шатер походный сбоку,
А с другого шестопер повесил.
Сел потом Арапин на кобылу,
На плечо копье свое закинул
И поехал к белому Стамбулу.
Как подъехал тот Арап к Стамбулу,
У ворот копье воткнул он в землю,
Привязал к тому копью кобылу,
Бел шатер у города раскинул.
Наложил Арап на город дани:
На обед по яловой овечке,
Пирогов по выпечке на ужин,
Да по бочке каждый день ракии,
Да вина по два бочонка в сутки,
Да вдобавок на ночь по девице;
Днем она вино ему подносит,
Ночью он ей белый лик целует,
Вслед за тем в Италию сбывает,
За нее казны берет немало.
День за днем — три месяца проходит,
Нет страшнее лютой этой казни!
Сел Арап на серую кобылу,
И поехал белым он Стамбулом,
Подъезжает к царскому подворью,
Белым горлом кличет он Султану:
«Что ж ты, царь! Веди свою невесту!»
Тут схватил он шестопер тяжелый
И ударил по цареву дому —
Только стекла наземь полетели!
Видит царь — конец его подходит.
Отдал дочь ему на поруганье.
Сел Арап, завел с царем беседу:
«Справим свадьбу через две недели,
Чтоб успел я съездить на Приморье,
Привести на пир нарядных сватов».
Тут вскочил Арапин на кобылу
И уехал в ровное Приморье.
Услыхала дочь царя о свадьбе,
Застонала, как лесная вила:
«Боже милый! Горе мне, несчастной!

Для того ль краса моя девичья,
Чтоб с Арапом черным целоваться!»
А когда на землю ночь спустилась,
Сон приснился госпоже царице,
Будто кто-то на ухо ей шепчет:
«Госпожа, в державе нашей царской,
Если знаешь, Косово есть поле,
Прилеп-град на Косове, известен
В Прилепе том Королевич Марко.
Хвалят Марко, что юнак он добрый,
Напиши письмо ему скорее,
Заклинай его всевышним богом,
Посули великую награду,
Пусть спасет он деву от Арапа».
Лишь назавтра утро засияло,
Мать-царица кинулась к султану,
Рассказала, что во сне приснилось.
Царь-султан услышал эти речи,
И тотчас фирман велел составить,
И послал его поспешно в Прилеп
На колено к доблестному Марко:
«Сын мой в боге, Королевич Марко!
Приезжай в Стамбул мой белостенный,
Сделай милость, погуби Арапа,
Дам тебе я три мешка червонцев».
Получил посланье Королевич,
Прочитал царево приказанье,
И сказал он вестнику султана:
«Уходи ты с богом, царский вестник,
От меня царя-отца приветствуй,
Я ж не смею выйти на Арапа:
Тот Арап — юнак непобедимый,
Если он мне голову отрубит,
Для чего мне три мешка червонцев?»
Возвратился вестник тот к султану,
Рассказал он, что ответил Марко.
Услыхала речь его царица,
Пишет Марко новое посланье:
«Сын мой в боге, Королевич Марко!
Заступись за дочь мою, царевну,
Дам тебе я пять кулей червонцев».
Получил посланье Королевич,
Прочитал, о чем царица пишет.
И сказал он вестнику султана:

«Уходи ты с богом, царский вестник,
Возвести ты матери-царице:
Я не смею выйти на Арапа,
Тот Арап — юнак непобедимый,
Он в бою мне голову отрубит,
Голова ж мне русая дороже,
Чем любая царская награда».
Рассказал посланец тот царице,
Что ответил Королевич Марко.
Услыхала речь его царевна
И на ноги легкие вскочила.
Принесла перо она, бумагу,
Тем пером ударила в ланиту,
Напоила собственного кровью
И письмо той кровью написала:
«Брат по богу, Королевич Марко!
Милым братом будь мне ради бога,
Милым кумом будь мне ради бога,
Ради бога и его предтечи,
Вызволи меня ты от Арапа!
Дам тебе я семь мешков червонцев,
Дам тебе я семь одежд в награду,
Ткань на них не прядена, не шита,
Гребнем не прочесана на стане,
Вся она из золота сплошного.
А еще я дам тебе в награду
Дивный стол из золота литого,
На столе змея лежит резная,
Поднимает голову высоко,
Самоцвет в зубах она сжимает,
С ним светло и за полночь вечерять,
Он и ночью светится, как в полдень.
А еще пошлю тебе я саблю
С золотой тройною рукоятью,
В ней горят три камня драгоценных,
А цена ей — три царевых града.
Приложу я к ней печать цареву,
Чтоб визирь не смел тебя обидеть,
Не спросившись славного султана».
Получил посланье Королевич,
Прочитал, о чем царевна пишет,
И сказал, задумавшись глубоко:
«Горе мне, сестра моя царевна!
Плохо драться — хуже отказаться!

Не боюсь царя я и царицы,
Но страшусь я бога и предтечи,
Коль уж биться — надо торопиться».
Отослал он вестника обратно,
Не сказал в ответ ему ни слова,
Сам поднялся в каменную башню,
Облачился в бранную одежду,
Волчью шубу на плечи накинул,
Волчьей шапкой голову украсил,
Препоясал кованую саблю,
Ратным он копьем вооружился
И спустился в нижнюю конюшню.
Затянул он семь подпруг на Шарце,
Мех с вином к седлу повесил сбоку,
А с другого — шестопер повесил,
Чтоб седло на Шарце не кривилось.
Сел потом на Шарца Королевич
И поехал к белому Стамбулу.
Лишь достиг Стамбула Королевич,
Не к царю пошел он, не к визирю,
В новой он корчме остановился,
Отдыхать остался на подворье!
Только ночь дошла до половины,
К озеру отправился он с Шарцем,
Напоить коня водой студеной.
Видит: Шарац пить воды не хочет,
В темноте высматривает что-то.
Глядь, выходит девушка турчанка
В золотом узорном покрывале.
Подступила к озеру девица,
Подошла к пучине той зеленой
И сказала озеру с поклоном:
«Бог с тобой, зеленая пучина!
Бог с тобой, глубокая могила!
За тебя мне лучше выйти замуж,
Чем достаться черному Арапу!»
Тут предстал ей Королевич Марко.
«Образумься, девушка турчанка!
Что тебя толкает на погибель,
Заставляет в озере топиться?
Иль беда какая приключилась?»
Отвечает девушка турчанка:
«Уходи, бродяга оборванец,
Не пытай, когда помочь не можешь!».

Тут ему турчанка рассказала,
Почему задумала топиться:
«Говорили мне о Марко люди,
Удальце из города Прилепа,
Будто Марко — лучший из юнаков,
Что убить сумел бы он Арапа.
Ради бога я его просила,
Ради бога и его предтечи
Обещала щедрые подарки —
Все напрасно; Марко не приехал,
Не послушал девушки турчанки,
Не послушал матери-царицы».
Говорит ей Королевич Марко:
«Не кляни меня, сестра турчанка!
Вот я прибыл — Королевич Марко!»
Услыхала речь его девица
И на шею бросилась юнаку:
«Брат по богу, Королевич Марко!
Защити меня ты от Арапа!»
Говорит ей Королевич Марко:
«Девушка, сестра моя турчанка!
До тех пор, пока я с головою,
Не бывать тебе за тем Арапом.
Только ты смотри меня не выдай,
А шепни царю лишь да царице,
Пусть они мне ужин приготовят
Да вина пошлют ко мне побольше.
Лишь Арап со сватами приедет,
Пусть его приветливо встречают,
Отдадут тебя ему в невесты,
Чтобы новой ссоры не затеял,
Я же знаю, как прийти на помощь,
Если бог мне в счастье не откажет».
Тут в корчму вернулся Королевич,
А турчанка к дому воротилась,
Дома же родителям шепнула,
Что приехал Королевич Марко.
Лишь о том узнали царь с царицей,
Снарядили знатную вечерю,
Красного вина не пожалели,
Отослали Марко на подворье.
За вино уселся Королевич,
Видит: всюду запирают двери,
Сам корчмарь торопится с ключами,

Чтоб закрыть корчму свою пораньше.
Спрашивает Королевич Марко:
«Что так рано двери запираешь?»
Говорит корчмарь ему, хозяин:
«Ради бога, витязь незнакомый!
Злой Арап посватался к царевне
На позор великому султану,
Нынче он приедет за невестой,
Страшно нам с открытыми дверями».
Не позволил Королевич Марко
Запирать не вовремя подворье,
Встал взглянуть на черного Арапа,
Посмотреть на сватов тех нарядных.
Слышит: шум несется по Стамбулу,
Приезжает черный тот Арапин,
На кобыле скачет он арапской,
Вслед за ним пятьсот нарядных сватов.
Сват — арап, арап — невестин деверь
И жених — такой, как все, Арапин.
На горячей скачет он кобыле,
Из-под ног булыжники взлетают,
Разбивают лавки и прилавки!
Поравнялся тот Арап с корчмою,
Видит — дверь в корчме открыта настежь,
И подумал черный тот Арапин:
«Боже милый! Что за небылица!
Все дома в Стамбуле на запоре,
Только здесь одна корчма открыта.
Или вышел из дому хозяин,
Иль ему смекалки не хватает,
Иль меня он, глупый, не боится?»
Прискакал Арап к царю-султану,
Ночевал в его покоях царских.
Лишь назавтра утро засияло,
Царь-султан привел к нему невесту,
С нею дал приданого немало —
Нагрузил двенадцать конских вьюков.
Вот Арап поехал по Стамбулу
С дорогими сватами, с невестой,
Только он с корчмою поравнялся,
Глядь — корчма по-прежнему открыта.
Тут погнал он серую кобылу
Посмотреть, какой тут враг пирует,
Видит — стол накрыт посередине,

За столом пирует Королевич,
Да не чашей пьет он, а корчагой,
Полкорчаги сам он выпивает,
Полкорчаги Шарцу оставляет.
Вздумал ссору учинить Арапин,
Да в дверях на Шарца натолкнулся,
Не пускает конь его проехать,
Бьет по ребрам серую кобылу.
Воротился к сватам тем Арапин,
Вместе с ними выехал на площадь.
Тут поднялся Королевич Марко,
Облачился в шубу наизнанку,
Наизнанку шапкою покрылся,
Затянул на Шарце все подпруги,
Мех с вином к седлу повесил сбоку,
А с другого — шестопер повесил,
Чтоб седло на Шарце не кривилось.
Взял потом копье он боевое,
Поскакал на площадь за Арапом.
Лишь нагнал тех сватов Королевич,
Потеснил он задних на передних,
А когда добрался до невесты,
Зарубил и деверя и кума.
Слышит крики черный тот Арапин:
«Нелегка, Арап, твоя удача!
Бьет юнак твоих нарядных сватов!
Конь его не то, что наши кони,
Весь он пестрый, словно твой теленок,
И юнак не то, что все юнаки, —
Скачет он в косматой волчьей шкуре,
Волчью шапку держит на затылке,
Над губой усы его чернеют,
Как ягненок полугодовалый.
Лишь догнал он нас, нарядных сватов,
Потеснил он задних на передних,
Зарубил и деверя и кума!»
Повернул Арап свою кобылу,
Говорит неведомому Марко:
«Нелегка, юнак, твоя удача!
Знать, тебя нечистый надоумил
За моими сватами гоняться,
Зарубить и деверя и кума!
Иль ты, дурень, ничего не смыслишь,
Или спятил, силушку почуяв,

Или жить на свете надоело?
Если так, скажу тебе по правде:
Мне ни ты, ни конь твой не помеха,
Стоит только взяться мне за повод,
Через вас семь раз я перепрыгну —
Семь туда да столько же обратно,
А потом — прощайся с головою!»
Отвечает Королевич Марко:
«Не хвались до времени, Арапин!
Если бог мне в счастье не откажет,
Ты не только нас не перепрыгнешь,
Но и вскачь до нас не доберешься».
Но смотри, каков он, тот Арапин!
Тронул он поводья на кобыле,
Острыми ударил стременами —
Перепрыгнуть думал через Марко.
Но и Шарац тоже был не промах,
На дыбы он встал перед Арапом,
Оттолкнул передними ногами,
А зубами в серую вцепился,
Отодрал он правое ей ухо,
Обагрил ее горячей кровью.
Посмотрели б вы, полюбовались,
Как юнак ударил на юнака —
Злой Арап и Королевич Марко!
Злой Арап побить не может Марко,
Но и сам в обиду не дается.
Только сабли острые сверкают!
Так они часа четыре сряду
Друг за другом с саблями гонялись.
Как заметил черный тот Арапин,
Что его осилить может Марко,
Повернул он серую кобылу,
Поскакал по площади стамбульской.
Поскакал и Марко за Арапом,
Но быстра арапская кобыла,
Словно вила горная, несется,
Не угнаться Шарцу за кобылой!
Тут юнак про шестопер свой вспомнил,
Покрутил его над головою
И попал Арапу меж лопаток.
Пал Арап, на землю спрыгнул Марко,
И отсек он голову Арапу,
И схватил он серую кобылу,

И вернулся с нею он на площадь.
Видит Марко, сваты разбежались,
Лишь стоит красавица девица,
Вкруг нее двенадцать конских вьюков —
Царское приданое невесте.
Воротил девицу Королевич,
Во дворец отвел ее к султану
И сказал ему такое слово:
«Вот, султан, красавица девица,
Вот тебе и голова Арапа,
Вот тебе двенадцать конских вьюков,
Все твое приданое невесте».
Сел потом на Шарца Королевич
И поехал в белый город Прилеп.
Лишь назавтра утро засияло,
Отослал султан ему подарки,
Семь мешков послал ему червонцев,
А девица семь одежд послала,
Ткань на них не прядена, не шита,
Гребнем не прочесана на стане,
Вся она из золота сплошного.
А еще дала ему девица
Дивный стол из золота литого,
На столе змея лежит резная,
Поднимает голову высоко,
Самоцвет в зубах она сжимает,
С ним светло и за полночь вечерять,
Он и ночью светится, как в полдень.
А еще она послала саблю
С золотой тройною рукоятью,
В ней горят три камня драгоценных
С золотою царскою печатью,
Чтоб визирь не смел обидеть Марко,
Не спросившись славного султана.
Написала девушка турчанка:
«Вот тебе награда, Королевич!
А когда казны тебе не хватит,
Приходи опять к царю-султану».

МАРКО ПЬЕТ В РАМАЗАН ВИНО

Был указ султана Сулеймана
В рамазан не бражничать народу,
Не носить зеленые доламы,

Не носить и кованые сабли,
Не кружиться с девушками в коло[1].
Марко водит с девушками коло,
Марко носит кованую саблю,
Что ни день — в зеленой он доламе,
В рамазан винище распивает,
Да еще муллам велит и ходжам,
Чтоб и турки с Марко пировали.
Бьют челом неверные султану:
«Сулейман, отец наш и владыка!
Разве ты не отдал повеленье
В рамазан не бражничать народу,
Не носить зеленые доламы,
Не носить и кованые сабли,
Не кружиться с девушками в коло?
Марко водит с девушками коло,
Марко носит кованую саблю,
Что ни день — в зеленой он доламе,
В рамазан винище распивает.
Мало что грешит он в одиночку,
Он еще муллам велит и ходжам,
Чтоб мы, турки, с Марко пировали».
Только царь услышал это слово,
Кликнул он двух верных скороходов:
«Отправляйтесь к Марко, скороходы,
Возвестите царское веленье,
Чтобы Марко на диван явился».
Побежали к Марко скороходы,
В бел шатер к юнаку прибежали.
Марко пьет вино и веселится,
Да не чашей пьет он, а корчагой.
Объявили Марко скороходы:
«Ты послушай, Королевич Марко!
Царь-султан велит тебе, юнаку,
На диван немедленно явиться».
Рассердился Королевич Марко,
Размахнулся он своей корчагой
И ударил по лбу скорохода,
Треснул лоб, корчага раскололась
И вино и кровь перемешались.
Вот к царю явился Королевич,

---

[1] Коло — национальный танец народов Югославии. (*Примеч. ред.*)

Сел он возле царского колена,
Соболь-шапку на лоб нахлобучил,
Под рукою шестопер приладил,
Приготовил саблю на колене.
Начал царь вести такие речи:
«Сын названый, Королевич Марко!
Мой указ, наверное, ты знаешь,
В рамазан не бражничать народу,
Не носить зеленые доламы,
Не носить и кованые сабли,
Не кружиться с девушками в коло.
Мне же люди добрые сказали,
Горемыку Марко обвинили,
Что ты водишь с девушками коло,
Что ты носишь кованую саблю,
Что всегда в зеленой ты доламе,
В рамазан винище распиваешь,
Да еще муллам велишь и ходжам,
Чтоб они с тобою пировали!
Что ты шапку на лоб нахлобучил,
Под рукою шестопер приладил,
Приготовил саблю на колене?»
Отвечает Королевич Марко:
«Царь-султан, родитель мой названый!
Коль я пью во время рамазана,
Значит, вера пить мне разрешает.
Коль я мулл и ходжей угощаю,
Значит, царь, я вынести не в силе,
Чтоб я пил, а турки лишь глазели,
Пусть ко мне не ходят на подворье.
Коль хожу в зеленой я доламе,
Значит, мне к лицу она, юнаку.
Коль ношу я кованую саблю,
Значит, я купил ее за деньги.
Коль вожу я с девушками коло,
Значит, молод я и неженатый,
Как и ты женат когда-то не был.
Коль я шапку на лоб нахлобучил,
Значит, речь твоя мне не по сердцу,
Коль я шестопер к себе придвинул
И держу я саблю на колене,
Значит, нынче ожидаю ссоры.
Ну, а коль начнется эта ссора,
Смерть тому, кто ближе всех от Марко!»

Оглянулся царь-султан турецкий,
Кто стоит тут ближе всех от Марко,
Ан, пред Марко никого и нету,
Только он, султан один турецкий.
Царь отпрянул, Марко следом прянул,
И прижал султана он к простенку.
Тут султан пошарил по карманам,
Подает юнаку сто дукатов:
«Вот тебе, мой Королевич Марко!
Уходи и пей вина, сколь хочешь».

МАРКО ОТМЕНЯЕТ СВАДЕБНУЮ ПОШЛИНУ

Рано утром в путь собрался Марко,
Рано утром к Косову поехал.
Лишь подъехал он к реке Серване,
Повстречал он Косовку-девицу.
Пожелал ей счастья Королевич:
«Бог на помощь, Косовка-девица!»
До земли девица поклонилась:
«Будь здоров, юнак мой незнакомый!»
Стал юнак беседовать с девицей:
«Дорогая Косовка-девица!
Молода ты с виду, и пригожа,
И стройна, и личиком румяна,
Лишь коса одна тебя не красит,
Оттого, что рано поседела.
Расскажи мне, Косовка-девица,
Ты сама ли счастье потеряла,
Ты сама иль старый твой родитель,
Твой отец иль матушка родная?»
Зарыдала Косовка-девица
И в ответ промолвила юнаку:
«Брат мой милый, витязь незнакомый!
Не сама я счастье потеряла,
Не сама, не старый мой родитель,
Не отец, не матушка родная.
Но недаром счастья я лишилась:
Девять лет, как мы в беде великой,
Злой Арап пришел к нам из-за моря,
Откупил он Косово у турок,
Наложил на жителей поборы,

Чтоб его кормили да поили.
А еще берет Арап на свадьбах
За невест по тридцати дукатов,
С женихов — по тридцать и четыре.
Коль юнак богатого семейства,
Значит, может тот юнак жениться,
А невеста может выйти замуж.
У меня же братья небогаты,
Откупиться нечем от Арапа,
Оттого и в девках я осталась,
Оттого и счастья я лишилась.
Может, я не очень бы тужила,
Что нельзя девице выйти замуж,
А юнаку бедному жениться,
Но беда случилась и побольше.
Повелел проклятый тот насильник
Приводить девиц к нему на ложе:
Незамужних сам Арап целует,
А замужних слуги обнимают.
Наложил на Косово он подать,
Чтоб девиц давали по порядку,
Нынче вышла очередь за мною
Отправляться вечером к Арапу,
Миловаться с черным до рассвета.
Вот теперь и думаю я, братец:
«Боже милый! Что теперь мне делать!
Или в воду броситься, несчастной,
Или мне повеситься от горя?
Лучше, брат, покончить мне с собою,
Чем ласкать душителя отчизны!»
Говорит ей Королевич Марко:
«Дорогая Косовка-девица!
Не шути ты, в воду не бросайся,
Не губи себя своей рукою,
Не бери, сестра, греха на душу!
Ты скажи мне, где дворы Арапа,
Где его Арапово подворье?
Надо мне с Арапом столковаться».
Отвечает девушка юнаку:
«Милый брат мой, витязь незнакомый!
Что тебе в Араповом подворье?
Пропади он пропадом, проклятый!
Может, ты нашел себе невесту
И несешь за девушку дукаты?

Может быть, у матушки один ты?
Берегись! Арап тебя загубит!
Как тогда прокормится старушка?»
Вынул Марко тридцать ей дукатов,
Показал их Косовке-девице:
«Вот тебе, сестра моя, дукаты,
Уходи домой к себе скорее;
Жди, покуда счастье не вернется.
Но скажи мне, Косовка-девица,
Где дворы проклятого Арапа,
Я снесу ему твои дукаты.
Тот Арап губить меня не будет,
У меня достаточно богатства,
Заплатить за Косово мне хватит,
За тебя ж тем более достанет».
Говорила Косовка-девица:
«Не дворы у нашего Арапа,
Но шатры поставлены простые.
Посмотри на Косово отсюда,
Видишь, вьется шелковое знамя?
Там шатер проклятого Арапа,
А вокруг шатра и тын зеленый
Головами мертвыми украшен.
За неделю тот Арап проклятый
Семьдесят и семь убил косовцев,
У Арапа сорок слуг на страже,
Сторожат Арапово подворье».
Лишь услышал Марко эти речи,
Поскакал по Косово он низом,
Распалил юнак лихого Шарца:
Из-под ног живой огонь сверкает,
Синий пламень из ноздрей струится.
Марко злится, по Косову мчится,
Льются слезы по лицу юнака:
«Косово, ой ровное ты поле!
До чего мы дожили с тобою!
Уж теперь не князь наш благородный —
Злой Арап тобою управляет!
Не снесу я этого позора,
Не стерплю великой той печали,
Чтоб чинил Арап свои обиды,
Целовал и девушек и женщин.
Я отмщу за вас сегодня, братья,
Отомщу за вас или погибну!»

Стал юнак к арапам приближаться,
Увидали стражи незнакомца,
Побежали к черному Арапу.
«Господин Арап ты наш заморский,
Дивный витязь скачет по Косову,
Распалил коня он удалого,
Из-под ног живой огонь сверкает,
Синий пламень из ноздрей струится,
Знать, юнак на нас ударить хочет».
Молвил стражам черный тот Арапин:
«Что вы, дети, сорок верных стражей!
Не посмеет он на нас ударить,
Он, как видно, думает жениться
И везет нам свадебную подать.
Жаль юнаку своего богатства,
Оттого и злится он, наверно.
Выходите вы во двор зеленый,
Как пристало, витязя встречайте.
Поклонитесь вы ему смиренно,
Доброго коня его примите,
И коня примите, и оружье,
И в шатер пустите незнакомца,
Не богатство — голову возьму я
И коня добуду у юнака».
Побежали слуги от Арапа,
Чтоб принять коня у незнакомца,
Но когда подъехал Королевич,
Не посмели слуги подступиться,
Кинулись в шатер они обратно,
Прячутся за черного Арапа,
Прячут сабли острые в подолах,
Чтобы Марко сабель не увидел.
На подворье въехал Королевич,
Соскочил он с Шарца боевого,
Наказал коню лихому Шарцу:
«Ты гуляй, мой Шарац, по подворью,
Жди, пока я буду у Арапа,
От шатра не отходи далеко,
Помоги, коль туго мне придется».
Тут вошел к Арапу Королевич —
Пьет вино холодное Арапин,
Служит за столом ему девица,
Подает вино ему молодка.
Поклонился Королевич Марко:

«Бог на помощь, господин Арапин!»
Хорошо Арап ему ответил;
«Будь здоров, юнак мой незнакомый!
Подойди, вина со мною выпей,
Расскажи, зачем ко мне явился».
Отвечает Королевич Марко:
«Недосуг мне бражничать с тобою!
С добрым делом я к тебе явился,
С добрым делом, лучше быть не надо.
Я посватал красную девицу
Да оставил сватов на дороге,
Сам явился с пошлиной за свадьбу,
Чтобы с той девицей обвенчаться,
Чтобы в том мне не было помехи.
Сколько денег ты берешь за свадьбу?»
Хорошо Арап ответил Марко:
«Сколько денег — это всем известно:
За невест по тридцати дукатов,
С женихов по тридцать и четыре.
Ты, как видно, молодец не промах,
Потому с тебя не меньше сотни».
Тут пошарил Марко по карманам,
Три дуката бросил лиходею:
«Верь, Арап, что нету больше денег,
Подожди, пока вернусь с девицей,
Славный дар мне родичи готовят,
Все тебе отдам, не пожалею,
Дар — тебе, а мне — моя невеста».
Лютым змеем взвизгнул тот Арапин:
«Что ж я, курва, в долг тебе поверю?
Сам не платишь, да еще смеешься!»
Тут взмахнул он тяжким шестопером
И ударил доброго юнака,
И не раз, а три-четыре раза.
Засмеялся Королевич Марко:
«Ой, юнак! Ой, черный ты Арапин!
Шутишь ты иль бьешь меня без шуток?»
Лютым змеем взвизгнул тот Арапин:
«Не шучу я, бью тебя без шуток!»
И тогда промолвил Королевич:
«Я-то думал, ты, несчастный, шутишь!
Ну, а если вправду ты дерешься,
То и я владею шестопером,
Чтобы стукнуть три-четыре раза.

Сколько раз ты здесь меня ударил,
Столько раз и я тебя ударю,
А потом пойдем с тобою в поле,
Снова выйдем там на поединок».
Гут взмахнул он тяжким шестопером
И ударил черного Арапа.
Полегоньку он его ударил,
Только выбил голову из шеи.
Засмеялся Королевич Марко:
«Боже милый, честь тебе и слава!
Как башка-то скоро отскочила,
Будто на плечах и не сидела!»
Вынул Марко кованую саблю,
Начал сечь Араповых он стражей,
Порубил он сорок лиходеев,
С четырьмя решил не расправляться,
Чтоб они рассказывали людям,
Что случилось с Марко у Арапа.
Тут собрал он головы косовцев
И честному предал погребенью,
Чтоб орлы их больше не клевали,
И украсил тын опустошенный
Головами черных тех злодеев,
И казну забрал их без остатка.
Четырех же стражей неубитых
Он на Косово отправил поле,
Чтоб они по Косову ходили
И всему народу объявляли:
«У кого есть девушка-невеста,
Пусть выходит замуж, молодая!
Если хочет где юнак жениться,
Пусть без страха выбирает любу!
Больше нету пошлины на свадьбу,
Расплатился Королевич Марко!»
Тут и старый закричал и малый:
«Дай бог здравья славному юнаку!
Он наш край от бедствия избавил,
Истребил насильника Арапа,
Пусть господь душе его и телу
Ниспошлет свое благословенье!»

СМЕРТЬ КОРОЛЕВИЧА МАРКО

В воскресенье Королевич Марко
Рано утром ехал возле моря,
Путь держал он на гору Урвину.
Только он взобрался на Урвину,
Начал конь под Марко спотыкаться;
Обливаться горькими слезами.
Огорчился Королевич Марко,
И промолвил Шарцу он с упреком:
«Что ж ты, Шарац, верный мой товарищ!
Сотню лет служил ты мне исправно,
Шестьдесят мне верным был слугою,
И ни разу ты не спотыкался,
Лишь сегодня начал спотыкаться,
Обливаться горькими слезами.
Что случится — то известно богу,
Только, знать, хорошего не будет,
Может, я, а может, ты сегодня
Навсегда простимся с головою».
Лишь промолвил Марко это слово,
Кличет вила горная с Урвины,
Призывает доброго юнака:
«Побратим мой, Королевич Марко!
Знаешь ли, о чем твой Шарац тужит?
Он тебя, хозяина, жалеет,
Потому что скоро вам разлука!»
Отвечает виле Королевич:
«Чтоб ты, вила белая, пропала!
Как могу я с Шарцем разлучиться,
Если мы объехали всю землю,
Целый мир с восхода до заката!
Лучше Шарца нет коня на свете,
Лучше Марка нет юнака в мире.
До тех пор я с Шарцем не расстанусь,
Головы пока не потеряю!»
Кличет вила белая юнаку:
«Побратим мой, Королевич Марко!
Шарац твой врагу не попадется,
Да и сам погибнуть ты не можешь
От юнака или острой сабли,
От копья иль палицы тяжелой:
На земле никто тебе не страшен,
Но умрешь ты, Марко-горемыка,

Сам собой, по божьему веленью,
И за кровь ответишь перед богом.
Если ты словам моим не веришь,
Подымись на горную вершину,
Посмотри с вершины той налево
И увидишь две зеленых ели.
Поднялись те ели над горою,
Всю ее листвою осенили,
А внизу под елями колодец.
Слезь ты, Марко, у того колодца,
Привяжи коня к зеленой ели,
Наклонись над светлою водою,
Чтоб в воде лицо свое увидеть,
Как увидишь — так и жизнь покончишь».
И послушал вилу Королевич,
Въехал он на горную вершину,
Посмотрел с вершины той налево
И увидел две зеленых ели.
Поднялись те ели над горою,
Всю ее листвою осенили,
А внизу под елями — колодец.
Спрыгнул у колодца Королевич,
Привязал коня к зеленой ели,
Над водою светлой наклонился
И в воде лицо свое увидел.
Только он лицо свое увидел,
Как почуял — смерть его подходит,
И сказал он, слезы проливая:
«Мир обманный, цвет благоуханный!
Был ты сладок, только жил я мало,
Жил я мало, триста лет, не. боле,
Срок пришел, пора мне в жизнь иную».
Выхватил тут саблю Королевич,
Выхватил он, острую, из ножен,
Подошел он к Шарцу со слезами,
И отсек он голову бедняге,
Чтобы Шарац туркам не достался,
Чтобы враг над Шарцем не глумился,
Не возил ни сор на нем, ни воду.
Распростился с Шарцем Королевич,
Схоронил старательней, чем брата,
Удалого витязя Андрея.
И сломал тут острую он саблю
И четыре раскидал обломка,

Чтобы сабля туркам не досталась,
Чтобы турки саблей не хвалились,
Что достали саблю у юнака,
Чтоб не кляли Марка христиане.
И копье сломал он боевое
И обломки кинул в ельник частый,
Взял он шестопер рукою правой
И метнул его с горы Урвины,
В море синее его забросил,
И промолвил Марко шестоперу:
«Лишь когда ты выплывешь на сушу,
Новый Марко на земле родится».
Только он с оружием покончил,
Вынул он чернильницу с бумагой,
Написал такое завещанье:
«Кто поедет по горе Урвине
Мимо этих елей, у колодца,
И увидит Марко на дороге,
Пусть он знает, что скончался Марко,
Что на нем три пояса дукатов,
Первый пояс Марко завещает
Тем, кто Марко выроет могилу,
А другой — на украшенье храмов,
Третий пояс — нищим и незрячим,
Пусть слепые по свету блуждают,
Пусть поют и вспоминают Марко».
Кончил завещанье Королевич,
Высоко наткнул его на елку,
Чтоб с дороги можно было видеть,
И швырнул чернильницу в колодец,
Скинул он зеленую доламу,
Разостлал под елью у колодца,
Осенил крестом себя широким,
И прикрыл глаза собольей шапкой,
И затих, и больше не поднялся.
Так лежал юнак усопший Марко
День за днем, пока прошла неделя.
Кто проедет мимо по дороге
И заметит Марко у колодца,
Всякий мыслит: Марко отдыхает,
И объедет Марко стороною,
Чтобы сон юнака не тревожить.
Там, где счастье, тут же и несчастье,
Где несчастье, тут и счастье рядом,

Занесло то счастье на Урвину
Святогорца проигумна Васо,
Он из белой церкви Вилиндара
Проезжал тут с дьяконом Исайей.
Лишь увидел Марко проигумен,
Стал махать на дьякона руками.
«Тише, сын мой, не буди юнака,
Он со сна бывает очень грозен,
Как бы грех какой не приключился!»
Тут письмо заметил он на елке,
Прочитал, что умер витязь Марко,
Слез с коня, рукой его потрогал,
А юнак давно уже скончался.
Пролил слезы проигумен Васо,
Стало жаль святителю юнака.
Снял с него три пояса с деньгами,
С Марко снял, себе их припоясал,
Начал думать проигумен Васо,
Где предать юнака погребенью.
Долго думал, наконец придумал,
Положил он мертвого на лошадь
И повез его на берег моря.
Мертвого взял Марко на галеру
И доставил на Святую Гору
Ко святому храму Вилиндару,
Внес юнака в божью ту обитель,
Совершил над мертвым отпеванье,
Схоронил юнака святогорец
Посредине храма Вилиндара,
Не поставил надпись над могилой,
Чтоб враги не знали о могиле,
Чтоб не мстили мертвому злодеи.

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ЛЕСЯ УКРАИНКА

●

СЛЕЗЫ — ПЕРЛЫ

(Цикл)

Посвящается И. Франко

I. О МИЛАЯ РОДИНА!..

О милая родина! Край мой желанный!
Зачем все умолкло в тебе, онемело?
Лишь пташка в лесу отзовется несмело,
Предчувствуя бури порыв ураганный,
И снова умолкнет. Как глухо, как тихо!
Ой, лихо!

Ой, где же ты, воля? Звездой неприметной
Зачем не сойдешь ты с дороги воздушной?
Порадовать землю несчастную нужно!
Ты видишь: все скрыто здесь тьмой
беспросветной,
И правда бессильна с неправдою в споре.
Ой, горе!

О бедный народ мой! Страдая невинно,
В цепях мои братья почти бездыханны.
Увы, незажившие страшные раны

Горят на груди у тебя, Украина!
Кто тяжкое иго разбить нам поможет?
Ой, боже!

Когда ж это минет? Иль счастья не стало?
Проклятье рукам, онемевшим в бессилье!
Зачем и родиться, чтоб жить как в могиле?
Уж лучше б смертельною мглою застлало
Печальные очи, чем жить нам в позоре!
Ой, горе!

II. В СЛЕЗАХ Я СТОЮ...

В слезах я стою пред тобой, Украина...
О горе мое! Для чего эта мука?
Чем может помочь тебе тяжкая эта кручина?
Она — небольшая услуга!

Ой, слезы, они мне всю душу спалили,
Следы огневые оставили с детства,
Те горькие жалобы сердце мое сокрушили!
И нет от страдания средства.

А мало ль нас плачет такими слезами?
Как можем мы, дети, утешиться снова,
Коль мать и в нужде и в неволе горюет над нами?
Где ж тут раздобыть нам веселое слово?

Молва говорит о слезах материнских,
Что будто каменья они прожигают:
Неужто кровавые слезы детей украинских
Бесследно, упав, исчезают?

III. ВСЕ НАШИ СЛЕЗЫ...

Все наши слезы мукой огневою
Падут на сердце, сердце запылает...
Пускай пылает, не дает покоя,
Пока душа себя превозмогает.

Когда ж не хватит силы, если мука
Ударит в сердце бешеным ударом,
Тогда душа воспрянет от недуга
И ото сна пробудится недаром.

Она размечет все свои преграды,
Она заснуть, как прежде, не сумеет,
Она бороться будет без пощады,
Она погибнет или одолеет.

Победа или славная могила —
Одно из двух перед душой предстанет...
Какой бы путь нам жизнь ни присудила, —
Восстанем мы затем, что дух восстанет.

Так будем плакать, братья. Знать, бесчестье
Еще душа, томясь, превозмогает:
Пусть сердце рвется, требуя возмездья,
Пусть не дает покоя, пусть пылает!

●

* * *

Холодной ночью брошенный костер
Нашел однажды путник одинокий.
Вокруг чернел непроходимый бор.
При лунном свете полосой широкой
Зола белела. Хворост, щепки, сор
Торчали в ней, и кучкою убогой
Дрова лежали. Видно, кто-то здесь
Залил костер, но он сгорел не весь.

И путник осторожными руками
Потухший пепел начал шевелить.
Вот искорка мелькнула под ногами.
Он, раздувая, стал ее ловить,
Зола затлела звездами, но пламя
Не удалось дыханьем оживить,
И, потрудившись без толку, прохожий
Ушел ни с чем, унылый и продрогший.

Но искра не угасла под золой
И до рассвета, как живая рана,
Язвила мрак холодный и сырой,
И жар больной чуть тлел среди тумана.

Лишь на заре сквозь тонкий дым струей
Пробилось пламя, ярко и багряно.
Когда же солнце встало *поутру*, —
Огонь, как зверь, свирепствовал в бору.

МИКОЛА БАЖАН

ОКОЛО УНИВЕРСИТЕТА

Шатались колонны огромного дома,
Оконное лопалось в рамах стекло,
Багровое пламя металось и жгло,
Свой красный язык обнажив из пролома.

И валятся залы в горящий пролом,
И рушится свод, неподвижный доселе,
И книги, как птицы, на мокрой панели
В отчаянье бьют обгорелым крылом.

Ломаются стены и падают в пламя
С объятых огнем постаментов своих
Поэты, мыслители, чтимые н а м и , —
Высокие стражи бесчисленных книг.

Где ты, поджигатель, бряцавший оружьем,
Охваченный страхом трусливый злодей?
Нет, ты не уйдешь! Мы тебя обнаружим
В проклятой фашистской берлоге твоей!

День судный подходит. Мы круг свой
замкнули.
Ты явишься в суд, чтобы кару понесть
За пушкинский лик, исковерканный пулей,
За очи Тараса, сожженные здесь;

За Гете, которого свергли с позором,
За муки Белинского, раны Франко,
За темя Шекспира, пробитое вором,
За то, что Гомер оскорблен глубоко!

Безумец, глумясь у подножия статуй,
Ты свой потерял человеческий вид.
Забыл ты, что здесь, угрожая расплатой,
Разгневанный воин на страже стоит.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Уже бо нощи глубоци и зоря изгаше, Дмитрий же, вседна конь, поим с собою великого князя Димитрия и выехав на поле Куликово и ста посреди обою полку.

«Сказание о Мамаевом побоище»

По голубой, туманно-синей дали,
По серебристым росам ковылей
Встревоженные кони выступали,
Прислушиваясь к шороху полей.
А даль шумела. Лебеди над Доном
Кричали криком долгим и глухим.
Как будто гусли, потаенным звоном
Земля донская откликалась им.

Ты слышишь голос бедствия земного?
С тобою говорят твои поля.
Сердечно, чутко, властно и сурово
К тебе взывает Русская земля.
Над нею дым враждебного становья, —
Как будто туча облегла ее.
Ты видишь, княже? Залитое кровью,
Блестит вдали монгольское копье.
Там встал Мамай своим огромным станом,
Там, как чума, с ордою встал Мамай.
Захлестнут край степным его арканом,
Орда конями топчет отчий край.
Свистят бичи великого полона,
Скрипят возы неслыханной беды, —
От волжских круч до светлых плавней Дона
Телег несметных тянутся следы.
То вслед за ханом двигаются ясы,
Буртасы рыщут стаями волков.
Наемник-фрязин [1], хищник темноглазый,

---

[1] Ясы, буртасы — племена, принимавшие участие в походе Мамая. Фрязины, фрязи — выходцы из Западной Европы, в данном случае генуэзцы, наемники Мамая. (*Примеч. М. Бажана.*).

Продажный меч поднять на нас готов.
И кличет горе стоязыким хором
По всей земле от Волги до Днепра,
И вновь обида встала над простором
Родных полей... Садись в седло, пора!
Садись в седло и торопись, мой княже,
Разведать поле, родине помочь.
Исполни то, что родина прикажет
В сентябрьскую глухую эту ночь.
Туман Непрядвы по земле отцовской
Ползет беззвучно, словно мох болот.
Сквозь дым и ночь Димитрий, князь
московский,
С Дмитром Волынцем выехал вперед.
Легла на меч рука Волынца смело:
«Терпи, булатный! В утреннем бою
Еще потешишь ты Волынь мою,
Невольницу лукавого Ягелла.
Сюда на бой меня послали вы,
Леса Волыни, скорбные в неволе,
И я за вас на Куликовом поле
Стою под чермным знаменем Москвы».
— Ты отчего задумчив, воевода? —
Промолвил князь. И кони встали вдруг.
И стало слышно, как бормочут воды,
Как бьет Непрядва в шелестящий луг.

И стало слышно, как в глуши дубравы
Нетерпеливо кличет воронье,
Как воют волки и на пир кровавый
Со всех сторон сбегается зверье.
Да, будет кровь, и горе, и утраты,
Багровой станет в берегах вода.
Вон там стоит, сильнее нас трикраты,
Досель непобедимая орда.
Стоит орда, и степь вдали родная
Покрыта тьмою черных их шатров.
До Красной Мечи полчища Мамая
Уже дошли, пространства поборов.
С рассветом бой. С рассветом средь курганов
Польется кровь по луговой траве.
— Пойдем, Дмитро, на стан враждебный
глянув,
Издалека поклонимся Москве.

Взошли на холм, вперились острым взором
Туда, на юг, где залегла орда,
И вдруг оттуда, взвившись над простором,
И вопль и грохот донеслись сюда.
Ворвались в мир таинственные звуки —
Далекий гром невиданной грозы,
Как будто тяжко двигались возы
Иль кто-то выл от нестерпимой муки, —
Что это? Кони вылетели вскачь
Иль в отзвуках смертельной дикой сечи
Пронесся женский безнадежный плач,
Татарский плач в полях у Красной Мечи?
Из тьмы ночной летел протяжный гром,
Как смертный рев разбитого похода...
И повернулись к северу лицом
Задумчивые князь и воевода.

— Ты видишь, княже? Расступился мрак.
Земля сияет в новом озаренье,
Как светлый щит, как серебристый стяг,
Воздвигнутый во славу поколений.
То над Москвой сияние встает,
Кремлевских башен светятся шеломы,
Моя твердыня, сеющая громы!
Моя надежда, сила и оплот!
Сквозь даль и ночь, сквозь чащи и дубравы
Я вижу свет, упавший на поля,
Над камнем башен блещет пламень славы,
Не дремлет стража юного Кремля.
Готовы мы и к битвам, и к пожарам,
И к буйству недр, и к злобе вражьих сил, —
Родную землю русскую недаром
Ты в основанье башен положил.
Пусть грянет бой! Вернемся к войску, княже.
Уж скоро день — он будет нашим днем.
Изломанный, навек сегодня ляжет
Бунчук Мамая под твоим конем!

И замерли они в земном поклоне
Московским далям, стороне родной,
И выпрямились властно над землей,
И на коней — лишь зазвенели брони.

И из дозора возвратился князь,
Могущественный, встал перед войсками,
И тишина промчалась над полками,
Когда его десница поднялась.
И дрогнул луг, услышав княжье слово,
И, зашумев по берегу реки,
Из-за Непрядвы двинулись полки,
Вступившие на поле Куликово.

СТАРЫЕ НЕМЕЦКИЕ ПОЭТЫ

ИОГАНН МЕЙЕРГОФЕР

МЕМНОН

Судьбы моей печален приговор.
Я глух и нем, пока в тумане горы.
Но лишь блеснет пурпурный луч Авроры,
С пустыней я вступаю в разговор.

Как легкий вздох гармонии живой,
Звучит мой голос скорбно и уныло,
Поэзии волшебное горнило
Миротворит мой пламень роковой.

Я ничего не вижу впереди,
Лишь смерть ко мне протягивает длани,
Но змеи безрассудных упований
Еще живут и мечутся в груди.

С тобой, заря, увы, с одной тобой
Хотел бы я покинуть эти своды,
Чтоб в час любви из ясных недр свободы
Блеснуть над миром трепетной звездой.

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

ПЕСНЬ СТАРЦА

Пусть белый снег кружится
Перед окном,
Морозов не боится
Мой старый дом.

Пусть голова под старость
Белым-бела,
Не гаснет в сердце радость
И жизнь мила.

Пусть вянут розы мая,
Но в эти дни
Во мне, не умирая,
Живут они.

Пускай метель кружится
Среди полей, —
Живой родник струится
В душе моей.

Пускай умолкли птицы
Давным-давно,
Всю ночь стучит синица
В мое окно:

«Ты жив ли, мой наставник?
Зима кругом!
Закрой покрепче ставни,
Запри свой дом.

Запри уединенный
Свой старый дом,
Засни, завороженный
Волшебным сном!»

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

Душа в огне, нет силы боле,
Скорей в седло — и на простор!
Уж вечер плыл, лаская поле,
Висела ночь у края гор.

Уже стоял, одетый мраком,
Огромный дуб, встречая нас.
Уж тьма, гнездясь по буеракам,
Смотрела сотней черных глаз.

Исполнен сладостной печали,
Светился в тучах лик луны.
Крылами ветры помахали,
Зловещих шорохов полны.

Толпою чудищ ночь глядела,
Но сердце пело, несся конь.
Какая жизнь во мне кипела,
Какой во мне пылал огонь!

В моих мечтах лишь ты носилась,
Твой взор так сладостно горел,
Что вся душа к тебе стремилась
И каждый вздох к тебе летел,

И вот — конец моей дороги,
И ты, овеяна весной,
Опять, опять со мной. О боги,
Чем заслужил я рай земной?

Но, ах, лишь утро засияло,
Угасли милые черты.
О, как меня ты целовала,
С какой тоской смотрела ты!

Я встал, душа рвалась на части,
И ты одна осталась вновь.
И все ж любить — какое счастье,
Какой восторг — твоя любовь!

ИОГАНН ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

«Вы одна моя отрада,
Славный рыцарь мой,
Но просить меня не надо
О любви земной.
Вы со мной иль не со мною —
В сердце нет огня.
Что ж вы смотрите с мольбою,
Рыцарь, на меня?»

И отводит рыцарь взоры
От ее ланит,
И, в коня вонзая шпоры,
В замок свой летит.
И, собрав свою дружину,
Из родной страны
Мчится рыцарь в Палестину
На поля войны.

Горе, горе мусульманам!
В кованой броне
Он летит на поле бранном
На лихом коне.
И бежит, бежит в испуге
Вражеская рать.
Но томится, полон муки,
Тогенбург опять.

Год прошел в тоске напрасной,
И не стало сил:
Без ее любови страстной
Свет ему не мил,
Только парус показался,
И на корабле,
Полон радости, помчался
Он к родной земле.

Вот в знакомые ворота
Входит пилигрим.
Ах, один слуга у входа
Предстает пред ним.
«Опоздали вы немного,
Девы в замке нет.
Отреклась она для бога
От мирских сует».

Тут покинул он навеки
Свой родимый дом,
Боевые снял доспехи,
Панцирь и шелом.
И, покрытый власяницей,
В цвете юных лет
Рыцарь следом за девицей
Бросил грешный свет.

В чаще лип стоит обитель,
Сад угрюм и дик.
Молодой пустынножитель
Келью там воздвиг.
На окно уставив очи,
Истомлен постом,
Бога он с утра до ночи
Молит об одном.

Одного душой унылой
Просит он давно —
Чтоб в обители у милой
Стукнуло окно.
Чтоб, как ангел безмятежный,
В тишине ночной

Дева лик склонила нежный
В сад пустынный свой,
Увидав ее, от счастья
Падал он без сил.
Годы шли, но, полон страсти,
Бога он молил.
Каждый день, больной и хилый,
Он просил одно —
Чтоб в обители у милой
Стукнуло окно.

Чтоб, как ангел безмятежный,
В тишине ночной
Дева лик склонила нежный
В сад пустынный свой.
Так однажды в день ненастный
Мертвый он сидел
И в окно с мольбой безгласной,
Как живой, глядел,

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

К Коринфу, где во время оно
Справляли праздник Посейдона,
На состязание певцов
Шел кроткий Ивик, друг богов.
Влекомый жаром песнопенья
И бросив Регий вдалеке,
Он шел, исполнен вдохновенья,
С дорожным посохом в руке.

Уже его пленяет взоры
Акрокоринф, венчая хоры,
И в Посейдонов лес густой
Он входит с трепетной душой.
Здесь всюду сумрак молчаливый,
Лишь в небе стая журавлей
Вослед певцу на юг счастливый
Станицей тянется своей.

«О птицы, будьте мне друзьями!
Делил я путь далекий с вами,
Был добрым знамением дан
Мне ваш летучий караван.

Теперь равны мы на чужбине, —
Явившись издали сюда,
Мы о приюте молим ныне,
Чтоб не постигла нас беда!»

И бодрым шагом в глубь дубравы
Спешит певец, достойный славы,
Но притаившиеся тут
Его убийцы стерегут.
Он борется, но два злодея
Его пронзают с двух сторон!
Искусно лирою владея,
Был неискусен в битве он.

К богам и к людям он взывает,
Но стон его не достигает
Ушей спасителя: в глуши
Не отыскать живой души.
«И так погибну я, сраженный,
И навсегда останусь нем,
Ничьей рукой не отомщенный
И не оплаканный никем!»

И пал он ниц, и пред кончиной
Услышал ропот журавлиный,
И громкий крик, и трепет крыл
В далеком небе различил.
«Лишь вы меня, родные птицы,
В чужом не бросили краю!
Откройте ж людям, кто убийцы,
Услышьте жалобу мою!»

И труп был найден обнаженный,
И лик скитальца, искаженный
Печатью ужаса и мук,
Узнал в Коринфе старый друг.
«О, как безгласным и суровым
Тебя мне встретить тяжело!
Не я ли мнил венком сосновым
Венчать любимое чело?»

Молва про злое это дело
Мгновенно праздник облетела,
И поразились все сердца
Ужасной гибели певца.

И люди кинулись к пританам,
Немедля требуя от них
Над песнопевцем бездыханным
Казнить преступников самих.

Но где они? В толпе несметной
Кто след укажет незаметный?
Среди собравшихся людей
Где укрывается злодей?
И кто он, этот враг опасный, —
Завистник злой иль жадный тать?
Один лишь Гелиос прекрасный
Об этом может рассказать.

Быть может, наглыми шагами
Теперь идет он меж рядами
И, не взирая на народ,
Преступных дел вкушает плод.
Быть может, на пороге храма
Он здесь упорно лжет богам
Или с толпой людей упрямо
Спешит к театру, бросив храм.

Треща подпорами строенья,
Перед началом представленья
Скамья к скамье, над рядом ряд,
В театре эллины сидят.
Глухошумящие, как волны,
От гула множества людей,
Вплоть до небес, движенья полны,
Изгибы тянутся скамей.

Кто здесь сочтет мужей Фокиды,
Прибрежных жителей Авлиды,
Гостей из Спарты и Афин?
Они явились из долин,
Они спустились с гор окрестных,
Приплыли с дальних островов
И внемлют хору неизвестных,
Непостижимых голосов.

Вот перед ними тесным кругом,
Из подземелья друг за другом,
Чтоб древний выполнить обряд,

Выходит теней длинный ряд.
Земные жены так не ходят,
Не здесь родные их края,
Их очертания уводят
За грань земного бытия.

Их руки тощие трепещут,
Мрачно-багровым жаром плещут
Их факелы, и бледен вид
Их обескровленных ланит.
И, к привиденьям безобидны,
Вокруг чела их, средь кудрей
Клубятся змеи и ехидны
В свирепой алчности своей.

И гимн торжественно-согласный
Звучит мелодией ужасной
И сети пагубных тенет
Вкруг злодеяния плетет.
Смущая дух, волнуя разум,
Эринний слышится напев,
И в страхе зрители, и разом
Смолкают лиры, онемев.

«Хвала тому, кто чист душою,
Вины не знает за собою!
Без опасений и забот
Дорогой жизни он идет.
Но горе тем, кто злое дело
Творит украдкой тут и там!
Исчадья ночи, мчимся смело
Мы вслед за ними по пятам.

Куда б ни бросились убийцы, —
Быстрокрылатые, как птицы,
Мы их, когда настанет срок,
Петлей аркана валим с ног.
Не слыша горестных молений,
Мы гоним грешников в Аид
И даже в темном царстве теней
Хватаем тех, кто не добит».

И так зловещим хороводом
Они поют перед народом,

И, чуя близость божества,
Народ вникает в их слова.
И тишина вокруг ложится,
И в этой мертвой тишине
Смолкает теней вереница
И исчезает в глубине.

Еще меж правдой и обманом
Блуждает мысль в сомненье странном,
Но сердце, ужасом полно,
Незримой властью смущено.
Ясна лишь сердцу человека,
Но скрытая при свете дня,
Клубок судьбы она от века
Плетет, преступников казня,

И вдруг услышали все гости,
Как кто-то вскрикнул на помосте:
«Взгляни на небо, Тимофей,
Накликал Ивик журавлей!»
И небо вдруг покрылось мглою,
И над театром сквозь туман
Промчался низко над землею
Пернатых грозный караван.

«Что? «Ивик» он сказал?» И снова
Амфитеатр гудит сурово,
И, поднимаясь, весь народ
Из уст в уста передает:
«Наш бедный Ивик, брат невинный,
Кого убил презренный тать!
При виде стаи журавлиной
Что этот гость хотел сказать?»

И вдруг, как молния, средь гула
В сердцах догадка промелькнула,
И в ужасе народ твердит:
«Свершилось мщенье Эвменид!
Убийца кроткого поэта
Себя нам выдал самого!
К суду того, кто молвил это,
И с ним — приспешника его!»

И так всего одно лишь слово
Убийцу уличило злого,
И два злодея, смущены,
Но отрекались от вины.
И тут же, схваченные вместе
И усмиренные с трудом, —
Добыча праведная мести, —
Они предстали пред судом.

ПОРУКА

Раз к Дионису-тирану вбежал
Мерос, любимец народа,
Но схвачен был стражей у входа.
— Зачем в плаще у тебя кинжал? —
Спросил его царь, и герой сказал:
— Тирана хотел наказать я!
— Злодей! Ты достоин распятья!

— О царь, я знаю, ты нравом жесток, —
Ответил Мерос тирану, —
Молить я о жизни не стану,
Но дай, прошу, трехдневный мне срок,
Чтоб свадьбу сестры я отпраздновать мог
Мой друг за меня поручится,
И к казни готов я явиться.

И вот, поднимая насмешливый взгляд,
Тиран сказал, торжествуя:
— Три дня тебе подарю я,
Но помни: как только они пролетят
И ты не вернешься ко мне назад,
Я друга пошлю на мученья
В ответ за твои преступленья.

Вот пришел он к другу: — Печален мой рок!
У входа стражей я схвачен,
И крест мне для пытки назначен,
Но дал Дионис мне трехдневный срок,
Чтоб свадьбу сестры я отпраздновать мог,
И вот нужна мне услуга:
Дать я должен в заложники друга.

И молча его обнимает друг,
И радостно входит в темницу,
И тот покидает столицу.
Венчается с девой юный супруг,
Третий день настает, больше ждать недосуг,
И снова, полный тревоги,
Несчастный спешит по дороге.

Но тут свергается ливень с высот,
И ветер бушует, и буря ревет,
И в горах зашумели потоки.
Он вернуться к ночи обязан назад,
Но мост через речку сорвал водопад,
И с громом в бурные воды,
Разрушаясь, падают своды.

И бродит по берегу он, одинок,
О помощи громко взывая,
Но безлюдна долина немая.
Никто ему не подаст челнок,
Чтоб с веслом в руке пересечь поток,
А волны бьют на просторе,
И шумит река, словно море.

И пал он, рыдая, на дикий гранит,
И руки воздел к небосводу:
— О Зевс! Усмири непогоду!
Часы пролетают, и солнце стоит
В зените, и лишь оно догорит —
Ответит мой друг за поруку
И примет смертельную муку.

А ветер все крепнет над шумной рекой
И волны на волны вздымает,
И небо мольбам не внимает.
Но спорит с судьбой пловец молодой
И в волны кидается вниз головой,
И в яростном шуме потока
Плывет, уповая на бога.

Вот на берег он вышел и дальше спешит,
Шагая неведомым полем,
И вдруг, потрясая дрекольем,

Навстречу разбойников шайка бежит,
И стрелы мечет, и в рог трубит.
И с криком его окружает,
И смертью ему угрожает.

— О, сжальтесь! — плачет он. — Я слаб и наг!
О жизни одной вас молю я:
Отдать ее должен царю я. —
И, схватив дубину, он бьется так,
Что, дрожа от страха, бежит враг,
И трое, оставшись на месте,
Напрасно взывают о мести.

Но томит его жажда, и, полон тоски,
Он еле идет по дороге,
И ноют усталые ноги.
— Ты спас меня, боже, от злой руки,
Ты не бросил меня посредине реки,
Но гибну я, жаждой томимый,
И в опасности друг мой любимый!

Но чу! Меж голых камней на миг
Блеснула кристальная влага.
И в сердце проснулась отвага.
И кинулся он, и к воде приник,
И моет лицо ему свежий родник,
И звонко лепечет, и бьется,
И серебряным смехом смеется.

Меркнет свет дневной, и спадает зной,
И там, где луг золотится,
Уж тень от деревьев ложится.
И встречает путников он порой,
И дальше идет он, спеша домой,
И вдруг голоса долетают:
— Его уж на крест поднимают!

Все быстрее бежит он, исполнен забот,
И страхом душа объята,
И вот под лучами заката
У врат сиракузских толпится народ,
И навстречу ему Филострат идет,
Хранитель его имений,
И кричит он, упав на колени:

— Назад! Ты к казни своей опоздал!
Уж солнце давно догорает,
Твой друг на кресте умирает!
Он с часу на час избавленья ждал,
Он верил в спасенье и духом не пал,
И, слыша насмешки тирана,
Он славил тебя неустанно!

И слышит служитель печальный ответ:
— Коль друга спасти я не в силе,
В одной нас зароют могиле.
Пусть знает тиран, что средь горя и бед
Меж друзьями коварных изменников нет
И смерть мы встречаем оба,
Друг другу верны до гроба.

Он к воротам подходит — весь запад в огне,
И видит крест пред собою,
Окруженный пестрой толпою.
Вот уж друга вздымает палач на ремне,
Но несется неистовый крик в тишине:
«— Эй, стойте! Вот я! Вернулся! —
И, вздрогнув, народ ужаснулся,

И встречает его любимый друг,
Простирая другу объятья,
И плачут они, словно братья.
И люди рыдают, толпясь вокруг,
И к царю они посылают слуг,
И царь, пораженный их вестью,
Друзей принимает с честью.

И смотрит на них, умилен душой,
И молвит: — В великой гордыне
Не верил я вам доныне.
Но коль дружба для вас — не звук пустой,
Идите с миром к себе домой,
А я о вас не забуду
И третьим другом вам буду.

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

ЯНОШ АРАНЬ

●

ТОЛДИ

(Отрывок из поэмы)

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

С чудовищною балкою в деснице
Показывал дорогу он к столице.

Илошваи

Горит на солнце тощая отава,
Куда ни глянь, налево и направо,
Кузнечики среди сухих стеблей
Пасутся, истомленные, на ней.
Работники в тени большого стога
Храпят, как будто дел у них немного.
Эх, а пока бездельники храпят,
Возы вокруг порожние стоят!

Журавль с шестом, склонившись у колодца,
Глядит в него, покуда не напьется,
Из недр земли, и тощ, и сухопар,
Он кровь сосет, как великан-комар.
Жуют волы, от жажды сатанея,
Но оводы их жалят все сильнее,
А лени у парней невпроворот —
Никто воды в колоду не нальет.

Пока храпят работники вповалку;
Хозяин поля брошенную балку
Взвалил на богатырское плечо,
Хоть безбород и молод он еще.
Взвалил, остановился, замечтался,
Как будто в путь далекий он собрался, —
На перекрестке двух больших дорог,
Как столб он придорожный, одинок.

Зачем ты, парень, встал на самом зное?
Сегодня в тень стремится все живое.
Дворовый пес развесил свой язык,
Ловить мышей в жару он не привык.
Быть может, вихрь привел тебя в волненье,
Который закружился в отдаленье?
Столбом огромным мчится он вперед,
Пустое поле пылью обдает.

О нет, не вихрь привлек тебя летучий,
Который пыль вздымает серой тучей!
Там, на дороге, выстроившись в ряд,
Блестя оружьем, движется отряд,
Идет отряд, оружием сверкая,
И бедный Толди, глубоко вздыхая,
Тоскливым взглядом смотрит на него,
И нет предела горести его.

«Прекрасные венгерские дружины!
Могу ль на вас смотреть я без кручины?
Быть может, вы спешите в лютый бой,
Чтоб лавры вплесть в венок жемчужный свой!
Когда татар вы бьете и османов,
Могильный сон их ждет среди курганов.
О, если б мог сражаться с вами я,
Мои неустрашимые друзья!»

Так Миклош Толди размышлял в печали,
И душу глубоко ему вспахали
Тоска и скорбь. Ведь и его отец
Средь витязей отважный был боец,
И братец Дьёрдь при королевском сыне
Рос во дворце и стал вельможей ныне.
Покуда Миклош спину в поле гнул,
Тот во дворце и в ус себе не дул.

Но вот отряд уже проходит рядом.
Наместник Лацфи перед всем отрядом
На вороном несется жеребце.
Какая спесь у Лацфи на лице!
За ним гарцуют юноши толпою,
Конь, как огонь, султан над головою,
У многих седла золотом горят,
Так, что глаза у Миклоша болят.

— Эй ты, мужлан! Где в Буду здесь дорога? —
Надменный Лацфи спрашивает строго.
И ошарашен Толди, и молчит,
И только сердце бешено стучит.
«Итак, мужлан я! — сердце повторяет, —
А кто же всей округой управляет?
Неужто Дьёрдь, мой вероломный брат?
Он во дворце лизать тарелки рад!»

И, не вступая с Лацфи в перепалку,
Рукою он повертывает балку,
И, проклиная брата, удалец,
Как трость, ее хватает за конец.
И так стоит он на дороге тряской,
С своей огромной замерев указкой, —
Чудовищная балка в пятерне
Протянута с плечами наравне.

Глядит наместник — что это за чудо?
Что за силач? Явился он откуда?
— Вот это парень! — Лацфи говорит. —
А ну, друзья, кто это повторит?
Найдется ли средь вас хотя единый,
Кто руку с этой вытянет дубиной? —
Стыд и позор: как ни шумит отряд,
Тягаться с парнем люди не хотят.

И кто же вступит в этот спор неравный
С грозой небес, стихией своенравной?
Кто вступит в бой с божественным огнем,
С его живым сверкающим клинком?
Знать, жизнь тому до смерти надоела,
Кто впутаться захочет в это дело!
Куда угодно, лучше к черту в пасть,
Лишь только б в эти руки не попасть!

И двигается конница густая,
О Толди по дороге рассуждая,

И каждый всадник на него глядит
И ласковое слово говорит.
Один дивится: — Ты отличный воин!
Такой, как ты, носить клинок достоин!
— Как жаль, — вздыхает сумрачно другой, —
Что твой отец крестьянин был простой!

Войска прошли, и средь полей пустынных
Развеял ветер звон мечей старинных,
И, покидая сонные поля,
Шагает Миклош так, что вся земля
Дрожит вокруг. Бредет он по бурьянам,
Пыхтит он разобиженным кабаном,
Трещит в руках огромное бревно —
Всей пятернею стиснуто оно,

ВТОРАЯ ПЕСНЯ

Когда же Дьёрдь из Буды возвратился,
Над Миклошем нередко он глумился.

Илошваи

Покуда гнев терзает несчастливца,
Большое дело в Надьфалу творится:
Клубами дым над трубами плывет,
Журавль поклоны у колодца бьет.
Бараны блеют, стонут поросята, —
Сегодня жизнь у них тяжеловата,
Снуют кухарки около сеней,
Не повернуться в кухне от людей.

Вон судомойка льет рукой проворной
Ушат воды в котел шестиведерный,
Другая птицу тычет в кипяток,
Сдирая перья с головы до ног.
Чтоб не вспотел баран в своем тулупе,
Тулуп с него снимают с кожей вкупе,
И чтобы заяц был не слишком худ,
Его шпигуют салом там и тут.

Вон на огне какая-то бабенка
Повертывает тушу поросенка
И, чтоб его зажарить нагишом,
Щетину щиплет и скребет ножом.
Вон открывают винную баклагу,
Из бурдюка в кувшины цедят брагу,
И свежий хлеб, полотнищем покрыт,
Лежит на днище буковых корыт.

Но что же у вдовы могло случиться?
Неужто душу отдала вдовица?
Иль надоела вдовья ей кровать
И замуж собралась она опять?
Жива-здорова Лёринца супруга,
И нового она не ищет друга, —
Не в честь вдовы сегодня пир горой:
Приехал Дьёрдь, сынок ее родной.

Дьёрдь — важный барин, и добра немало
Ему судьба счастливая послала,
В его отряде множество вояк,
Лихих коней, охотничьих собак.
Как саранча, на бедных домочадцев
С ним налетело сорок тунеядцев, —
Полдома на пирах они сожрут,
Полдома по карманам разнесут.

Дьёрдь матушку приветствует сурово,
Хоть от нее не видел он худого.
— А где ж другой? — нахмурясь, он спросил.
Так он родного братца окрестил!
— Он с батраками косит, наше чадо.
Позвать его? — Но крикнул Дьёрдь: — Не надо!
В родное сердце, выкормыш вельмож,
Вонзил он слово, острое, как нож!

Не надо! Но, негаданный-нежданный,
Явился Миклош, гневом обуянный,
Кипит в нем сердце, как котел в огне,
Душа его истерзана вдвойне.
Но, увидав перед собою братца,
Он не позволил бешенству прорваться
И ненависть на время потушил.
Где только мог найти он столько сил!

Едва сошлись они, родные братья,
Хотел он Дьёрдя заключить в объятья,
Но оттолкнул его надменный брат,
Не захотел поднять навстречу взгляд.
Заплакала несчастная вдовица —
Знать, каменное сердце у спесивца!
Стоит она, рыдая перед ним,
Но Дьёрдь ее бранит, неумолим:

— Избаловала, мать, щенка ручного,
Пригрела лежебоку молодого!
Купай его хоть в крынке с молоком,
Дурак вовеки будет дураком.
Сейчас на поле жаркая работа,
Да не о том у глупого забота, —
Пронюхал о пирушке этот плут,
И вот он перед нами — тут как тут.

Зачем ты плачешь, дурня прикрывая?
Какой нам прок от этого лентяя?
В хозяйстве он отрезанный ломоть,
Хоть не обидел силушкой господь.
Вот нагуляет жиру он немножко,
Возьми его да выставь за окошко!
Пусть видят все, каков он, дармоед! —
Но Миклош простонал ему в ответ:

— Змеиное в твоих упреках жало!
Хоть правды не заметно в них нимало,
Но подоплека каждому ясна, —
Господь воздаст обидчику сполна.
Ты оттого зовешь меня лентяем,
Что из одной тарелки мы хлебаем.
Когда б господь тебе прибавил сил,
Меня б ты в ложке супа утопил.

Что ж, под ногами путаться не дело,
Наш мир велик, дорогам нет предела, —
Чтоб вечно не ходить на поводу,
Сегодня же из дома я уйду.
К согласью, вижу, нет иного средства!
Отдай лишь часть отцовского наследства —
Коня, ружье, червонцев кошелек,
И пусть тебе судьею будет бог!

— Наследства? — крикнул Дьёрдь и что есть духу
Влепил меньшому брату оплеуху. —
Вот все твое наследство, негодяй!
Возьми его и больше не пеняй! —
И вспыхнул Миклош, и готовый к бою,
Как булава, кулак над головою.
Дьёрдь отскочил испуганно назад.
Сейчас братоубийцей станет брат!

И лег бы Дьёрдь в бесславную гробницу,
Забыл бы Дьёрдь веселую столицу,
Простился бы он с жизнью навсегда,
Не встал бы он до Страшного суда!
Но только поднял свой кулак детина,
Метнулась мать, прикрыв собою сына, —
Прикрыла Дьёрдя, встала на пути,
Чтоб от убийства Миклоша спасти.

И опустил он руку поневоле,
Глаза потупил в нестерпимой боли,
Неистовое пламя превозмог
И выбежал, как пьяный, за порог.
И на дворе, припоминая ссору,
Он подошел к высокому забору
И, проклиная свой горячий нрав,
Упал на жернов, громко зарыдав.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ

Немало Миклош вытерпел от брата,
Когда убил его слугу-солдата.

Илошваи

Но мало горя сытым дармоедам!
Давно пора покончить им с обедом.
Ватага пьяниц, налакавшись всласть,
Привычною забавой занялась.
Бушует кровь, вино играет в теле,
Рассыпались по лугу пустомели,
Копье в мишень несется за копьем,
Как жеребцы, гогочут все кругом.

Умяв жаркого столько, сколько влезло,
Дьёрдь для себя велел поставить кресло,
И, сидя под навесом, как барон,
С гостями вместе развлекался он.
И вдруг заметил Дьёрдь, что в отдаленье,
Уткнув лицо в поджатые колени,
Тоскует Миклош, бледен и угрюм.
И злая мысль пришла ему на ум.

К соратникам своим пустоголовым
С таким хозяин обратился словом:
— Эй, братцы! Горе к аисту пришло, —
Сидит и нос упрятал под крыло.
Неужто сдохла под забором птица?
Не худо бы нам в этом убедиться.
Давайте потрясем над ним забор,
Не полетит ли аист на простор?

И как собачья радуется свора,
Заметив зайца в темной чаще бора, —
Так радуется сборище гостей
Забаве неожиданной своей.
Взлетели копья, доски затрещали,
Но Миклош, преисполненный печали,
Не шелохнется, скорбный и немой,
Хоть копья и свистят над головой.

Не отвечает он на шутки брата,
Хотя могла б ужасной быть расплата.
С презрением он смотрит, недвижим,
Как гости издеваются над ним.
Он смял бы их, как кустик земляники,
Он — как Самсон из прадедовской книги,
Что, не стерпев от филистимлян зла,
Побил их войско челюстью осла.

Потупившись, он глаз не поднимает,
Как будто шуток злых не понимает,
Он даже бровью не повел с тех пор,
Когда над ним затрясся весь забор.
Но вот копье плечо ему задело,
И кровь его мгновенно закипела.
Схватив огромный жернов, что есть сил
В бездельников он мигом запустил.

Несется страшный жернов над толпою, —
Кого, упав, сровняет он с землею?
Беги, беги, несчастный Миклош, прочь!
Убийце будет некому помочь.
Ты озвереешь, дом покинув брата,
Как тот кабан, отбившийся от стада,
Который волю дал своим клыкам,
За что и был из стада изгнан сам.

И там, где тяжкий камень опустился,
Какой-то витязь с жизнью распростился!
Как в маслобойне, тело расползлось,
Кровавым маслом в землю пролилось.
Земля струю кровавую слизнула,
Смертельной пленкой очи затянула...
Стоят в смятенье люди вкруг него,
Но мертвый уж не видит ничего.

Взъярился Дьёрдь: слуга его убитый
Поистине был витязь именитый.
Но даже в гневе радуется он:
Теперь убийцу не простит закон.
Теперь, прибегнув к действиям законным,
Судьей он будет брату непреклонным.
И оглашает строгий он приказ,
Чтобы убийца схвачен был тотчас.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ

Старуха мать по Миклошу скучает
И потихоньку пищу посылает.

Илошваи

Как тот олень, застигнутый стрелою,
Который мчится лесом к водопою,
Чтобы вблизи целебного ключа
Набраться сил, травой себя леча, —
Хотя родник уже иссяк холодный
И нет травы поблизости пригодной,
Хотя, как иглы, колются шипы
И не найти потерянной тропы, —
Так мчался Миклош, мчался как попало,
Лихое горе парня оседлало,
Как жеребец, застигнутый огнем,

Металось сердце бешеное в нем.
Напрасно ищет он уединенья,
Скитальцу нет нигде успокоенья...
Увидев ключ, подходит он к воде,
Но для ночлега места нет нигде.

Как дикий волк, гонимый пастухами,
Он в тростниках бредет над берегами,
И каждый стебель говорит ему,
Что он уже не дорог никому.
Ему постелью ворох стал осоки,
Подушкой — кочка; небосвод высокий,
Построив свой полуночный шатер,
Над бедным Толди крылья распростер.

И, мотыльком порхая над поляной,
Явился сон в одежде златотканой,
Но на глаза вспорхнуть, увы, не смел,
Пока восток вдали не заалел.
Он комаров боялся и колючек,
Зверей страшился в зарослях дремучих,
Но злое горе Толди моего
Его пугало более всего.

Когда ж рассвет забрезжил понемногу,
Умолк комар и зверь ушел в берлогу, —
Над изголовьем мотылек вспорхнул,
Крылами очи Миклошу сомкнул.
Нацеловал на губы мед чудесный,
Которым мак снабдил его окрестный,
И так была чудесна та пыльца,
Что слюнки потекли у беглеца.

Но голод позавидовал покою,
И разбудил он юношу с зарею,
И, застонав от нестерпимых мук,
Несчастный Миклош выскочил на луг.
Облазил все трущобы и закутки,
Где жили чайки, чибисы и утки,
Ограбил птичек, гнезда разорил
И яйцами свой голод утолил.

Благословив судьбу за угощенье,
Задумался он, полный огорченья,
Как дальше быть? Куда теперь идти?
Ужель ему закрыты все пути?

О, если бы не матушка родная,
Давно б ушел из этого он края, —
Но надобно подать старушке весть,
Иначе горя ей не перенесть.

Три дня подряд он в зарослях ютился.
Вдруг перед ним тростник зашевелился.
Коль это волк — не дрогнет Миклош мой:
Загрызть его лишь братец мог родной.
Нет, то не волк явился к водопою —
То старый Бенце шел лесной тропою.
Наверное, слугу послала мать,
Чтобы в трущобах сына отыскать.

— Какое счастье! — вскрикнул он, ликуя. —
Уж третий день везде тебя ищу я!
Все заросли обшарил, все пути,
Уж и не думал, что смогу найти.
Как ты, сынок, не помер с голодухи?
Как зверь тебя не слопал? С полкраюхи
Принес я хлеба, да бараний бок,
Да эту фляжку. Подкрепись, сынок!

И, вытирая слезы кулаками,
Старик слуга дрожащими руками
Открыл свою просторную суму
И свертки развернул по одному.
И опустился старый на колени,
И разостлал суму без промедленья,
Домашние припасы разложил
И парой яблок дело завершил.

Складной свой нож достал он из кармана
И подал Толди. Славный кус барана
Отрезал Миклош, хлеба взял кусок
И на еду с усердием налег.
И старый Бенце, глаз не отрывая,
Следил за ним, от счастья замирая,
И челюстями двигал, умилен,
Как будто ел не юноша, а он.

Чтоб угодить голодному бедняге,
Старик, кряхтя, свернул головку фляге,
И фляга, взвизгнув, на его ладонь

Плеснула свой малиновый огонь.
Потом, хлебнув во здравье господина,
Он фляжку Толди подал благочинно,
И, соблюдая сельский свой закон,
Концом рубахи вытер губы он.

Вино развеселило старикашку.
Едва друзья распробовали фляжку,
Повел он речь о дальней старине,
О старом Толди и его родне,
Как он служил у деда пастушонком,
Как Миклоша он знал еще ребенком...
Он до скончанья б века говорил,
Но Миклош старика остановил.

— Ой, ради бога, брось ты эти речи!
Теперь от них нисколько мне не легче,
За чисткой кукурузы у огня
Ты ими часто баловал меня.
О подвигах отца припоминая,
Мы за полночь сидели у сарая,
И до рассвета я потом не раз
Лежал в кровати, не смыкая глаз.

Но, милый мой, что было — миновало.
Судьба меня, как видишь, доконала, —
Я совершил убийство, я злодей,
Как знать, дождусь ли правды от людей!
Но все же крепок верой я святою,
Что смилуется бог над сиротою,
И, кровью смыв невольную вину,
Себе я имя доброе верну.

Подумай, разве стоило родиться,
Чтобы лягушкой в дебрях мне ютиться?
Простым я разве создан батраком,
Чтоб спину гнуть и вечером, и днем?
Иная мне предчувствуется доля, —
Лишь в сумерках уйдут крестьяне с поля,
Отправлюсь я скитаться по стране,
И вы не ждите вести обо мне.

Взгрустнулось Бенце от такого слова —
Жаль старику скитальца молодого,

И, ковыряя старый свой сапог,
Он долго слова вымолвить не мог.
Потом сказал, исполненный смиренья,
Что за совет он просит извиненья,
Но все же плохо сделает беглец,
Коль не вернется к дому наконец.

— В беде, — сказал он, — сохраняй рассудок!
Уедет в Буду через двое суток
Твой братец Дьёрдь, и все пойдет на лад,
Опять ты будешь счастлив и богат.
Ужели нашу бросишь ты округу,
Которая верна тебе, как другу?
Ужели Бимбо с Ломбаром, волов,
Оставить ты, сыночек мой, готов?

Неужто бросишь ты свои проказы?
Кто ж с мельницы домой притащит сразу
Два-три мешка? Кто с жерновом в руке
Теперь парней потешит, весь в муке?
Ох, не ходи, сынок, по белу свету,
Не покидай, сынок, деревню эту,
Не заставляй свою седую мать
О бесприютном сыне горевать!

Так он молил хозяина с тоскою,
Но тот молчал, качая головою;
Когда же речь о матери зашла,
Опять душа его изнемогла.
И юноша молчал, блуждая взглядом
По тростнику, который с ними рядом
Качался, и невольная слеза
Вдруг навернулась на его глаза.

Как будто пот рукою вытирая,
Смахнул он гостью наземь и, вздыхая,
Слуге промолвил: — Добрый Бенце мой,
Иди теперь ты к матушке домой.
Скажи ты ей, что ныне скрыта мглою
Звезда моя; что свидеться со мною
Ей долго не придется и вестей
О бедном сыне ждать не нужно ей.

Скажи ты ей, что с этого мгновенья
Родное покидаю я селенье,
Когда же срок условный пролетит,
Весь обо мне народ заговорит.
Заговорит такое, добрый Бенце,
Что удивятся старцы и младенцы,
И сердцу материнскому опять
От радости придется трепетать.

И старый Бенце, выслушав беднягу,
Свой вытер нож, и сунул в сумку флягу,
И уложил холстины лоскуток,
В котором сала он принес кусок.
Потом он сумку на плечо повесил,
С хозяином простился и, невесел,
Пустился в путь. И чаща тростника
Сомкнулась за спиной у старика.

ДЕВЯТАЯ ПЕСНЯ

Напрягся бык, веревка затрещала...
Печенки Миклош получил немало.

Илошваи

Весь залит Пешт блестящим лунным светом,
Белеют трубы в лунном свете этом,
И дранковые кровли, все в пыли,
Торчат, спускаясь чуть не до земли.
Чтоб был чердак просторнее и выше,
Тогда крутые выводили крыши.
Теперь дома во много этажей, —
Старинный Пешт не знал таких затей.

Скитаньями своими удрученный,
Сел на скамейку Миклош утомленный.
Вокруг него сновали господа,
Смотреть на них не стоило труда.
К чему глазеть на пышные кареты,
Когда в кармане нету ни монеты?
Четыре дня по милости судьбы
Он жил в лесу и ел одни грибы.

Вдруг поднялось на улице волненье.
Что там стряслось — пожар иль наводненье?

Нет, не огонь там, Миклош, не вода,
Совсем другая близится беда.
Огромный бык с кровавыми глазами,
Как бешеный, несется меж домами!
Как видно, с бойни, где кололи скот,
Он выскочил случайно из ворот.

Как обуздать опасного смутьяна?
Вон мясники, не размотав аркана,
Попрятались и из своих закут
Собак истошным голосом зовут.
И шесть могучих псов остервенело
Из подворотни мигом налетело.
В одно мгновенье перерезав путь,
Они быку набросились на грудь.

Когда один из них вцепился в ухо,
Бык заревел отчаянно и глухо,
Тряхнул башкой и псов на весь квартал,
Как детские игрушки, раскидал.
Визжа и воя, псов летела свора
И шлепалась на землю у забора, —
Науськивают парни их опять,
А бедным псам и на ноги не встать!

Не разбирая сослепу дороги,
Помчался дальше исполин двурогий.
Обрушилась на улицу беда,
Бежит народ, спасаясь кто куда.
Шум. Женский визг. Мужчины завопили:
— Хватай его! Зачем не окружили? —
А сунься-ка, попробуй! Каждый здесь
Готов от страха в щелочку залезть.

Когда толпа отхлынула густая,
Поднялся Толди, зверя ожидая.
Кричат ему: — Ты спятил, дуралей!
Не видишь, кто несется на людей?
Как не видать чудовище такое! —
Но буркнул Толди: — Мелете пустое! —
Не обратив внимания на крик,
Направился к быку он напрямик.

И бык взревел, и длинными рогами
Ударил в землю так, что над домами
Взметнулась пыль. Так, кончив обмолот,
Мякину мечет вилами народ.
И вдруг навстречу парень этот гордый
Как гаркнет вдруг над самой бычьей мордой!
И вмиг ошеломленного врага
Он ухватил руками за рога.

И вот на бойне бык к столбу прикручен,
Рога к ногам привязаны могучим,
Зеваки понемногу разошлись,
Работники в постели улеглись.
Прилег и Миклош около порога,
Чтоб отдохнуть с дороги хоть немного, —
Подушкой был чурбан ему простой,
Лучи луны — прохладной простыней.

Но мясники, прервав его дремоту,
Ему печенку дали за работу.
— Иди ты, парень, к дьяволу! У нас
Нет для тебя постели про запас. —
«Так вот оно, мое вознагражденье, —
Подумал Миклош, — плата за спасенье
Десятков жизней!» Взял подачку он
И выбросил собакам, оскорблен.

Пошел он прочь в досаде и печали,
И многие вослед ему шептали:
— Вот тот, который справился с быком! —
Но запирался на ночь каждый дом,
Ключи в замочных скважинах пропели,
Захлопываясь, ставни заскрипели,
И снова в бесприютной тишине
Остался он с собой наедине.

●

АНТАЛ ГИДАШ

СТОНЕТ ДУНАЙ

В декабре 1944 года, когда победоносная Советская Армия уже подходила к окраинам города Будапешта, фашисты убили моих престарелых родителей.

Русскому поэту

Как малая скрипка — язык моей родины дальней.
Поэма моя — как челнок из сверкающих слез.
На виолончели твоей подхватил ты напев мой печальный,
И в русские звуки облек, и, рыдая, над миром вознес.
И скрипка моя опустилась на руку венгерца.
И внемлет тебе твой великий и гордый народ.
Поет наш оркестр, и взволнованно слушает сердце
Согласную песню печали, борьбы и забот.

1. КРУЖАТСЯ ВОЛНЫ

Уж сорок семь исполнилось мне лет.

В тот день, когда мое младенческое тело
Впервые вскрикнуло, в слезах увидев свет, —
Как трепетно она дышала мне в ответ,
Как пристально в глаза мои смотрела!
И вот — в слезах лицо мое опять:
В далекой Венгрии мою убили мать.

Я пол-Европы обошел,
Гнилые я дубы рубил без колебанья,
Я по камням шагал, жестоким, как судьба,
Порой казалось мне — сбылись мои мечтанья,
И счастью своему не видел я конца.

...Но бросили в Дунай убитого отца,
И тщетная гнетет меня забота,
Чтоб не кружила голову его
В душе моей волна водоворота.
На дно, на дно уходит мать моя,
В глазах ее
Последний образ —
Я.

Вот почему — хорош иль нехорош, —
Но стих мой, обнаженный поневоле,
В живое сердце входит, словно нож,
Чтоб вскрикнуло оно от ярости и боли.
И покривился, как осенний клен,
Поэт, истерзанный в печалях и невзгодах,
И слез своих не прячет больше он...
И, обнимая дерево народов,
Опустошенное за долгую борьбу,
Весь в ярости, трубит в свою трубу.

2. В СУМЕРКАХ БУДАПЕШТА

...А дни все темней и короче,
Земля словно в саван одета,
И мало уж падает в очи
Сквозь рамы оконные света.

Принижена жизнью убогой,
Печальная речь обнищала:
— Хлеба! Одежды! Не трогай! —
И завтра все то же, сначала.

Ноябрь еще долго продлится,
И сумерки будут все ране.
Шатается мир и клубится
В дрожащем и влажном тумане.

Ложится на землю и воды
Рудничная пыль, оседая.
И в ужасе смотрят народы,
Грядущих судеб ожидая.

3. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО К ДОЧЕРИ

«Что написать тебе, дочка моя дорогая?
Чем тебя может утешить твоя одинокая мать?
Годы, как зайцы, стрелой из-под ног выбегая,
Мчатся вперед. О, как тяжко нам в мире опять!

Только что холод прошел — нынче снова зима наступила.
Несколько летних часов — и опять непогода да снег.
Только б до мира дожить. Холодна эта жизнь, как могила.
Только о мире одном, замерзая, скорбит человек.

Мира все нет. Посмотри, как в смертельной тоске упадают
Ветви. Но дерево, рухнув, не будет дровами к зиме.
Видишь — в дубину оно превратилось, и в дверь мою бьет,
и зам*о*к, грохоча, вырывает.
Горе нам, дочка!»
О, как мне найти утешенье в забрызганном кровью
письме?

4. БОЙНЯ

И, плача, я хватаю за рога
Мои бодающиеся воспоминанья,
Я волоку на бойню их, пока
Не разорвалось сердце от страданья.

И за ударом падает удар,
И предо мною, вскакивая с ревом,
Они хрипят в беспамятстве, и пар
Их застилает облаком багровым.

И вот, на крючьях подняты вдали,
Они висят, качаясь еле-еле,
И морды их волочатся в пыли,
И слезы на глазах застекленели.

И буря поднимается во мне,
И от рыданий вздрагивают веки,
И плачу я, истерзанный вдвойне,
Навеки окровавленный, навеки...

5. ГОВОРИТ МАТЬ

Путь наш окончен, и незачем плакать о нас.
Солнце уходит из глаз, наступает последний мой час,
В землю легли миллионы убитых людей.
Как-нибудь лягу и я между ними с любовью моей.

Время, пространство и смерть испытав до конца,
Сына найдет еще мать и сотрет ему слезы с лица.
За руки взявшись, замкнут они жизни звено,
Вечность в дунайские воды их примет на самое дно.

Если же в мире наступят счастливые дни,
Снова из мертвого ила поднимутся к миру они.
Звездным сияньем людей обольют из-под век,
И человеком воистину станет тогда человек.

6. ПЕСНЯ МОЕГО ОТЦА

Уйфехерто — край мой милый,
Надудвар.
Над моей сырой могилой
Хлещут волны, вьется пар.

Ходит ветер по Дунаю
Надо мной,
И плыву я, и ныряю,
И вздымаюсь над волной.

Шил чужие башмаки я
С малых лет,
Но валюсь на дно реки я,
Окровавлен и раздет.

Как от жизни я унылой
Изнемог!
Стал крестом мне над могилой
Мой разбитый молоток.

Вот жена моя седая
В глубине.
Я пришел бы к ней, рыдая,
Да рукой не двинуть мне.

Волны бьются, волны стонут,
Давят грудь,
Жизнь людскую тянут в омут —
Ни подняться, ни вздохнуть.

Уж полмира износило
Сапоги.
Где ты, мастер, полный силы?
Починить их помоги!

О, как я благословляю
Твой приход!
Весь босой идет к Дунаю
Изнуренный мой народ.

Нет уж сил у нас с женою,
Милый друг!
Уносимые волною,
Слезы катятся вокруг.

И плывем мы в сумрак дальний
Все быстрей...
И да примет нас печальный
Безглагольный мрак морей!

7. СТОНЕТ ДУНАЙ

Мчится февраль,
Золотистую пену сдувая.
Стонет Дунай,
И, вздымаясь с глубокого дна,
Мертвый песок
Обнимает рука неживая,
Пена играет на пальцах,
Холодная плещет волна.

Руки ли бьются,
Иль стонет дунайская пена?
«Венгрия, Венгрия,
Смою тебя я навек,
Если ты вновь,
Потрясая оружьем надменно,
Будешь позорить
Все то, чем велик человек!

С давних времен
По моим берегам плодородным
Венгры, румыны, славяне
Цветут, как живые сады.
Кто это сделал,
Чтоб кладбищем стал я холодным?
Медленным кладбищем
Вечно текучей воды?

Светят костры.
Догорают вечерние зори.
Сети рыбачьи
Живым налились серебром.
Люди Дуная,
Когда ж вы забудете горе,
Дружно пируя
На празднике светлом моем?»

Ропот воды
Замирает у ног постепенно.
Солнечный луч
Разрывает на миг облака.
Пальцами матери
Движет холодная пена.
Стонет Дунай,
В молчаливые бьет берега.

8. ГОВОРИТ СЫН

О, посмотри на меня через горе и муку,
Мать моя бедная! Как ты теперь далеко!
Больно тебе? Протяни мне холодную руку.

Мысли мои переломаны, словно игрушки.
Каждое утро, едва я беру м о л о к о, —
Пламя встает, выбиваясь из глиняной кружки.

Горло, сжимаясь, глоток возвращает обратно.
Хлеб сиротливо лежит на холодном столе.
Мать моя бедная! Горе мое необъятно.

Ненависть, ненависть! Я опрокинут тобою.
Нет мне покоя в довольстве, в семье и в тепле,
В пище, в работе — ни в чем не найти мне покоя.

Нет мне покоя: убийцы идут по земле.

9. ЧЕРНЫЕ РУКИ

Черные руки вздымают мосты,
Мертвые люди вздымают персты.
Мать моя, руку вздымаешь и ты.

Черною тенью скользят облака.
С визгом и воплем несется река.
Давит ее человечья тоска.

Нет ей покоя от мертвых гостей,
Русло от боли сжимается в ней.
Волны колеблются, льда холодней.

Вихри вздымаются издалека,
В ужасе гонят они облака.
Полная слез, негодует река.

10. РАЗДУМЬЕ

Буря прошла,
Отгремела гроза, улетая.
Всхлипнув от слез,
Засыпает в кроватке дитя;
Падая наземь,
Струится вода дождевая;
Тихо лепечут
Последние капли дождя.

Мать моя смотрит
Сквозь окна души моей снова.
В сердце мне льется
Сияние светлых очей.
Плачет душа,
Но отчаянья нет уж былого.
Только слеза моя
Все горячей...

11. ОТВЕРНУТСЯ ТРАВЫ

Кадры из тысячи фильмов бегут,
Голову кружат, дышать не дают.
Как ни болят мои очи, сегодня я вряд ли усну.
Стонет Дунай, увлекая меня в глубину.

Есть ли на свете забвенье? Навряд!
Пусть же виденья все ярче горят!
Капая на руки, катятся слезы мои.
Как ненавижу я жалкие слезы мои!

Глупый, зачем ты смежаешь глаза?
Спящего разве минует гроза?
Травы — и те от тебя отвернутся в бою,
Если за мать не отмстишь ты сегодня свою.

12. ОТМЩЕНЬЯ!

Зачем же люди плачут по домам,
Не выходя на улицу, не собираясь
На площадях, открытых всем ветрам?
Зачем они, от боли содрогаясь,
Прижав к глазам измученным платок,
Рыдают немощно? Из этих слез соленых
Такой бы ринулся по городу поток
Бушующий; от этих горьких стонов
Такой бы смерч пронесся по жилью
И грозное перо такие б обвиненья
Вписало в книгу, Венгрия, *твою*, —
Что даже мертвые во всем твоем краю
Восстали б, требуя отмщенья!

13. ТОЛЬКО МЫ

Там, где *родился*, — отчизна твоя дорогая,
Где говорить научился — там родина... Как же назвать
Эту страну, где рожден я, где вырос, играя,
Где растерзали
Мою беззащитную мать?

Вырвать ли мне мой язык изо рта иль смиренно
В сердце своем упокоить могильные эти холмы?
О, расступись, мое небо! Исчезни, дунайская пена!
Звезды над нашей страною
Зажжем только мы. Только мы.

14. ЭПИЛОГ

О нет, не умру я, покуда,
Очнувшись от боли опасной,
Душа, как великое чудо,
Наш мир не полюбит прекрасный.

Покуда великое слово,
В полотнище рея багровом,
Наш мир не окутает снова
Счастливым весенним покровом.

Покуда скала Эвереста
Не скажет с вершин Гималаев:
«Нет в мире прекраснее места,
Чем наша земля молодая!»

Покуда на старых могилах
Не встречусь я с новою речью
И в тысяче образов милых
Погибшую мать я не встречу,

И если б в видения эти
Не верил доныне я страстно, —
Напрасно я жил бы на свете,
Напрасно, напрасно, напрасно.

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

УМБЕРТО САБА

ТРИ УЛИЦЫ

Ладзаретто Веккио в Триесте —
Улица печали и обид.
Все дома в убогом этом месте
Сходны с богадельнями на вид.
Скучно здесь: ни шума, ни веселья,
Только море плещет вдалеке.
Загрустив, как в зеркале, досель я
Отражаюсь в этом уголке.
Магазины, вечно пустоваты,
Здесь лекарством пахнут и смолой.
Продают здесь сети и канаты
Для судов. Над лавкою одной
Виден флаг. Он — вывески замена.
За окном, куда не бросит взгляд
Ни один прохожий, неизменно
За шитьем работницы сидят.
Словно отбывая наказанье,
Узницы страданий и мытарств,
Шьют они здесь ради пропитанья
Расписные флаги государств.

Только встанет день на горизонте —
Сколько в нем я скорби узнаю!
Есть в Триесте улица дель Монте
С синагогой на одном краю
И с высоким монастырским зданьем

На другом. Меж ними лишь дома
Да часовня. Если же мы взглянем,
Обернувшись с этого холма, —
Мы увидим черный блеск природы,
Море с пароходами и мыс,
И навесы рынка, и проходы,
И народ, снующий вверх и вниз.

Есть в начале этого подъема
Кладбище старинное, и мне
С детских лет то кладбище знакомо.
Никого уж в этой стороне
Больше не хоронят. Катафалки
Здесь не появляются с тех пор,
Как себя я помню. Бедный, жалкий
Уголок у края этих гор!
После всех печалей и страданий,
И лицом и духом двойники,
Здесь лежат в покое и молчанье
И мои родные старики.

Как не чтить за памятники эти
Улицу дель Монте! Но взгляни,
Как взывает улица Росетти
О любви и счастье в эти дни!
Тихая зеленая окраина,
Превращаясь в город с каждым днем,
До сих пор она необычайна
В украшенье лиственном своем.
До сих пор в ней есть очарованье
Стародавних загородных вилл...
И любой, кто осенью с гулянья
На нее случайно заходил
В поздний час, когда все окна настежь,
А на подоконнике с шитьем
Непременно девушку застанешь, —
Помышлял, наверное, о том,
Что она, избранница, с любовью
Ждет к себе его лишь одного.
Обещая счастье и здоровье
И ему, и первенцу его.

МОЕ ДОСТОЯНИЕ

Причалив после яростного шторма
К приветливому дружескому дому,
Я подхожу, теперь уже свободный,
К раскрытому окну и наблюдаю,
Как в облаках белеет рог луны.

Передо мной Палаццо Питти. Лезут
Мне в голову бесплодные вопросы:
Зачем живу? И что теперь мне делать,
Когда я стар, а в мире обновленье,
Когда в руинах прошлых дней стремленья,
А сам я на поверку оказался
Слабее ужасающих событий?
Я верил в смерть, что все она развяжет,
Теперь и в смерть не слишком верю я,

Был у меня огромный мир, и в мире —
Места, где я спасался. В них я видел
Так много света, что и сам порою
Вдруг становился светом. Друг мой юный,
Любимейший из всех моих друзей,
Почти мой сын! Ведь я не знаю даже,
Где ты теперь. И жив ли ты? Как часто
Я думаю, что ты в плену могилы,
Что ты в руках фашистов! И тогда я
Стыжусь себя. Зачем мне эта пища
И этот кров, поистине любимый?
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.

Был у меня очаг, семья, подруга —
Любимая приветливая Лина.
Она жива еще и неповинна
В том, что желает отдыха, хотя ей
Как будто рано думать о покое.
И как мне страшно видеть, что она
Скитается по чуждым семьям, кормит
Сухими щепками чужие очаги!
От угрызений совести, от горя
Я содрогаюсь в скорби нестерпимой...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.

Имел я дочь. Теперь она большая.
Я дал ей сердца лучшую частицу,
Но и ее, любовь мою, царицу,
Похитили несчастья у меня.
Теперь она во мне одном находит
Причину всех своих грехов, не смотрит
В глаза мои и ходит нелюдимой...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.

Я жил в прекрасном городе, который
Лежит у моря возле гор скалистых,
То был мой город, ибо я родился
В его стенах. Мой больше всех других!
Еще когда-то, будучи мальчишкой,
Я чтил его, а сделавшись поэтом,
Его в стихах с Италией венчал.
А жить-то нужно! Вот я и избрал
Зло наименьшее, и стал я антикваром
По части книг, несчастный и гонимый...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.

И кладбище имел я, на котором
Спит мать моя с своими стариками.
О, сколько раз, преодолев сомненья,
Искал я там себе успокоенья!
Но дни изгнания, лишенья и утрат
Закрыли путь к земле моей родимой...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.
Все! Даже и могилу.

ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

САЙИДО НАСАФИ

СЛОВО О ТВАРЯХ

Я слово о тварях слагаю для добрых людей,
Прочтите, и станет на сердце у вас веселей.

Однажды весною, покинув родную семью,
Скитался я, путник, в каком-то пустынном краю

И встретил я мышь. Непомерной гордыни полна,
Сидела у норки и так рассуждала она:

МЫШЬ

«Немало запасов хранится в норе у меня —
Янтарного проса, гороха, бобов, ячменя.

Купец-бакалейщик, как видно, заботлив ко мне,
И лавкой его я довольна сегодня вполне.

Год мыши удачлив. Кто в этом году был рожден,
Тот будет, как я, хитроумен, заботлив, смышлен.

Когда под землей я скребусь, никому не видна,
Земля содрогается, молит пощады она.

Мой род благородный восходит к эмирам мышей,
Что может сравниться с великою силой моей!»

ПОЯВЛЕНИЕ КОТА

Покуда хвастунья свой редкостный славила род,
Свалившись, как с неба, схватил ее лапами кот.

«Итак, богатырша, — сказал он, — под лапой моей
Что будешь ты делать с великою силой твоей?

У братии вашей ни совести нет, ни стыда,
И предки твои хвастунишками были всегда,

И не было толку от дедов твоих и отцов,
И дети твои происходят из рода глупцов.

Весь род твой ничтожный все портит и гадит кругом,
Вместилищем праха хозяйский вы сделали дом.

Лишь там ваше дело, где ссыпано в кучу зерно,
Амбарные воры — вы недруги людям давно.

Взгляни на меня и мои ты запомни слова:
Обличьем своим я похож на могучего льва.

Едва предо мной, зазевавшись, мелькнет воробей, —
Я — цап его лапой, и нету пичужки моей.

И все меня любят, и хвалят меня поделом.
И рядом с хозяином место мое за столом».

ПОЯВЛЕНИЕ СОБАКИ

Услышав кота, зарычала собака в ответ:
«О прихвостень женский, ни капли стыда в тебе нет!

Дела твои можно лишь с дымом летучим равнять,
Но, выброшен в дверь, сквозь трубу ты влезаешь опять.

Чуть люди за дверь, ты уже в кладовую проник,
На крышу влезаешь и там поднимаешь ты крик.

Была твоя мать потаскушка, и весь ты в нее,
Не лучше тебя все кошачье отродье твое.

Едва от хозяев мне выпадет хлеба кусок,
Ты — цап его в зубы и прочь от меня наутек.

А знаешь ли ты, что за этот кусок, дармоед,
Я дом караулю, храню вас от горя и бед,

Что ночи не сплю я и днем не смыкаю я глаз,
Хожу перед дверью, чтоб воры не трогали вас.

И вот, несмотря на высокую должность мою,
Лишь костью, не мясом питаю утробу свою».

ПОЯВЛЕНИЕ ОВЦЫ

Как только овца в отдаленье услышала — «кость»,
В овечьей душе небывалая вспыхнула злость.

Забыв про обед, подняла она морду из трав
И так закричала, дворового пса увидав:

«Ты, грязный вонючка, хоть хвастай, да знай и предел!
Подумаешь тоже — он кости моей захотел!

Бежал бы на бойню, лизал бы там кровь на полу,
Покуда собачник не сгреб тебя в темном углу.

Не труженик ты, но драчун ты беспутный и зверь,
Ты нищих кусаешь, едва постучат они в дверь.

Я — дело иное. Едва только солнце взойдет,
Выходит пастух и на луг меня с песней ведет.

В крови моей алой купается нож мясника,
Струею пурпурной ему заливая бока.

Шашлык серебристый, и сердце, и почки, и жир
В котел приношу я, и мне благодарен весь мир».

ПОЯВЛЕНИЕ ВОЛКА

Услышав в пустыне зверей удивительный спор,
Приблизился волк и с овцою вступил в разговор:

«Дуреха, и сердце и почки твои — чепуха!
Схвачу тебя в зубы и выпущу все потроха!

Твой жир безусловно полезен утробе моей,
Что будешь ты делать, когда не имеешь когтей!

Дела мои ясны, как свечка на пире честном,
Нужды я не вижу с людьми объясняться о том.

Но если, о смертный, меня ты увидишь во сне,
Познав мои свойства, счастливым ты будешь вполне.

Как бык ни огромен, когда он идет по полям,
Я лапой ему рассекаю хребет пополам».

ПОЯВЛЕНИЕ БЫКА

Но волка услышал стоявший поблизости бык
И гневно воскликнул: «К таким я речам не привык!

Ты знаешь отлично — не страшен двурогому бой.
А если не веришь, померяйся силой со мной.

Хоть старый ты волк, но, как видно, немалый бахвал,
Собачьего лая, ты видно, еще не слыхал.

Гроза пастухов,ты склоняешь их к миру, хитрец,
Но волчьему миру один лишь поверит глупец.

И день я и ночь, опустив свои очи, хожу,
Служу человеку и в землю сырую гляжу,

Вращаю колеса, тружусь на хозяйском гумне,
Всю землю, без помощи, держит мой брат на спине».

ПОЯВЛЕНИЕ ВЕРБЛЮДА

Верблюд усмехнулся и крикнул, колючки жуя:
«Теленок еще ты, не высохла морда твоя.

Мужлан твой отец, да и сам ты такой же мужлан,
И общество это напрасно ты вводишь в обман.

Берег бы ты спину и шею берег бы, пока
Под палкой хозяйской твои не вспотели бока.

Недаром ярмо ты как прочие носишь скоты,
Недаром в работе с утра и до вечера ты.

Я — дело иное. Ношу дорогую я кладь,
Не смеет погонщик напрасно меня погонять.

Согнувши колени, сижу на дороге степной,
Как суфий смиренный, в одежде своей шерстяной».

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРЕПАХИ

Изрек свое слово верблюд именитый, и вот,
Едва ковыляя, к нему черепаха ползет.

Вся в панцире твердом, головка в забрале, — наряд,
Как будто на пьянице, выпачкан весь и помят.

Коварней огня, хоть на вид простодушья полна, —
«Скажи, легкоуздый, — спросила верблюда она, —

Горбатых красавцев видал на своем ты веку?
Иль, может быть, ты возомнил себя равным быку?

О мерзкое чучело, дурень ты, скудный умом,
На длинных ходулях, с раздутым, как шар, животом.

Ты стонешь под ношей, во сне ты теленком ревешь,
Беременной бабой наутро с соломы встаешь.

И кто это создал противную рожу твою?
Возьму я булыжник и зубы тебе разобью.

Ведь трус ты последний, и все ты готов перенесть, —
Подчас от погонщика глаз ты не в силах отвесть!

Я тем хороша, что во всем я терплю нищету,
Я с голоду камень ношу, привязав к животу,

Сижу в уголке я и прахом питаюсь земли,
Влачу свои дни я в смиренье, в поту и в пыли.

Ведь сорок я суток постилась и слезы лила,
Я лучших подвижников в этом году превзошла.

И пусть мое тело на солнце горит, как в огне,
Прохладного места не надобно более мне».

ПОЯВЛЕНИЕ ЕЖА

Когда эти споры дошли до малютки-ежа,
Иголки его поднялись, от волненья дрожа.

Подкравшись к собранью неслышной походкой своей,
Подсел к черепахе и так обратился он к ней:

«О чем ты хлопочешь, — неясно, любезная, мне.
Подобно чтецу, ты скамейку несешь на спине,

Сама деревяшкой лежишь под своим сундуком,
Живешь ты обманом и сеешь раздоры кругом.

От нищенской чашки повсюду одна лишь беда,
Опрятной одежды не видела ты никогда,

Сама ты незнаешь — где ворот на ней, где подол,
И в общество это напрасно ты вносишь раскол.

Вставай-ка, уродка, и прочь ты от нас уходи!
Ношу я иголки на спинке своей и груди,

Я с детства ращу их, и шью я рубашки иглой.
Подобно хаджи, я в одежде хожу дорогой.

И в лунные ночи, когда мне случится заснуть,
Шипами и шелком свою покрываю я грудь».

ПОЯВЛЕНИЕ ЛИСИЦЫ

Лишь только послышались сладкие речи ежа,
Примчалась лисица, из дальнего края спеша.

Сказала ему она: «Очень ты хвастать привык.
Опять, как колючку, ты высунул длинный язык.

Заносчив ты стал,словносвязкой разжился дровец,
Зажжем-ка ее, чтобы ты поумнел наконец!

И дни ты и ночи колючки остришь в беготне,
Немало хлопот доставляешь ты людям и мне.

Обрезать твой нос позволительно, дерзкий нахал,
Чтоб впредь ты его еще выше, глупец, не задрал.

Без крика и шума живу я в пустынном краю,
Вдали ото всех я устроила норку мою.

Но шуба моя, словно солнце, сверкает окрест,
Мечтая о ней, человек и не пьет, и не ест.

Когда ж ненароком увижу охотника я,
Меня выручает простая смекалка моя».

ПОЯВЛЕНИЕ ЗАЙЦА

В соседних кустах между кочками заяц дремал,
Заслышав лисицу, открыл он глаза и сказал:

«Когда б ты имела лишь малую долю ума,
Из норки своей не казала б ты носу, кума.

Как вор, по деревне ты бегаешь ночью, мой свет,
Глазами, как свечками, водишь ты курам вослед.

А шкурку с тебя то и дело крестьяне дерут,
И кости твои на помойках собаки грызут.

Я, будучи зайцем, всегда избегаю людей:
Ведь люди твердят, что любого я зверя вкусней.

Кто заячьим жиром себе поясницу растер,
Тот всякую боль, без сомнения, бросил в костер.

А если хозяин меня приручил — для него
До самой я смерти не брошу угла своего».

ПОЯВЛЕНИЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Едва только заяц успел рассчитаться с лисой,
Пришла обезьяна и крикнула: «Слушай, косой,

Взгляни на себя, — на кого ты, ничтожный, похож!
Ты сам себя хвалишь, а люди не ценят и в грош.

Откуда нелегкая нынче тебя принесла?
На этом собрании ты не умнее осла.

Бесхвостая мышь ты, а скачешь, несчастный, козлом.
Надеть бы седло да поехать на зайце верхом!

Протри ты глаза, на меня ты получше взгляни.
Вот руки и ноги — ну, чем не людские они!

Я с виду, мой милый, такая же, как человек,
И предки мои столь же славными были в свой век.

В индийских горах рождена и воспитана я,
Я родом из франков, «Искусная» — кличка моя.

Везде, где земля в изобилье приносит плоды,
Хожу я, как сторож, свой охраняя сады.

Я овощи рву и кладу их под листьями в ряд,
И после обеда мне лакомством служит гранат».

ПОЯВЛЕНИЕ ЛАНИ

Тут лань прискакала и, встав к обезьяне лицом, —
«Немного, — сказала, — людей я видала с хвостом.

Заслуги в том нету, что образ ты носишь людской,
Без мозга и кость не имеет цены никакой.

Колпак скомороха тебе, как я вижу, к лицу,
Недаром ты часто бродячему служишь певцу:

То в дудку ты дуешь, то пляшешь глупцам напоказ.
Мальчишки в восторге от воплей твоих и гримас.

Сегодня пастух ты, а завтра ты нищий, а там —
С жезлом ты шагаешь, дорогу открыв господам.

Хотя на людей не похожа обличием я,
Но все же ни с чем красота не сравнима моя.

Глаза мои ярче, чем ясные очи Лейли,
Сравниться с Меджнуном мои бы безумцы могли.

Когда ж я, как ветер, несусь по дороге степной,
Лишь молния в небе соперничать может со мной».

ПОЯВЛЕНИЕ ЛЕОПАРДА

Но вот леопард прискакал на собранье зверей,
Приблизился к лани, и так обратился он к ней:

«Меня ты, красотка, жеманством своим не возьмешь.
Куда ты, скажи, от когтей моих острых уйдешь?

По крови твоей, моя прелесть, соскучился я,
От жажды сегодня душа истомилась моя.

Ведь если я в землю ударю когтями, то вмиг
И пылью и мраком небесный покроется лик.

От лапы моей посинела вся морда слона,
И Млечным Путем тень хвоста моего названа».

ПОЯВЛЕНИЕ СЛОНА

Разгневался слон и взревел от обиды такой,
И выставил бивни, и выпрямил хвост за спиной,

И хоботом тяжким, которым деревья сбивал,
Ударил он в землю и так леопарду сказал:

«О мерзкий душитель, во всем твоя хватка видна.
Но что твои когти в сравнении с бивнем слона?

Пусть кура кудахчет — петух не умрет от того!
Что сделает кура роскошному гребню его!

Хвастлив ты, приятель, а дервиши в этом краю
Бросают под ноги роскошную шкуру твою.

Ты мыслишь, глупец, что никто не сравнится с тобой,
Меж тем как из слуг моих примет твой вызов любой!

Под знаменем царским в строю я иду боевом,
В преддверье победы мой рев раздается, как гром.

Несу паланкин на спине я могучей своей,
Плечо мое служит опорой великих царей.

Я весь в самоцветах, украшен с макушки до пят,
Окованы златом, клыки мои ярко горят,

И если б поднять меня гору заставили Каф,
Я встал бы с земли, как соломинку, гору подняв.

Я хоботом тяжким, как кованой палицей, бью,
И каждый мой волос стреле уподоблен в бою.

И жизнь моя древняя тянется тысячу лет,
И в целой вселенной столь грозного воина нет.

Над жизнью моею невластно теченье времен,
И звать меня должно:«Всегда существующий слон».

ПОЯВЛЕНИЕ НОСОРОГА

Скитаясь в пустыне, услышал слона носорог,
И брови насупил, и рогом боднул его в бок.

И встал перед ним он, и так на него заревел:
«Болтун узкоглазый, не многого ль ты захотел?

Уж очень кичишься своей ты великой судьбой,
Как будто твой хобот — достоинства признак прямой!

А это — веревку к тебе прицепила судьба?
Иль, может, отвисла, разорвана в драке, губа?

Свой нос волоча, ты проводишь черту по лугам,
На шею к тебе чернокожий посажен гулам.

Задравши свой хобот, траву на сараях ты рвешь,
Бранятся крестьяне, когда ты к селу подойдешь.

И хвост твой и хобот подобны друг другу вполне,
С какого же края твой рот, объяснил бы ты мне!

Но час мой пришел, и вспорю я утробу твою,
Пурпурным вином я свой рог боевой напою.

В день битвы моей, словно щит, моя крепкая грудь,
И горе тому, кто посмеет с пути не свернуть,

И горе тому, кто в сраженье отважен и смел,
Ведь сердце мое не боится ни луков, ни стрел.

Мой рог знаменитый пригоден вполне для вина,
Вожак караванов его осушает до дна».

ПОЯВЛЕНИЕ ЛЬВА

Но вышел тут лев и, свирепо ломая кусты,
Сказал носорогу: «Не больно-то фыркай и ты!

В пределах пустыни слывешь ты вельможей давно,
А сам неопасен и глуп ты, мой друг, как бревно.

Всего лишь на шаг ты длиннее простого быка,
И даже детеныш не чтит твоего языка.

И в обществе этом речей твоих грубых не чтут,
И еле ты ходишь, от важности глупой раздут.

Охотнику-зверю не делал я в жизни вреда,
Я кровью умерших не пачкал свой рот никогда.

Одним только взглядом бросаю я в трепет зверей,
В сравненье со мною любой богатырь — муравей».

ПОЯВЛЕНИЕ МУРАВЬЯ

В далекой пустыне, от шумных речей в стороне,
Бежал муравей, размышляя о малом зерне.

Но, льва услыхал и, никем не замеченный сам,
Подполз и воскликнул: «О нашего века Рустам!

Знать, плохо ты, царь, муравьиную знаешь семью, —
А если не так, то зачем же позор муравью?

Ведь пищу трудом добывает себе муравей,
Великое множество кормит он малых детей, —

Едва из пеленок, они уж готовы к борьбе,
И все мы за это вполне благодарны судьбе.

Ты слышал ли, царь, как мой предок, и беден и мал,
Бедром саранчи Сулеймана-царя напитал?

За эту услугу наш бедный прославлен был род,
И силой великою стал муравьиный народ!

Когда мы едины и друг муравей муравью,
Мы даже могучего льва побеждаем в бою!»

Замолк муравей, и все твари к нему подошли,
И встали вокруг, и склонились пред ним до земли,

Простили друг друга, и древний закончили спор,
И мир воцарился в зверином семействе с тех пор.

ИЗ ОСЕТИНСКОЙ ПОЭЗИИ

КОСТА ХЕТАГУРОВ

НА КЛАДБИЩЕ

Нет похорон многолюднее наших...
Нынче такая толпа провожавших
  С гор и долин собралась —

Не повернуться на кладбище было.
Старый и малый стояли уныло,
  Низко над мертвым склонясь.

Был он единственный сын у слепого
Старца. И в черных носилках суровых —
  Вот он, кормилец, почил.

Труженик вечный, старательный в деле,
До Алагирского был он ущелья
  Каждому дорог и мил.

С детства не знал он еды прихотливой,
Не щеголял он в черкеске красивой,
  Да и не думал о том.

Скромный, со всеми он был одинаков.
И до сегодня сафьянных чувяков
  Мы не видали на нем.

Нынче ж, смотрите, нарядный какой он!
Как у невесты, затянут и строен
  Мертвого юноши стан.

Золото ярко блестит на одежде.
Разве оружье на юноше прежде
    Кто замечал из крестьян?

Шашка с винтовкой под стать удалому.
Часто ль, однако, с оружьем из дому
    Он выезжал, как джигит?

Сроду коня у него не бывало!
Только теперь, когда время настало,
    Конь перед мертвым стоит.

Женщины стихли... Умолкло рыданье...
Вот к мертвецу, соблюдая молчанье,
    Старец подходит седой.

Темную кожу изрыли морщины,
Шапка, шубенка — из старой овчины...
    Думаем: кто он такой?

Вытер он слезы дрожащей рукою,
Выпростал бороду перед толпою,
    Взял за уздечку коня.

Смолкли тотчас перед ним разговоры,
Люди печально потупили взоры,
    Плачет, рыдает родня.

Старец молчал одно лишь мгновенье.
Вдруг он собравшимся на удивленье
    Стал не спеша говорить.

Коль не смогу повторить его речь я,
Друг мой, земляк мой, прошу издалече
    Слово мое не хулить.

Вот что сказал он: «Пусть будет до века
Память светла о тебе! Человека
    Взор благородный угас.

Всем ты снабжен для поездки спокойной!
Конь лишь тебе не нашелся достойный
    В этот безрадостный час.

К Тереку люди отправились ныне,
Ищут по пастбищам, ищут в пустыне,
    Ищут по краю земли.

Много они берегов обскакали,
Много они табунов обыскали,
    Но ничего не нашли.

Видишь, на небе, под желтой горою,
Три скакуна вознеслись над тобою,
    Уастырджи три жеребца?

Ближнего схватишь — ударит копытом,
Дальнего схватишь — он волком несытым
    Кинется на молодца.

Средний блуждает но области неба.
Дай ему корку ячменного хлеба.
    Славный Курдалагон-бог[1] —

Быстро коню изготовит подковы,
Будут узда и попона готовы —
    Все для загробных дорог.

Первенцем месяца конь твой крылатый
Будет обуздан. Сын солнца, вожатый,
    Даст тебе плеть и седло.

Сядь на коня! Не споткнись, опускаясь,
Не торопись, по горам поднимаясь,
    Если коню тяжело.

Три пред тобою предстанут дороги.
Нижняя — это дорога тревоги, —
    Кровники ездят по ней.

Мститель на верхней дороге таится,
Средней дороги твой конь не боится —
    Значит, и ты не робей.

---

[1] Курдалагон — в осетинской мифологии покровитель кузнецов. (*Примеч. Н. З.*)

Это — твой путь! Он не шире тропинки.
Встретишь ты мост из одной волосинки —
    Птице не перепорхнуть.

Пусть от бедра твоего иноходца
Мяса кровавый кусок оторвется, —
    Так его нужно хлестнуть.

К царству усопших в мгновение ока
Перенесет тебя конь твой с востока, —
    Солнца увидишь заход.

Скажут: — Темно! Уходи, мол, отсюда! —
Сердце — ходатай твой. Веруя в чудо,
    Ты помолись у ворот.

— Боже! — воскликни. — Создатель вселенной!
Солнце в его красоте несравненной
    Снова на небо верни!

Солнце усопших на небе заблещет,
Створы железных ворот затрепещут,
    И распахнутся они.

Знает сын солнца дорогу до рая.
Все он тебе объяснит, проезжая,
    Видя смущенье твое.

Вот ты заметил собаку у входа.
Лают щенки, не давая прохода,
    Воют из чрева ее.

Спросишь ты: — Что это за небылица?
Суке не время еще ощениться. —
    Молвит сын солнца в ответ:

— Женщина эта всю жизнь воровала,
В образе суки ей время настало
    Мучиться множество лет.

Дальше — срамное: мужчина с женою,
Шкурой вола покрываясь одною,
    Перед тобою лежат.

Не поделить покрывала *им*, — сдуру
В разные стороны дергают шкуру.
Голые оба до пят.

— Что это значит? — ты спросишь *в испуге*, —
Что они делают, эти супруги? —
Скажет тебе проводник:

— В жизни у этой бессовестной пары
Были одни перебранки и свары,
До ночи слышался крик.

Их разнимали соседи и дети...
Так и в загробном живут они свете! —
Дальше коня погони.

Новых супругов увидишь ты скоро.
Маленькой заячьей шкуркой без спора
Плотно укрылись они.

— Как же им заячьей шкурки не мало?
Шкуры вола драчунам не хватало! —
Ты пожелаешь узнать.

Верные эти супруг и *супруга*, —
Крепко при жизни любили друг *друга*, —
Здесь они любят опять.

Рядом, закутана шкурой гадюки,
Мечется женщина, вытянув руки,
Жабья косынка на ней.

Постницей раньше она притворялась,
Но втихомолку сама издевалась
Над поминаньем людей.

Камень посыпался вдруг над тобою —
Штопает женщина скалы иглою,
Хочет заштопать овраг.

— Что с ней? — Была и она своенравна,
Платье любовнику штопала славно,
Мужу зато — кое-как.

Здесь она мужу заплатит сторицей! —
Дальше на женщине жернов вертится,
    Мелет каменья в песок.

Денно и нощно, не переставая,
Крутится жернов, беднягу терзая...
    Что был у ней за порок?

— Мельницу эту держала воровка.
Красть научилась муку она ловко.
    Долго ли, сам посуди!

Дальше скачи! Молоко водопадом
В кадку, подобную горным громадам,
    Женщина льет впереди.

Сыру сварить она хочет для пира!
Глянь, а кусок получается сыра
    Чуть ли не меньше яйца.

— Так ей и надо, бессовестной скряге!
Сколько бы ни было сыра в корчаге —
    Не угостит пришлеца.

Рядом — другая, в посудине жалкой
Сыра кусок подцепила мешалкой,
    Да не поднять, тяжело!

— Эта, хотя ей еды не хватало,
Без угощенья гостям не давала
    Ехать в другое село.

В лучшую область спеши, человече!
Вот пред тобой на пригорке далече
    Муж восседает с женой.

Гнется от тяжести стол перед ними,
Полон напитками он дорогими,
    Сладкой уставлен едой.

Пища тут с перцем, чеснок в изобилье!
Сколько б супруги ни ели, ни *пили*, —
    Не иссякает еда.

— Что за диковина! — Эти супруги
Были бедны, но чурек свой в лачуге
С нищим делили всегда.

Дальше! Какой-то бедняга в теснине
Носит каменья в бездонной корзине,
Мучаясь около скал.

— Раньше, поклявшись отцовскою верой,
Мерил он земли неправильной мерой,
Пашни соседские крал.

Дальше! Он видит: в траве превосходной
Бык из упряжки, худой и голодный,
Бороду старца жует.

— Что ж он гнушается свежей травою?
Разве, питаясь сухой бородою,
Будет он сыт, сумасброд?

— Старец, быка раздобыв для упряжки,
Раньше соломы жалел для *бедняжки*, —
Вот он и кормит быка.

Дальше! Шумит океан безграничный.
Некий изгнанник в скорлупе яичной
Заперт среди островка.

Мостик к изгнаннику лезвия уже.
Дверь как ушко у иголки к тому же.
— Этот несчастный злодей

Жил нелюдимым, детей он с женою
Выгнал и с жизнью простился земною,
Отгородясь от людей.

Далее, в лед провалившись по шею,
Кто-то вопит пред тобой: «Леденею!»
— Гибнет за что он во льду?

— В час неурочный на каждой неделе
Крался, бывало, к чужой он *постели*, —
Вот и попался в беду.

Башня стоит вдалеке ледяная.
В башне три старца сидят, замерзая,
    В креслах своих ледяных.

Льдистые палки пристыли к десницам,
Льдистые бритвы гуляют по лицам,
    Режут, уродуют их.

— Как объяснить мне виденье такое?
— Н*е*когда были в судилище трое
    Выбраны целой страной.

Судьи, однако, пристрастными были,
Князя они и ребенка судили
    Не сообразно с виной.

Блещет дворец серебром на поляне.
В нем восседают на белом диване
    Трое пришельцев с земли.

Знает твой спутник земной их обычай:
Эти судили без всяких различий,
    Правду святую блюли.

Вот, наконец, и окрестности рая.
Плетью взмахни ты, и конь твой, играя,
    К цели тебя донесет.

Слезешь с коня ты — детей вереница
Перед тобой на лугу веселится,
    Бегая возле ворот.

Всадника радостно каждый встречает,
Кто за отца, кто за мать принимает...
    Все-то босые они!

Этот — без пояса, тот — без папахи,
Эти — по горло задрали рубахи.
    Ты их не тронь, не гони.

Ты приласкай их, поправь им одежды,
Стань у дверей, не теряя надежды,
    Помощи жди от ребят.

Если привратник начнет упираться,
Дети невинные не согласятся
В рай уходить без тебя.

Семь золотых распахнутся затворов.
Мудрый Барастыр, царь мертвых, без споров
Пустит достойного в дверь.

Вот и в раю ты! Пусть будет до века
Память светла о тебе! Человека
Образ ты сбросил теперь.

Пусть же тебе этот плач безысходный,
Этот великий почет всенародный
Снимут унынье с чела!

Тесно с землей ты сольешься родимой.
Ждет тебя конь. О тебе, наш любимый,
Память да будет светла!»

Длань от уздечки отвел говоривший.
«Вечная память тебе, опочивший», —
Все повторили кругом.

Справили гости обряд поминанья,
Но еще долго неслись причитанья
Над погребальным холмом.

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

●

ДАВИТИАНИ

ВСТУПЛЕНИЕ

ИМЯ И ПРОЗВИЩЕ ТОГО, КТО НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ

Написал «Давитиани»
Я, Давид Гурамишвили,
Рек божественное слово —
Сладкий плод моих усилий.
Ток живой по древу жизни
Устремил я в изобилье,
Говорил о муках крестных,
Чтобы люди слезы лили.

В Картли добрых вин не стало,
В том повинны войны с Чари.
Диких ягод винограда
Я промыслил для маджари.
Чтоб меня вы помянули,
Приношу вино вам в чаре.
Люди, нет для вас худого
В бескорыстном этом даре.

Не взрастил я терн колючий
Вкруг деревьев этих строк.

Я хочу, чтоб каждый отрок
Их плода отведать мог.
Не разлейте ж мой напиток,
Он пойдет вам, дети, впрок.
Берегите эту книгу,
Чтоб служила долгий срок.

В дни былые ритор Шота,
Муж, искусный в этом деле,
Вывел древо стихотворства,
Несравнимое доселе.
Взрыли корни глубь земную,
На ветвях плоды созрели.
Много знал я стихотворцев, —
Нет подобных Руставели!

Как юнец, который лихо
Мчит на палочке верхом,
Сходен резвыми прыжками
С настоящим ездоком, —
Так и стих мой бедный сходен
С Руставелевым стихом.
Подражать ему пытаясь,
Получил я поделом.

Мне достался после Шота
Сад обобранный, пустынный.
Как ребенок, между ловчих
Я толкался с хворостиной.
Не нашел плодов я в поле,
Не разжился я дичиной.
Зря, рыбак нерасторопный,
Замутил я воду тиной.

Стих жемчужный Руставели
Не сравнить с моей трухою.
Но кокетки могут ловко
Приукраситься сурьмою.
И вода вином прекрасным
Людям кажется порою.
В час нужды лесная груша
Служит пищей неплохою.

Там, где нет коней исправных,
Всякой лошади почет.
Там, где нет высоких ростом,

Недомерок — не урод.
Нет красотки — и дурнушка
За красивую сойдет.
Тот, кто книг других не знает,
И мою авось прочтет.

Бренный мир, как палкой по лбу,
Оглушил меня безвинно:
Сгину я — и дом мой сгинет,
Ибо не дал бог мне сына.
И собрал свои стихи я,
И связал их воедино,
Чтоб меня вы помянули
Добрым словом в день помина.

Я взрастил с трудом великим
Эту книгу-сироту,
Воспитал ее усердно,
Дал ей знанья полноту,
Но оставил некрещеной,
Ибо впал я в нищету.
Кто дарует ей крещенье,
Тех молитвою почту.

Мужа мудрого молю я
О мирском ее крещенье:
Утверди ее, грузинку,
В нашем правом разуменье,
Если в чем солжет невольно.
Сбереги от заблуждений,
Пусть чурается враждебных
И греховных помышлений!

Вот зачем я, стих слагая,
Слушал мира небылицы.
Не дала судьба мне сына,
Обделила несчастливца.
Будь же, юноша, мне братом!
Будь сестрою мне, девица!
Обо мне, читая книгу,
Не забудьте помолиться.

Вас, мои живые братья,
Да хранит великий бог!

Пусть веселье сменит стоны
Ваших жалоб и тревог.
Помолитесь, чтоб создатель
Взял меня к себе в чертог,
Чтобы адского мученья
Избежать я, грешный, мог!

Недосказанное ныне
Не успел сказать я связно.
Все свободной ждал минуты,
Ах, зачем я ждал напрасно!
Копья скорби грудь пронзили,
Сердце сделалось безгласно.
Рай ли ждет меня господень.
Или ад грозит всечасно?

Потому в тоске я плачу
И не в силах больше петь.
В изголовье встала злая,
Несговорчивая смерть.
Ни мольба, ни меч, ни подкуп
Смерть не могут одолеть.
Лишь набросится — любого
Постарается стереть.

Отче мой, шатер чудесный
В Картли ты воздвиг над нами, —
Был высок он и просторен,
Осененный облаками.
Жил я в нем, и вдруг оттуда
Выгнал ты меня пинками.
Море слез с тех пор я пролил,
Размышляя над грехами.

О превратный мир! За что же
Возлюбил я образ твой?
Почитал тебя я сладким —
Ты же горький и дрянной.
Ты зачем меня навеки
Из земли увел родной?
Отчего ты, беспощадный,
Надругался надо мной?

Прадед деда и прабабка!
Дед и бабка! В свой черед —
Мать, отец, сестрицы, братья,
И жена, и весь мой род, —
Мир вам в царствии небесном!
Да избегнет ада тот,
Кто составил эту книгу,
Чтоб читал ее народ!

НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Десять полезных и нужных советов,
внушаемых отрокам

Эту заповедь Давида
Слушай, алчущий познанья:
Тот, кто горечь превозможет, —
Вкусит сладость воспитанья.
Лучше скорбным быть в начале,
Чем в конце терпеть терзанья.
Час придет — сочтешь за благо
Все минувшие страданья.

Мать, родив в болезнях сына,
Предает забвенью муки,
Ибо радость материнства
Отгоняет все докуки.
Снявший гроздья виноградарь
За вином не знает скуки.
Во сто крат блажен счастливец,
Изучивший все науки!

Знанье будет до кончины
Верным спутником твоим.
Этот клад неоценимый
Неотъемлем, неделим.
Мир грозит всему иному
Озлоблением своим, —
Человек, лишенный знанья,
Безоружен перед ним.

Но куда б ни шел ученый,
Он не ведает преград:
Недоступным и незримым

Он сокровищем богат.
Знанье вор тайком не стащит,
Не отнимет супостат.
Глупым знанье бесполезно,
Для разумных знанье — клад.

Сам не слишком-то ученый,
Я глупца узнаю скоро:
Он добро и зло усвоил
Вперемешку, без разбора.
Неуч их не различает:
Ум бедняге не опора.
Слон без хобота он, глупый,
Простофиля, полный вздора.

Как боец, который мчится
Без оружья в пыл сраженья,
Словно тигр, когтей лишенный,
Но свирепый от рожденья, —
Как любой, кто бесполезно
Тратит силы напряженье, —
Не способен умный неуч
Выполнять свои решенья.

Долго мудрости искал я,
Не нашел другой взамен:
Мудрый так живет на свете,
Как на это вдохновен.
Мудрый всюду будет мудрым,
С ним не будет перемен.
Он, как я, за корку хлеба
Не согнет своих колен.

Мудрый славен силой слова,
Мастер — тонкостью работ,
Поп — молитвами. Торговец
Разъезжает круглый год.
Воин кровь в сраженье точит,
Пахарь льет на пашне пот,
Нищий просит подаянья...
Кем ты будешь в свой черед?

Я привел тебе к примеру
Семь родов существованья.

Вот восьмой: царем на троне
Царские вершить деянья.
Вот девятый: с пастухами
Гнать на луг стада бараньи.
Вот десятый: быть влюбленным,
Жить в плену очарований.

Царь, пастух, влюбленный, нищий,
Пахарь, воин и купец,
Поп с крестом, искусный мастер
И прославленный мудрец —
Десять их. И я о каждом
Напишу тебе столбец,
Чтоб по склонности занятье
Мог ты выбрать под конец.

1

Должен милую влюбленный
Возлюбить с великой силой,
Почитать великим счастьем
Вечно следовать за милой,
Без нее любую радость
Должен он считать постылой,
За любовь пойти на муки,
Не ропща перед могилой.

2

Осторожным и бессонным
Должен быть пастух-вожак.
Сторожит он бодро стадо,
Будь то холод, зной иль мрак.
«Жизнь отдать свою за паству
Добрый пастырь должен всяк», —
От зверей спаси незримых
И меня, сказавший так!

3

Царь обязан справедливым
Быть, как сказано когда-то,
Щедрым, мудрым, милосердным,

Строгим, грозным, если надо.
Должен, правя государством,
Он блюсти законы свято.
Символ пастырства, в деснице
Скипетр держит он из злата.

4

Нищий должен быть и скромен
И в речах своих учтив.
Всем он шлет благословенье,
Подаянья попросив.
Любит бог его, беднягу,
Он, как Иов, терпелив.
Горделивых бог не любит,
Но бедняк не горделив.

5

Пахарь или виноградарь,
Вековечный раб мотыг,
От восхода до заката
Спину гнуть свою привык.
Жарким потом истомленных
Тень прельщает горемык,
Но они трудами кормят
И себя и всех владык.

6

Воин должен быть могучим,
Справедливым, юным, смелым,
Подчиняться господину
Должен духом он и телом.
Он любовь к своим собратьям
Доказать обязан делом
И бесстрашный бой с врагами
Почитать своим уделом.

7

Для купца торговля — прибыль,
Пить не должен он допьяна.
Он обязан, промышляя,
Жить на свете без обмана,
От мошеннических сделок
Сторониться неустанно,
Содержать весы и меру
В лучшем виде, без изъяна.

8

Поп не должен быть трусливым.
Пусть не скажет невзначай:
«Если где беда случилась —
Без меня пройдет пускай».
Поп умершего хоронит,
Провожает душу в рай.
Он нарушит свой обычай,
Если выпьет через край.

9

Мастер — муж благочестивый,
Я, Давид, пою о нем.
Счастлив труженик, который
Честным кормится трудом!
Виноградник изобильный —
Он с супругою вдвоем.
Дети мастера — оливы,
Украшающие дом.

10

Мудрый жить в миру обязан,
Словно муж-пустынножитель.
Обучать людей он должен,
Как наставник и учитель.
Если он дурным поступком

Осквернит свою обитель, —
За соблазн всего народа
Отвечает соблазнитель.

•

Вот все десять, о которых
Я сказать тебе хотел.
Облюбуй себе по вкусу,
Избери одно из дел.
Хочешь — будь бродягой-нищим
Иль трудись как земледел.
Не скажу ни слова больше.
Час ученья подоспел.

Как не гнется под рукою
Ветка ивы омертвелой,
Так же трудно обученью
Поддается престарелый.
С молодой лозою легче —
С ней что хочешь, то и делай.
Без труда детей обучит
Воспитатель их умелый.

Бог тебе, дитя, на помощь!
Ты мое послушай слово:
Отрекись навек от мрака
Для сияния дневного.
Обращать стопы к пороку
Непохвально и не ново.
Приглуши, юнец, волынку,
Коль дудишь ты бестолково.

Своенравные порывы
Ты в самом себе сокрой.
Сладкий мед невоздержанья
Горькой станет лебедой.
Не прислушивайся к речи
Соблазнительной, дурной,
И тогда познаешь счастье,
Утешенье и покой.

Сыпать в чистые кувшины
Разный мусор не годится.
Нелегко их будет вымыть, —
Станешь охать и томиться.
Заскрежещешь ты зубами:
«Что наделал я, тупица!
Не послушал я Давида,
Не хотел добру учиться!»

Нужно отроку учиться,
Чтоб познать себя: откуда
Он пришел, куда стремится,
Где обязан жить покуда,
Чем воздаст тому, кто глине
Сообщает вид сосуда?
Как коню не оступиться,
Если он обуздан худо!

Юным отрокам и девам
Надлежит уметь молчать,
Не давать движеньям воли,
На устах носить печать,
Ни улыбкой, ни морганьем
Чувств своих не выдавать.
Тот, кто ближнего осудит,
Сам судимым может стать.

Не тверди: «Зачем ты учишь,
Если сам учился мало?
Трус, зачем ты восхваляешь
Доблесть храбрых, взмах кинжала?»
Нам невежество — погибель,
Вот премудрости начало.
Не томись, как я, от зноя,
В тень беги, коль жарко стало.

Соломон, мудрец великий,
Возлюбив господне лоно,
Написал немало притчей
В книге божьего закона.
Но пришлось ему нарушить
Некий стих во время оно...
Не угодно, так не чтите,
Дети, даже Соломона.

Не учу я вас неправде,
Не хочу я людям зла.
Вот вам маленькая притча
Про подобные дела:
Видел я одну ослицу,
Не простой она была, —
Для себя ослят рожая,
Людям мула родила!

Мудрый лекарь распознает
Пульс больного в час недуга,
Но зовет других, как только
Самому придется туго.
Сам себе плохой я лекарь,
Вам же впрок моя услуга.
Для чего же безрассудно
Порицать за это друга?

Хоть и слеп я, — в этом мире
Есть незрячие вдвойне.
То, что старшим не скажу я,
Вам скажу наедине:
Коль пловец не в силах плавать,
Он потонет в глубине.
Лучше в детстве видеть розги,
Чем века гореть в огне!

О СНИСКАНИИ БЛАГА

Разум — это хлеб насущный,
Ибо служит нам питаньем.
Но, как соль нужна к обеду,
Так же нужен навык к знаньям.
О судьбе толкуют люди —
Мы хвалить ее не станем.
Даст судьба — отнимет глупость, —
Грош цена таким даяньям!

Мне судьба напоминает
Смену света и теней:
То погода, то ненастье,
То светлей нам, то темней.
То она сжигает злаки,

То гноит посев полей.
Нынче даст — отнимет завтра...
Как же мне поверить ей!

Как слепая великанша,
По земле она блуждает,
Шарит сослепу рукою,
Ищет мужа и вздыхает.
Тех, кто под руку попался,
Приподнимет, распознает,
Приглянулся, так оставит,
Нет, так на землю кидает.

И еще сказать я должен
То, что выскажу сейчас.
Мудрецы судьбу слепую
Порицали много раз:
Нет ни радости, ни горя
Постоянного у нас.
Одарен лишь тот судьбою,
Кто, бессмертный, душу спас.

Блага, лучшего, чем разум,
Не открыто белым светом.
Но, коль ты ослеп от страсти,
Путь к нему тебе неведом.
Даже то, чего достиг ты,
Во грехе утратишь этом.
Коль добра себе желаешь,
По моим живи советам.

Страсть, безумцев ослепляя,
Днем назвать умеет ночь,
Труса делает отважным,
Чтобы к буйству был охоч.
Разум, как горох от стенки,
От нее отскочит прочь.
Ослепленный страстью гибнет,
И нельзя ему помочь.

Эпикур, философ древний,
Так об этом разумеет:
Одаренный от природы,
Духом муж не оскудеет.

Тот же, кто подвержен страсти,
Стать богатым не сумеет, —
Еле справившийся с малым,
Он за крупным гнаться смеет.

Человек, невольник страсти,
Воспротивившись уму,
Ничего вокруг не видит,
Что не нравится ему.
Ворох роз он растерзает,
Сорняков притащит тьму,
Изменив жене, блудницу
Не уступит никому.

И еще скажу: на свете
Есть глупцы такого склада,
Что за ладан почитают
Мерзость собственного смрада.
Сколько б зла ни натворили —
Им не горе, не досада.
Им супруга — наказанье,
А любовница — услада.

Ныне саду нашей жизни
Я хвалу свою воздам.
Я люблю его, с восторгом
Роз вдыхаю фимиам.
Но бежал я рощ священных,
Изменил я соловьям
И, внимая сказкам мира,
Стал я сказочником сам.

Тороплюсь начать сказанье
Я, рассказчик доброхотный,
Ибо клад, зарытый в землю, —
Клад никчемный и бесплодный.
Из деревьев наилучших
Сад развел я плодородный.
Не во вред пойдет, но в пользу
Урожай мой ежегодный.

Пусть же мне подскажет разум,
Как событья перечесть:
Ведь, коль многого захочешь,

Потеряешь то, что есть.
Отказаться от рассказа —
Не большая также честь.
Коль попал в табун пегасов,
Вслед за ними надо бресть.

●

БЕДСТВИЯ ГРУЗИИ

(Поэма)

ИЗМЕНА КАРТАЛИНЦЕВ И КАХЕТИНЦЕВ СВОИМ ГОСУДАРЯМ

Двух владык я именую,
Жизнь охватывая взглядом.
Отдаленные от корня,
Расцвели их ветви рядом.
Первый сыном был Давида,
За грехи людей распятым,
А второй на троне Картли
Наречен Вахтангом Пятым.

То был царь — благотворитель
Сирой братьи неимущей,
Псалмопевец и ученый,
Гимны господу поющий.
Ветвь прославленного древа,
Что взросло обильной кущей,
Он прославился как пастырь,
Бодро стадо стерегущий.

Люди слушались Вахтанга,
Чтили царские дела.
Без царя и жизнь не в радость
Добродетельным была.
Но сошли они с дороги
И низверглись в омут зла, —
Надругались над стезею,
Что к спасению вела.

Недовольные владыкой,
Люди бросили служенье,
Знаки милости царевой
Позабыли в ослепленье.
До того дошли иные
В сатанинском заблужденье,
Что, разбив псалтырь Давида,
Прекратили песнопенье.

Завелась в войсках измена,
Непослушным стал народ,—
На словах Вахтанга хвалит,
А в душе его клянет.
Позабыли свет господень,
Сатане воздав почет.
Человек же, как известно,
Что посеет, то пожнет.

Царь послал людей достойных,
Не замешанных в расколе,
Чтоб к народу обратились
С изъявленьем царской воли:
«Уплатите все налоги
И со мной не ссорьтесь боле.
Время тяжкое настало,
Нет достатка поневоле.

Богоматерь учит: верьте
В посылающего манну!
Это он качать младенца
Выбрал деву невенчанну.
Это он Иоакима
Сделал дедом, бабкой — Анну.
Ради вашего спасенья
Я ему молиться стану!»

Не поверили грузины
Добродетельным словам,
И оглохли, и ослепли,
И в великий впали срам.
Пристрастились и монахи
К непохвальным их делам.
Ослабела добродетель,
Враг гнездился тут и там.

Люди с мужественным сердцем,
Столь могучие доселе,
Добровольно отступили
И душою оробели.
Для насильников проклятых
Отворили цитадели
И, врага в страну впуская,
Защищать родных не смели.

Укротился пыл отважных,
И любви в сердцах не стало,
Чтоб осилить басурмана,
Больше силы не хватало.
Бросив близких и любимых,
Рать трусливая бежала.
Подрались между собою,
Подружились с кем попало.

И немало одержали
Наши недруги побед.
Стать хозяином нетрудно,
Коль нигде отпора нет.
Бросив жен, иные мужи
Повлеклись блудницам вслед,
Ибо вместо Иисуса
Стал им дорог Магомет.

Началась вражда, и люди
Осквернились словом бранным.
Появились спесь и зависть,
Не гнушались и обманом.
От разбойников не стало
Жизни бедным поселянам:
Вдов, сирот, детей невинных
Гнали в рабство к басурманам!

И творец, увидев это,
Наказал своих рабов:
Отнял он у них отчизну,
И пристанище, и кров.
Он сказал: «Христопродавцы!
Позабыв закон Христов,
Вы увидите крушенье
Всех земных своих основ!»

ВОЗМЕЗДИЕ БОЖИЕ ЗА ГРЕХИ ЛЮДЕЙ

Люди богу согрешили,
И была господня кара:
На две части раскололось
Небо в пламени пожара.
Грянул град, и виноградник
Содрогнулся от удара,
Саранча поля покрыла,
Ураган промчался яро.

Наступил великий голод,
Хлеб исчез на долгий срок,
Виноградари в кувшинах
Не хранили вина впрок.
Пашни стали маловаты
И удой коров убог,
Но никто не принял к сердцу
Этот тягостный урок.

И опять в грозе и буре
Были молнии и громы.
Росы высохли, и злаки
Стали кучами соломы.
Люди молча горевали,
С покаяньем незнакомы,
И на знаменья смотрели,
Как слепцы, полны истомы.

И невиданные звери
Появились в изобилье,
Пожирая как живущих,
Так и тех, кто был в могиле.
Ружья, луки и кинжалы
Их нимало не страшили,
И отцы своих младенцев
Защищать не в силах были.

Эти звери обладали
Странным свойством: никогда,
Повстречав скотину в поле,
Ей не делали вреда.
Но когда, отчаясь, люди

Оставляли города,
Беглецов они душили,
Загрызая без труда.

Но народ не стал умнее.
И тогда великим мором
Поразило скот домашний.
Смерть грозила людям хворым.
От мечей неумолимых
Кровь лилась по косогорам.
Все, что сказано Давидом,
Было божьим приговором.

В тысяча семьсот двадцатом
От рождения Христова
Весть о грешном человеке
Донеслась до всеблагого.
И поднялся враг с востока
И явился с юга снова.
Беды Картли и Кахети
Описать не в силах слово!

Перечислить беды Картли
Только мудрому по силам.
Стала плевелом пшеница —
Был огонь ей молотилом.
Десять душ один неверный
Убивал с великим пылом,
Там, где двое появлялись, —
Сто повертывались тылом.

Злой ингуш, черкес и турок,
Перс, дидоец и лезгин,
Чтоб хоть раз унизить Картли,
Выходили из теснин.
Вслед за тем возникла смута,
На грузина встал грузин.
От меча родного брата
Пал в сраженье не один.

Точно так же как шальные
Петухи на поле бранном,
Что клюют друг другу гребни
В озлобленье постоянном,

А собака их обоих
Хвать! И горе им, буянам! —
Так и Картли и Кахети
В плен попали к басурманам.

Рассказать о том подробней
Не решаюсь я, родные.
Слишком много дел позорных
Обнаружу для страны я.
Люди добрые заплачут,
Позлорадствуют дурные.
Даже то, что здесь сказал я,
Мне в вину зачтут иные.

Коль солгу, какую пользу
Принесут мои сказанья?
Если ж буду я правдивым —
Ждать за это мне изгнанья.
Смерть грехи не скроет наши,
И влекутся, по преданью,
За дурной душой — дурные,
Доброй — добрые деянья.

Как хорошее прославить,
Коль дурное не ругать?
Если зло во зло не ставить,
Что добром именовать?
Можно ль добрые поступки
У достойного отнять?
Чем оправдывать злодея,
Лучше мучеником стать!

Льстить в лицо, ругать заочно —
Добрым людям не годится.
Чем с неправдой жить на свете,
Лучше с правдой в небо взвиться.
Разве будет виноградарь
Жалким тернием гордиться?
Пусть погибнет плоть за правду,
Но душа возвеселится!

Говорить я буду правду,
Не глашатай я химере.
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерье.

Пусть хоть голову снимают
С плеч моих — по крайней мере
Не сравню кого попало
С достославным Кахабери.

Из врачей лишь тот нам дорог,
Кто целит любой недуг,
А не тот, кто без лекарства
Уморит больных вокруг.
Только тот хорош хозяин,
Кто беречь умеет слуг,
А не тот, кто, безрассудный,
Погубить их может вдруг.

Обличителю нередко
Не прощают обличенья,
Но стране забвенье правды
Не приносит облегченья, —
Злоумышленники будут
Продолжать злоумышленья.
Выводите зло наружу,
Чтоб страшились искушенья!

Люди плутов порицают,
Чтобы вновь не плутовали,
Те же, кто им подражает, —
Призадумываться стали.
Нужно с самого рожденья
Все грехи отбросить дале,
А не то — нельзя избегнуть
Порицанья и печали.

Кто не хочет осужденья,
Должен злу сопротивляться.
На себя взглянуть полезней,
Чем в чужом белье копаться.
Грех тому, кто над невинным
Начинает издеваться!
Порицать злодеев нужно,
Добрых нечего касаться.

Плохо то, что злые сами
Мастера чернить других.
Даже скромные наглеют,
Подражая сплетням их.

Но зерно, однако, сеют
На полях они плохих.
На земле у них — хоромы,
В небе — хижины у них.

Как бы смертный ни таился,
Язва вскроется, конечно.
Скрыть болезнь никто не может,
Коль она терзает вечно.
Не сердись же, коль о язвах
Говорят чистосердечно,
Не хули чужие лица,
Коль свое небезупречно.

Я болезнь свою скрываю,
Но она не хочет скрыться.
Замирает в муках сердце,
Беспокоит поясница.
Хорошо ли, если пахарь
С плугом в гору громоздится?
Грех тому, кто нас заставил
С нашей родиной проститься.

Некий пахарь своенравный
Плелся в гору за сохой,
А другой назло под горку
Шел с кривою бороной.
«Сила горы одолеет»,—
Уверял упрямец мой.
«Снова все с землей сровняю», —
Отвечал ему второй.

Тот, кто действовать способен
С безрассудством столь нелепым,
Пусть меня не угощает
Дурно выращенным хлебом.
Кто убьет родного брата,
Зарубив в бою свирепом,
Пусть томится в преисподней,
Пусть ответит перед небом!

Почему ж ты слово правды
До сих пор не скажешь внятно?
Что не скажешь маловерам:
«Уходите безвозвратно!

Не давайте мне ни крошки
Из того, что вам приятно!
Коль не прав я, все убытки
Возмещу я семикратно».

А теперь оставим притчи.
Сядьте, люди, к очагу.
Всем, кто дома, кто за дверью,
Место в нашем есть кругу.
Вспомним мы родную землю —
У нее мы все в долгу:
В плен мы отдали отчизну
Ненавистному врагу.

Что вспахали кахетинцы,
В гору двигаясь с сохою, —
Заровняли карталинцы
Кривобокой бороною.
И вцепились мы друг в друга,
И нагрянул враг с войною,
Придавив Кахети с Картли
Басурманскою пятою.

Вот к чему они приводят —
Безрассудные дела.
Что теперь Кахети, Картли?
Сожжены они дотла!
Где короны государей,
Украшенье их чела?
Горе мне! В пучине бедствий
Вся душа изнемогла.

ПРИГЛАШЕНИЕ ЦАРЯ ВАХТАНГА К ГОСУДАРЮ РОССИЙСКОМУ

Вот рассказ о том, что было,
Что теперь уж на исходе;
О судьбе царя Вахтанга,
Роковой его невзгоде,
О делах несчастной Картли,
О родном моем народе,
О самом себе, который
Плакал в путах о свободе.

Внук жестокий Шах-Аббаса,
Шахом был тогда Тамаз.
Вечно пьяный и распутный,
Был он бедствием для нас.
Слышать жалобы народа
Не хотел он с пьяных глаз,
Оттого при нем законы
Продавались за абаз.

Возлюбил он два порока:
Сладострастие и пьянство,
Оттого утратил волю
И рассудка постоянство.
Окружен в своих покоях
Пышной роскошью убранства,
Управлять своей страною
Уж не мог он, полный чванства.

Вспомнить мог бы я о многом,
Что наделал тот тиран, —
Как афганцев взбаламутил,
Всполошил турецкий стан,
Как российскому владыке
Отдал временно Гилян,
Как у Картли и Кахети
Отобрал Кумаш-Кавган.

Искра в пламя превратилась,
Грянул гром на небосклоне,
Вздрогнул каменный Метехи,
Развалился, пал Сиони.
Заключенным Шах-Тамаза
Стал Вахтанг Багратиони, —
Позабытый, оскорбленный,
Семь он лет страдал в полоне.

Был на севере владыка,
Повелитель всей России —
Петр Великий, нареченный
Императором впервые.
Он для подвигов великих
Заострил мечи тупые.
О его душе бессмертной
Молят господа живые.

Он при жизни неустанно
Об отечестве радел;
Мудрый, щедрый, справедливый,
Он блюсти закон умел;
Всемогущею рукою
Всех врагов он одолел.
Опочивши, продолжает
Он творить немало дел.

После смерти государя
Воцарившись на престоле,
Все российские владыки
По Петровой правят воле.
Если в чем и несогласны —
Не противятся тем боле.
Не умрут дела Петровы,
Существует мир доколе!

Исполняют государи
Все Петровы повеленья.
Он оставил наставленья —
Как выигрывать сраженья,
Как вести в стране торговлю,
Объезжать свои владенья,
Как нарушивших законы
Покарать за преступленья.

Вызывает восхищенье
Войска русского уклад:
Каждый полк в особой форме,
На один устроен лад.
В поле стройно маршируя,
Как один идет солдат.
Удивительно искусство
Их подкопов и осад.

Восхвалять дела Петровы
Не устану до сих пор я.
Пожелал царю Вахтангу
Он помочь в годину горя,
И ударил на афганцев,
И Сулак воздвиг у моря.
Грянул гром над Дагестаном,
Сдвинул горы и предгорья!

Под дождем российских ядер,
В вихре огненном металла
Потерял булат иранский
Твердость древнего закала,
Обходительными стали
Речи шаха-самохвала.
Описать мне эту радость
Дара творческого мало!

Государь писал Вахтангу:
«Ты — отец мой. Будь со мною.
Лишь Христос от Магомета
Оградит тебя стеною.
Припади ко мне ты грудью,
Прислонись ко мне спиною,
Всех врагов твоих, как сено,
Мы сожжем вдвоем с тобою».

И писцы запечатлели
Этот царственный указ,
И посланье завернули
В шитый золотом атлас,
И, призвав гонцов надежных,
Приказали им тотчас:
«Если вздумаете мешкать,
Тьма навек покроет вас».

И гонцы им отвечали:
«Тотчас, судари, коль надо!»
И как ветер полетели
Из полунощного града,
И на третий день, под вечер,
Лишь повеяла прохлада,
Утомленные, вступили
Под ворота Сейдабада.

Царь сумерничал в покоях,
Предаваясь размышленьям.
Мысль о смутах наполняла
Сердце царское томленьем.
Вдруг он видит из окошка:
Мчится вестник по ступеням.
То, что царь теперь услышал, —
Ожидал он с нетерпеньем.

Точно так же как фиалка
Расцветает от тепла,
Как ожившая от спячки
Просыпается пчела,
Как довольный тенью путник
Отирает пот с чела, —
Так теперь душа Вахтанга
Снова радость обрела.

Лишь дошли до государя
Эти радостные вести,
Дух воспрянул у владыки,
Поднялась душа из персти.
Побеседовать с гонцами
Было делом царской чести.
Наконец за пир веселый
Все они уселись вместе.

Во дворец позвали тайно
Царедворца и вазира,
Пир веселый затянулся,
Сладко пели флейта, лира.
Позабыв печальный траур,
Каждый думал после пира:
Стало правильно вращаться
Колесо кривое мира.

СОВЕТ У ЦАРЯ КАРТАЛИНСКОГО

И тогда князей грузинских
На совет к царю позвали.
Те, открыв большие книги,
По чинам расселись в зале.
Мудрецы подальновидней
Говорили, что едва ли
Миновало время бедствий,
Но другие ликовали.

Эти, полные надежды,
Уверяли в свой черед:
«Братья, скажем без утайки, —
Ваш неправилен расчет.

Христианский царь отныне
Под защиту нас берет.
Отчего же, маловеры,
Новых ждете вы невзгод?»

Те ответили: «Увидим,
Время скоро нас рассудит.
Все устроится, конечно,
Если мешкать царь не будет.
Но коль в Грузию не сразу
Войско русское прибудет,
Враг, узнав про это дело,
Наши земли обезлюдит».

Так же, как олень усталый
К роднику спешит напиться, —
Жаждал с русским государем
Царь свидания добиться.
Он спешил, хотя и трудно
Было с родиной проститься,
И на тех, кто прекословил,
С недоверьем стал коситься.

И князья, заметив это,
Продолжать не стали спор.
«Поезжай, коль так, — сказали, —
Но надень простой убор.
Силен враг — срубить он может
Сто лесов на сотне гор.
Коль нагрянет он с войною,
Помоги нам дать отпор.

Коль решил, то надо ехать,
Но не медли, ради бога.
Не бери большой охраны,
А тем боле — войска много.
Назовись гонцом грузинским,
Царский сан скрывая строго.
Для излишних подозрений
Не давай врагам предлога».

Царь сказал: «Не подобает
Прибегать царям к обману.
Я скрывать пращу Давида
И хитон Христов не стану.

Если я, подобно вору,
Подберусь к чужому стану,
Как же я пред государем
И двором его предстану?

Лучше я с могучим войском,
Не прибегнув к этой лжи,
Гнев обрушу на неверных
За разбой и грабежи.
Пусть ответят мне сторицей
Разорители Гянджи,
Прежде чем державы русской
Я увижу рубежи».

И советники сказали:
«Если так, мы все с тобою.
Хорошо, коль в этом мире
Ты всегда храним судьбою.
Но, увы, на свете часто
Все кончается бедою.
Как нам быть, коль наша радость
Мукой сменится сплошною?»

Не ответил царь ни слова,
Промолчал на эту речь.
Положил он твердо в сердце
На врага обрушить меч.
Приближался час обеда,
Разошлись, и дело с плеч!
Не смогли царя вельможи
От беды предостеречь.

Зарыдав, они сказали:
«Горе нашему народу!
Эта царская затея
Нам сулит одну невзгоду.
Были две петли на шее, —
Будет третья сумасброду.
Разве могут три дракона
Предоставить льву свободу?»

Возмущались, что ответил
Царь на просьбу их отказом:
«Трех царей он почитает —

Три ярма готовит разом.
Спасалар великий шаха,
Внемлет он его приказам,
Чтит и русского и турка,
Потеряв последний разум!

Это дело безусловно
Недостойно одобренья.
Коль заспорят эти трое,
Вовлекут и нас в сраженья.
Стиснут нас они тисками,
И не будет нам спасенья,
И великому проклятью
Предадут нас поколенья!»

Так они твердили, только
Кто их слушателем был?
Царь был царь, и поступал он,
Как разумней находил.
И пошел в поход владыка
Во главе несметных сил
И Гянджу с ее полями
Вражьей кровью оросил.

ВРАГИ ДОНОСЯТ ШАХУ О НАМЕРЕНИЯХ ЦАРЯ ВАХТАНГА; ШАХ ОТНИМАЕТ У ВАХТАНГА КАРТЛИ И ПЕРЕДАЕТ ЕЕ ЦАРЮ КАХЕТИНСКОМУ

При одной болезни долго
Переносим мы страданья,
Но при двух болезнях разом
Тщетны лекаря старанья.
Царь Вахтанг не ладил с сыном
Даже в годы испытанья.
Никогда не утихали
Между ними пререканья.

Хитрый враг меж ними сеял
Недоверье и вражду.
Затянули спор опасный
К своему они стыду.

Не смогли Петра увидеть,
Про свою сказать нужду,
Только шаха прогневили
И накликали беду.

Расходились их сужденья,
Разжигая в сердце рану:
Царь Вахтанг тянулся к русским,
Сын покорствовал Ирану.
Обманул их мир мгновенный,
Я хвалить его не стану, —
Не смогли они исполнить
Многих дел, приличных сану.

Шах противников Вахтанга
При своем держал престоле.
Соглядатаи не спали
И по их служили воле.
И враги сказали шаху:
«Царь мечтает о крамоле.
Заодно с царем Вахтангом
И вазир твой, этмандоле».

Шах, услышав об измене,
Опечалился, смущен.
Обо всех делах подробно
Приказал разведать он.
Этмандоле поплатился,
В преступленье уличен,
И по приговору шаха
Был немедля ослеплен.

Дней прошло с тех пор немного,
Снова шаху донесенье:
«Повелитель Гурджистана
Вероломен, вне сомненья.
Он торопится в Россию,
Видя наши затрудненья.
Мы должны его немедля
Покарать за преступленье».

Получив донос вторичный,
Распалился властелин, —
Он добраться до Вахтанга

Из своих не мог долин.
Шах лишил Вахтанга царства,
И владыкою грузин
Сын Ираклия был признан —
Царь Кахети — Константин.

Константин по-басурмански
Звался Мамед-Кули-ханом.
Отличался он отвагой,
Был казист и строен станом.
Много лет, подручный шаха,
Управлял он Исфаганом.
Знать, имел он славный гребень,
Чтоб чубы чесать поганым.

Шах воздвиг его над Картли
Так, как раньше над Кахети.
Он считал царя подпоркой
Для своей иранской клети.
«Царь Вахтанг, — писал он гневно, —
Поднял меч, раскинул сети.
Уличи его в измене,
Развяжи узлы мне эти».

СОВЕТ У ЦАРЯ КАХЕТИНСКОГО

Вышел в поле царь Кахети
И воздвиг шатер для тени,
И вельмож на совещанье
Из своих призвал владений.
Вкруг шатра стояла стража,
Образуя огражденье.
Затруднительного дела
Предстояло обсужденье.

И промолвил приближенным
Муж, стоящий у кормила:
«Мудрым оком оцените
Правды царское мерило.
Хоть судьба меня потомством
До сих нор не наделила,
Так судить нам нужно, чтобы
Пред детьми не стыдно было.

Ныне я, как перед богом,
Правду вам сказать готов.
Судия благочестивый
На суде — не суеслов.
Пусть мне шах дарует Картли, —
Не приму его даров.
Мы и так, как свечи, таем
В окружении врагов.

Клялся я царю Вахтангу
Другом быть ему и братом.
Страшно в клятвопреступленье
Быть мне, дети, виноватым!
Если этот дар приму я,
Царь сочтет его захватом.
Лучше шаха не послушать,
Чем злодеем стать проклятым.

Кроме прочего, я знаю, —
Ум подсказывает мой,
Что приказ последний шаха
Для Вахтанга — звук пустой.
Коль потребую я Картли,
Царь пойдет на нас войной.
Хочет шах, чтоб псам в добычу
Отдал брата брат родной.

Сотворен я человеком,
Мне не вечно жить на свете.
Час придет, и стану прахом,
Как возник из праха, дети.
Что ж врагом мне делать брата?
Враг повсюду на примете.
Пусть мой брат владеет Картли,
Мне довольно и Кахети.

Отомстив лезгинам, буду
Я спокоен вместе с вами.
Никогда на землю брата
Не обрушусь я с войсками!
Нашу родину Кахети
Опояшу крепостями.
Таково мое решенье.
Прав ли я, судите сами».

«Кто ж себя,— сказали кахи,—
Топором ударить рад?
Кто из тела вырвет душу,
Чтоб попасть за это в ад?
Счастье в дом к тебе стучится —
Гонишь ты его назад.
Пусть бездетен ты, но в доме
И племянник есть и брат.

Почему ты дар господень
По своей теряешь воле?
Виноват ли тот, кто клятву
Нарушает поневоле?
Шах за эту непокорность
Обвинит тебя в крамоле.
«Таем мы»,— сказал ты нынче,—
Будем таять вдвое боле.

Нет, мы думаем, что лучше
Этот выполнить приказ.
Пусть к царю твой брат поедет,
Зять Вахтангов Теймураз.
Твой отец Ираклий помощь
Подавал царю не раз.
Подчинится — царствуй в Картли,
Нет — рассчитывай на нас».

Царь сказал на это: «Кахи!
Шах, страшась не без причины,
Разделил народ грузинский
Раньше на две половины.
Почему ж теперь он хочет,
Чтобы стали мы едины?
Он затем дает мне Картли,
Чтоб поссорились грузины.

Если кто, обремененный
Многочисленной семьею,
Ни пристанища, ни крова
Не имеет за спиною,—
Если бьет его гонитель,
Он же ссорится с роднею,—
Бросьте этого безумца
В пламя книзу головою!

Ненавижу я неправду,
Не склонюсь перед лжецом.
Буду я Вахтангу сыном,
Он же будет мне отцом.
Ведь враждебные державы
Окружили нас кольцом.
Чтоб идти с мечом на брата,
Быть мне надобно глупцом».

ДРУЖЕСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ КАХЕТИНСКОГО К ЦАРЮ КАРТАЛИНСКОМУ

Царь, потребовав бумаги,
Начертил своим калами
Купу веток виноградных,
Окруженную огнями,
Знак двух царств — два равных стяга
Преклонил он над ветвями:
«Пешкеш дур» — девиз на первом,
На втором девиз — «Салами».

Константин писал Вахтангу:
«Царь, молю тебя о встрече.
Шах пожаловал мне Картли,
Но его лукавы речи.
Окруженные врагами,
Таем мы с тобой, как свечи.
Если мы объединимся,
Нам обоим будет легче.

Царской милости прошу я,
Напиши мне свой ответ.
Быть с тобою мне в раздоре
Никакого смысла нет.
Если только соизволишь,
Сам явлюсь я для бесед.
Удостой меня вниманья,
Дай отеческий совет!»

Но не будем многословны,
Сократим повествованье!
Оседлав коней, посланцы
Повезли царю посланье.

Царь его в своей столице
Получил без опозданья.
Суесловие людское
Злом почло благодеянье!

Царь прочел письмо и к сердцу
Принял дружеское слово
И вельмож на совещанье
Пригласил немедля снова.
Увидав два равных стяга —
Знак отечества двойного, —
Иессей насупил брови
И нахмурился сурово.

Все, что было в том посланье
Знаком дружеских забот,
Карталинские вельможи
Толковать пошли вразброд.
Царь сказал им: «Эта купа
Только в Грузии растет.
Нам письмо не предвещает
Затруднений и невзгод».

Все же кружево посланья
Кой-кто принял за дерюгу,
Называя притязаньем
Дружелюбную услугу.
Картли купой виноградной
Посчитали с перепугу,
Стяг угрозе приравняли,
Кахов — огненному кругу.

Царь сказал: «В посланье этом
Никакого нет коварства.
Ведь «Салами» — это дружба,
«Пешкеш дур» — признанье царства.
Круг огня есть круг неверных,
Обступивших государство,
Купа лоз — народ грузинский.
Дружба нам в беде — лекарство.

Мы есть купа винограда,
Ибо в мире мы родня.
До тех пор, пока мы вместе,
Не боимся мы огня.

Просит мира царь и дружбы,
Стяг учтиво наклоня,—
Сохранив за мною Картли,
Из Кахети чтит меня.

Но когда бы эти лозы
Разделили на две кучи,
Их тотчас бы ураганом
Разметало в прах летучий.
Беспризорный виноградник
Губят зверь и гад ползучий,
Кто поссорит брата с братом,
Пусть кипит в смоле горючей!

Нам, не мудрствуя лукаво,
Нужно вынести решенье.
Кто гневить не хочет бога,
Превозможет все сомненья.
От целебного бальзама
Прекращаются мученья.
Если царь приехать хочет,—
Посылайте приглашенье.

Мы понять его сумеем,
Лишь приехал бы сюда!
Что б его сюда ни гнало —
Дружелюбье иль вражда,—
Не попробовав, едва ли
Мы узнаем вкус плода.
Люди бьют плоды о камень,
Если мякоть их тверда».

Все решили Константина
Пригласить в свою округу,
Но противники Вахтанга
Воспротивились с испугу.
Словно корни, что на поле
Не дают проехать плугу,
Своего они добились,
Не пустив царей друг к другу.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ССОРЫ МЕЖДУ ЦАРЯМИ КАРТЛИ И КАХЕТИ

По душе пришлось Вахтангу
Предложенье Константина:
«Прав владыка, если только
Не изменит беспричинно».
И тотчас же за владыкой
Он послал гонца-грузина.
Иессей взбесился, словно
В грудь ударила дубина.

Иессей подумал с сердцем:
«Брат таит ко мне вражду,
У него я в заточенье
Поседел, терпел нужду.
Коль теперь договорятся
На мою они беду,
Никакой утехи в жизни
Я вовеки не найду!

Неужели я позволю
Над собой всю жизнь глумиться?
Не меня ли истомила
Беспросветная темница?
Сколько он мне зла наделал —
Мой безжалостный убийца!
Горе мне, безумцу, если
Дам я им объединиться!»

И открылся он однажды
Чернецу монастыря:
«Царь коварно поступает,
К людям злобою горя.
Если он родного брата
Истязал три года зря,
Неужели пощадит он
Кахетинского царя?

Он владыку и в Кахети
Не считает господином.
Если царь сюда приедет,
Плохо будет с Константином!

Ты, чернец, спасенья ради
Не остался мирянином, —
Так не дай же надругаться
Над владыкой неповинным!»

И монаха Епифана
Иессей послал в Кахети,
Написав царю: «Безумец,
Иль не видишь козни эти?
Царь, убийство замышляя,
Для тебя раскинул сети.
Ты бездетен, — за бездетных
Отомстить не могут дети.

Не кивай на Теймураза:
Он родной Вахтангу зять.
Дочь царя — его супруга, —
Что с такого можно взять?
У тебя ислам в почете,
Здесь — Христова благодать.
Теймураз христианину
Зла не может пожелать.

Шах тебя прогонит с трона,
Уличив в такой крамоле.
Теймураз не мусульманин, —
Он не будет на престоле.
Вы же сами говорите:
«С каждым днем мы таем боле».
Кто, скажи мне, кроме шаха,
О твоей помыслит доле?

Царь, послушайся, не езди
В этот гибельный поход.
Не давайся в злые руки,
Как слепец и сумасброд.
Мне доподлинно известно,
Что тебя в Тбилиси ждет.
Брат побьет тебя о камни,
Как незрелый твердый плод».

И монах на полдороге
С Константином повстречался
И вручить ему посланье

Без задержки постарался.
Царь прочел предупрежденье,
Помрачнел, перепугался,
Повернул коня и молча
Он в обратный путь помчался.

Видя это, вся дружина
Говорила с удивленьем:
«Отчего он так внезапно
Изменил своим решеньям?
То, что нужно ехать в Картли, —
Не его ли было мненьем?
Почему же он вернулся,
По каким соображеньям?»

Говорили меж собою,
Что беспечен этотках, —
Лучше б он с царем Вахтангом
Столковался о делах:
Если брат несчастья брата
Не сочтет своими, — шах
Снимет головы с обоих
И добро развеет в прах.

Возвращаясь, по дороге
Говорил один другому:
«Я не верю в это дело,
Мы хлопочем по-пустому.
Царь о двух болеет царствах,
А бежит в испуге к дому...»
Карталинцы в это время
Приготовились к погрому.

На обоз они напали,
Ибо он тащился сзади,
Сундуки поразломали,
Растащили много клади.
Только вечером тревога
Поднялась во всем отряде:
Ночь разбойников укрыла.
Были воины внакладе.

Своего владыку кахи
Упрекали с этих пор:
«Тот, кого считал ты братом,

Поступил с тобой, как вор.
Вместо трона карталинцы
Утащили твой ковер.
Уж сидеть бы лучше дома,
Чем терпеть такой позор!»

И сказал им царь: «Довольно,
Прекратите поношенья!
Я потешился немного
И пошел на приглашенье.
Но теперь приму я к сердцу
Ваши общие стремленья.
Будь по-вашему! Но только
И мое напомню мненье.

Не хотел я зла, однако
Вы мне сердце истерзали.
Я готов. Готовьте к бою
Ваши ружья и пищали.
Соберите наше войско,
Облекитесь в крепость стали, —
Разобьем ворота Картли,
Коль они враждебны стали!

Я хотел, чтобы согласье
Воцарилось в этот год,
Я хотел унять раздоры
Подчиненных и господ, —
Вы ж меня на путь толкнули
Разногласий и невзгод.
Пусть война на вашу совесть
Тяжким бременем падет!»

КАХЕТИНСКИЙ ЦАРЬ ЧЕРЕЗ ПОСЛАНЦЕВ-МОНАХОВ ТРЕБУЕТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАРТЛИ К СВОЕМУ ГОСУДАРСТВУ

Государь писал Вахтангу:
«Получив твое посланье,
Ради дружеской беседы
Поспешил я на свиданье.

Ты ж питье припас такое,
Что утратил я желанье
Ехать дальше, — неужели
Я нуждаюсь в оправданье?

Видит бог: с тобой поладить
Я надеялся вполне,
Но узнал я, что готовишь
Ты мне гибель в западне.
Я ушел, и ты ограбил
Мой отряд в своей стране,
Посягнул на то, что с детства
От отца досталось мне.

Возврати мои богатства,
Подобающие сану.
Пострадав от скорпиона,
Талисман кладут на рану.
За четыре прегрешенья
Мстить я впятеро не стану,
Ибо сам ты первый скажешь,
Что подобен я тирану».

Легкомысленным посланьем
Карталинцы отвечали:
«Мы не знаем, что за люди
Вас в дороге обобрали.
Наши люди неповинны —
Вам на нас наклеветали.
Мы при чем, коль ваши свиньи
К волку в логово попали?»

Оскорбился царь Кахети,
И, не глядя на отказ,
Он доверенных монахов
Снарядил в последний раз
И правдивое посланье
Написал царю тотчас:
«Если мы не помиримся,
Враг сомнет обоих нас.

Царь, не слушай слов коварных,
Вникни заново в дела ты,
Шептунов и лицемеров
Из своей гони палаты.

Не пожрут без божьей воли
Саранчу грачи пернаты.
Пусть ты лев, но и драконы
Беспощадны и крылаты.

Не ломай стены, к которой
Прислонился ты спиною,
Не касайся гнезд орлиных,
Будь, как голубь, чист душою.
О своих птенцах заботься,
А не то орлы стрелою
Налетят, и сгинет разом
Все, добытое тобою.

Ты не думай, что богатый
По заслугам стал богат,
Что бедняк в дырявой чохе
Сам в несчастьях виноват.
Только бог любую малость
Превратить умеет в клад.
Тот, кого он обездолит,
И пылинке будет рад.

Посмотреть себе под ноги
И счастливцу не мешает,
Ибо спесь основу счастья
У счастливых отнимает.
Неусердный к господину
Раб от бога пострадает,
Но беда и господину,
Коль раба он угнетает.

Ты обидел господина,
Так не сетуй на людей.
Сам господь не оправдает
Своенравности твоей.
О покорности владыкам
Пел Давид на склоне дней.
Коль не можешь подчиняться,
Сам приказывать не смей!

Шаху ты не подчинился,
Оттого теперь в опале.
Шах пожаловал мне Картли,

Рассуди: виновен я ли?
Коль ослушаюсь я шаха,
Что со мною будет дале?
Разорят страну злодеи,
Как нередко разоряли!

Я не требовал бы Картли,
Но меня толкает страх:
Не простит мне мой владыка
Непокорности в делах.
Покарав тебя за козни,
Он сотрет меня во прах,
Отомстить за ослушанье
Семикратно может шах.

Бог прощает прегрешенья
Приносящим покаянье,
Обратись с повинной к шаху,
Прекрати непослушанье.
Лучше силе покориться,
Чем идти на растерзанье.
Не отдашь добром мне Картли —
Страшно будет наказанье.

Я не попусту болтаю.
Сердце горестью полно.
И тебе за слово правды
Порицать меня грешно:
Плохо прял свою ты пряжу,
Криво гнал веретено.
Барыша ты не получишь
За негодное сукно.

Кулаком не бей по шилу
И не тыкай им в иголку, —
Только руки перепортишь,
Мало будет в этом толку.
Не враждуй напрасно с шахом —
Будешь плакать втихомолку:
Мигом вышвырнет в Россию,
Натрепав усы и холку!

Я добра тебе желаю,
Поразмысли сам с собою,
Окропи свой лик греховный

Освященною водою,
Отправляйся к властелину
С покаянной головою, —
Он вернуть тебе корону
Может собственной рукою.

Не криви душою, чтобы
Жизнь разумною была.
Не умысли зла другому —
И тебе не будет зла.
Надо с самого начала
Так обдумывать дела,
Чтоб потом не сокрушаться,
Разорив себя дотла!»

ЦАРЬ КАРТЛИ БРОСАЕТ В ТЕМНИЦУ ПОСЛОВ КАХЕТИНСКОГО ГОСУДАРЯ

Бодро двигались монахи
В карталинскую столицу:
«Нам служить в церквах позволят,
Нам казны дадут частицу.
Нагрузим мы наших мулов
И верблюдов вереницу».
Невдомек монахам было,
Что посадят их в темницу.

Говорил один: «Потешусь
Я в тбилисской серной бане».
Говорил другой: «Досыта
Балыка поем в духане».
Третий: «Я вина Атени
Выпью целое марани».
Лишь четвертый им заметил:
«Не попасть бы в петлю ране!»

Слабый путник, не решаясь
Переплыть через поток,
Самодельный укрепляет
Над пучиною мосток.
Но, упав с него внезапно,

Он цепляется за мох...
Наших старцев ждал подобный
Во дворце переполох.

Царь, разгневанный и грозный,
Встретил иноков сурово,
Те замешкались в испуге,
Не смогли сказать ни слова.
Словно щит, они держали
Пред собой письмо царево
И, вручив его владыке,
Стали мямлить бестолково.

Не взирая на монахов,
Начал царь читать посланье
И нашел в нем дух гордыни,
Дух вражды и порицанья.
Обливаясь жарким потом,
Он пришел в негодованье.
Искра вспыхнула от ветра,
Охватило пламя, зданье!

Словно уголь раскаленный,
Царь лицом побагровел
И вскричал: «Зачем явились
В Карталинский вы предел?
Почему не отвратили
Вы царя от черных дел?
Если б кинулись вы в воду,
Был бы легче ваш удел!

Почему в монастыре вы
Не сидите, славя бога?
Отчего от вас повсюду
Свары, сплетни и тревога?
Из-за вас, точа кинжалы,
Ищем к ссоре мы предлога.
Нет от бога вам прощенья,
Ибо зла несете много!

Вы смотрите, что он пишет,
Ваш ублюдок незаконный!
Чем он силен? Что за клады
Он хранит в суме посконной?

За орлом зачем летает
Он крикливою вороной?
Это мы еще посмотрим,
Где кому владеть короной!»

И сказал он приближенным:
«Нестерпимо, наконец,
Что отступник учит вере,
Уму-разуму — глупец.
Сам червяк, а изрекает
Поученья, как мудрец.
Под замок посланцев этих!
Не для них он, мой дворец.

Вы схватите их и бросьте
В подземелье без пощады,
Стерегите, чтоб не стали
Рыть подкоп из-за ограды.
Пусть немедленно спаспеты
Соберут мои отряды
И в Кахетию ворвутся,
Разрушая все преграды!»

И, когда молва повсюду
Разнеслась об этом деле,
Донесли царю Кахети,
Что монахи в подземелье,
Что словам его посланья
В Картли внять не захотели,
Что враги готовят войско,
Дуют в трубы и свирели.

Кахетинский царь заране
Был к походу снаряжен.
Быстро двинувшись к Тбилиси,
Авлабар отрезал он.
В Нарикале в это время
Был персидский гарнизон, —
Константин поднялся в крепость
И устроил в ней заслон.

Но его разбили в битве,
И, пылая жаждой мщенья,
Царь отправился к лезгинам,
Собирая ополченье.

В Чари он договорился,
Заплатил за пополненье
И лезгины окружили
Городские укрепленья.

И внезапно отвернулся
Бог от Картли и Кахети,
И Тбилиси захватили
На заре отряды эти.
Для купцов и мирных граждан
Наступило лихолетье:
Тот прикончен, тот изранен,
У того пропали дети.

В этот день страстной субботы
Проклинали люди свет:
Все разграблены именья,
Ни домов, ни лавок нет.
Царь Вахтанг бежал, спасаясь
От великих этих бед,
И волна Куры от крови
Приняла багровый цвет.

ТУРКИ ЗАНИМАЮТ КАРТЛИ; КАРТАЛИНСКИЙ ЦАРЬ УЕЗЖАЕТ В РОССИЮ

Жар Кахетии раздуло
Карталинским ураганом.
Коршун с коршуном сцепились
Над цыпленком бездыханным.
Но вблизи орел проснулся,
И приблизился к горланам,
И унес от них добычу,
Победив на поле бранном.

Эх, напрасно эти птицы
Не поладили тайком!
Тот бы ножкой поживился,
Этот — спинкой и крылом.
Зря позволили злодею
Завладеть своим добром!
Коль неправду говорю я,
Наградите тумаком.

Белена была Вахтангу
В эти дни вкусней нектара:
Он к султану обратился,
Не очнувшись от удара.
Двух строителей послал он
Заметать следы пожара:
Лицемера Иессея
И царевича Бакара.

Но строители ошиблись,
Не хватило им уменья,
Только Картли и Кахети
Обрекли на разоренье.
Не могли они воздвигнуть
Неприступного строенья,
Уступив врагу без боя
Все грузинские владенья.

Не смогли цари поладить, —
Зол был каждый и упрям,
Не умели присмотреться
К государственным делам,
Крепко запертые двери
Лютым отперли врагам, —
Привели лезгинов кахи,
Карталинцы — турок к нам.

Лишь проведал царь Кахети,
Что горами и долиной
Турки движутся к столице
Напрямик, как рой осиный, —
Он признал себя бессильным
Перед вражеской дружиной.
Сдал ключи он сераскиру
И пришел к нему с повинной.

И вошли в Тбилиси турки,
Увидав, что нет запрета.
Иессей поладил с ними —
Был он веры Магомета.
Царь Вахтанг ушел в Россию
Через Рачу в то же лето.
Что случилось с ним в России,
Я еще скажу про это.

В горы к пшавам и хевсурам
Удалился Константин.
Разместилось близ Тваливи
Беглых множество грузин.
Но ни жать не мог, ни сеять
В этом месте ни один, —
Что имели, то проели
И бедняк и господин.

Невтерпеж несчастным кахам
Становилось это горе.
Поклялись они друг другу
Отомстить турецкой своре;
«Проведем подкоп секретный
И ворвемся в крепость Гори!»
Царь решился, и запели
Боевые трубы вскоре.

Иессей, узнав, что в Гори
Мчатся кахи по лесам,
Во главе отряда турок
Из Тбилиси вышел сам.
Грянул бой. И кровь людская,
Щедро пролитая там,
Жернова вертеть могла бы,
Коль текла б по желобам!

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавельская долина
Ополчений не вмещала.
Атакуя, войско турок
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.

Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.
Наши головы возили
На арбах в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили, —
Грызли волки их в долинах.

ПЛЕНЕНИЕ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ ЛЕЗГИНАМИ

Очевидцу дней печальных
Тяжко длить повествованье!
Нелегко даются людям
Эти горькие признанья.
Все мы грешники. Во мраке
Нет нам вешнего сиянья.
Растеряв, мы снова ищем
Нашей жизни достоянье.

Наше зло перетянуло
На весах добра и зла.
Бог воздал нам, недостойным,
За греховные дела.
Потому и дань неверным
Разорительной была
И исчез последний хлебец
Вместе с солью со стола.

Колесо судьбы обратно
Стало с этих дней вращаться,
Зацепило карталинцев,
Кахов вынудило сдаться.
Петухов шакалы съели —
Курам некуда деваться:
Только ястребы напали,
Стали в ужасе метаться.

И руинами покрылась
Благодатная страна.
Всех в неволю уводили,
Кто не спасся дотемна.
Стали бабами мужчины,
Устрашила их война.
И никто не мог лелеять
Картли в эти времена.

Константин не спасся тоже.
Он отрекся без возврата
Для турецкой волчьей шкуры
От персидского халата.

Хоть и сдался добровольно
Он на милость супостата,
Но покончил дни на плахе
От руки чужого ката.

И причина этих бедствий —
Только наш раздор один!
Турок стал владыкой Картли,
Кахов вытеснил лезгин.
Кровь родная затопила
Дно ущелий и долин,
Всюду смрад стоял от трупов
Обезглавленных грузин.

Был и я когда-то князем,
Жил в селе Горис-Убани.
Там в шелках мои невестки
Щеголяли на гулянье.
Но судьбою был заброшен
Я на север от Кубани.
Горе мне! О, кто б со мною
Разделил мои стенанья!

Расскажу я, как лезгины
Ловко мною овладели.
Разоренный край покинув,
В Ксанском скрылся я ущелье.
В Ламискана жил мой родич.
У него я был при деле:
Наблюдал я за жнецами,
Ибо жатвы дни приспели.

Раз, велев быка зарезать
Нашим людям на обед,
Я и два моих подручных
Вышли на поле чуть свет.
Нас заметили лезгины
И пошли за мной вослед:
Было видно им с Иртозы,
Что жнецов на поле нет.

Рядом тек ручей прохладный,
Лес вокруг стоял стеною.
Человек пятнадцать пеших

Там охотилось за мною.
Прислонил я саблю к дубу
И ружье, что взял с собою.
И пошел, себе на горе,
Освежить лицо водою.

Тут меня они схватили,
Руки-ноги мне связали,
По тропинкам, по трущобам
За сто гор меня угнали.
Проливал я слез потоки,
Изнывал я от печали.
Ел, давясь, баранье сало,
Пил отвар из-под хинкали.

Не о том я убивался,
Что бараний ел курдюк, —
Лишь была бы сытной пища
И не кончилась бы вдруг! —
Тяжко было, что лезгины
Не снимали путы с рук.
Горе мне! Зачем не умер
Я от горьких этих мук!

С той поры меня держали
Как прислужника простого:
Не давали ни одежды,
Ни питания, ни крова.
Все продать меня хотели,
Их холопа дарового.
Я бежал, меня поймали,
За побег побили снова.

Как я был в плену лезгинском
Бесконечно одинок!
Безоружному, больному,
Мне помочь никто не мог.
И вознес мольбу я к богу,
И меня услышал бог:
Снова я бежал из плена,
Подходящий выбрав срок.

ПЛАЧ ДАВИДА О ТОМ, КАК, БУДУЧИ ПЛЕННИКОМ НА ЧУЖБИНЕ, ОН НЕ ВИДЕЛ НИ ЛИЦА, НИ ОБРАЗА СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ РОДИНЫ

О пленительная ликом!
Отблеск вечного светила!
Ни одна страна на свете
Мне тебя не заменила.
Сделай так, чтоб в отчих землях
Приняла мой прах могила!
Дай войти мне в рай небесный
Мимо адского горнила!

Ты одна моя надежда,
Жизни сладостный родник!
Неужели до кончины
Не увижу я твой лик?
Дай мне, господи, из плена
Возвратиться хоть на миг,
Отомстить врагам за горе
То, что я от них постиг!

О возлюбленная наша!
О жемчужина вселенной!
Потеряв тебя, в разлуке
С чем сравню твой лик бесценный?
Душу вырвут мне из тела,
С головой прощусь я, пленный, —
Ты к себе хотя клещами
Притяни мой прах смиренный!

Бьют меня, терзают, режут:
«Отрекись, забудь ее!»
Но сменю ли я, голубка,
Мед на горькое питье?
Так пробей же дверь в темницу,
Освети мое жилье,
Чтобы я бежал из плена
И узрел лицо твое!

ПЕСНЬ О ТОМ,
КАК ХОЛОДНО БЫЛО В ПЛЕНУ ДАВИДУ
И СОЛНЦЕ НЕ ПОЯВЛЯЛОСЬ ИЗ-ЗА ТУЧ

Воспеваю я и славлю
Свет немеркнущий предвечный.
Солнцу солнц давно обязан
Заплатить я долг сердечный.
Если зримое светило
Ослепляет взор беспечный,
Как незримое познаю
Я в сей жизни быстротечной?

Я пред солнцем солнц склоняюсь,
Я пред ним благоговею.
Я его лучей поклонник,
Ибо очи я имею.
Разве я могу другому
Поклоняться чародею?
Чтоб его не вызвать гнева,
Тинатин я петь не смею.

Видно, жены и мужчины
Все запятнаны грехом!
Вот зашло за тучу солнце,
Мгла спустилась над холмом.
Грудь мою тоска пронзила
Адамантовым копьем.
Где отец мой, мать и братья?
Где мой старый отчий дом?

Ноша давних прегрешений
На плечах отяготела.
Сбился я с пути-дороги,
Вьюга свищет, ломит тело.
Я в одной холодной бурке,
Нету шубы у картвела.
Солнцу солнц молиться буду,
Чтоб оно меня согрело.

От тебя, мое светило,
Я приму любую малость.
Светозарное, навеки
Непостижным ты осталось!

Только ты ушло за тучи,
Вся душа от горя сжалась.
Заслони меня от ветра,
Дай твою почуять жалость!

Почему ты человеку
Темным кажешься в метель?
Отчего не могут очи
Увидать тебя досель?
Ороси меня огнями
Посреди чужих земель!
Не нашел я путь к Вифезде,
Чтоб войти в ее купель.

Пусть во мгле меня отыщет
Луч твой светлый и отрадный,
Пусть в защиту от мучений
Стяг воздвигнет благодатный!
Коль умру, пускай засыплют
Грудь мою землей прохладной:
Не хочу сгореть от зноя,
Словно стебель виноградный.

Ты зарю предвосхищаешь,
Предрассветное светило!
Отчего ж во мраке ночи
Ты меня не озарило?
Облегчи мне путь далекий
И, чтоб сердце не застыло,
Сделай так, чтоб предо мною
Тинатин свой лик явила.

Горе! Кто меня утешит
Лаской света неземной,
Чтоб, лучами озаренный,
Снова я обрел покой?
Кто замерзшего коснется
Теплой ласковой рукой?
Я пожертвую сестрою
Ради женщины такой!

Солнце, ты иные звезды
Затмеваешь неизменно.
Я с невидимым тобою

Не расстанусь в муках плена.
Обогрей меня, молю я,
Уж дрожат мои колена.
Не бросай меня в горнило,
Как негодное полено!

СОН, ПРИСНИВШИЙСЯ В ПЛЕНУ ДАВИДУ ГУРАМИШВИЛИ

И во сне сказал мне голос:
«Что ты дремлешь, раб ничтожный?
Почему в свою отчизну
Не стремишься, осторожный?»
Кто-то грудь мою легонько
Тронул палкою дорожной:
«Почему бежать боишься,
Обуян тревогой ложной?

Твой владыка не желает,
Чтоб лежал ты здесь больной.
Приказал тебе он снова
Жить с возлюбленной женой.
Встань, иди, шагай со мною,
Я водитель буду твой!
Приказал тебе он снова
Жить с возлюбленной женой.
Встань, иди, шагай со мною,
Я водитель буду твой!
Встань, иди, шагай со мною,
Я водитель буду твой!»

Мне не сном тогда, но явью
Показалось это слово.
Я подумал — мне в соседи
Дали пленника другого.
Я сказал ему: «Коль знаешь,
Как домой вернуться снова,
Отправляйся сам в дорогу,
А меня оставь, больного.

О своих молился нуждах
Я всевышнему отцу.
Пусть Христос отныне будет

Провожатым беглецу.
Он меня в плену разыщет,
Как заблудшую овцу.
Мне же людям неизвестным
Доверяться не к лицу».

И ответил он: «Владыка
Ныне милостив с тобою.
Он послал меня на землю
Понукать тебя клюкою.
Пожалел он, что, бездомный,
Стал ты жалкою овцою.
Иль не знаешь ты, что волки
Бродят позднею порою?»

Я сказал ему: «Как видно,
Не простой ты человек.
Но нужны мне каламаны,
Чтоб решиться на побег.
Подожди, обую ноги
И покину я ночлег».
Не сказав в ответ ни слова,
Эти споры он пресек.

И сказал он на прощанье:
«Что твердить про каламаны!
Слезы ближних открывают
Путь тебе в родные страны.
Я исполнил божью волю,
Подал знак тебе желанный.
Коль поверишь — дух господень
Не лишит тебя охраны!»

ПОБЕГ ДАВИДА ИЗ ПЛЕНА

Бил во мне источник жизни —
Полный влаги желобок.
Ныне там, где был источник,
Хлынул слез моих поток.
Я молил о провожатом,
Чтоб его послал мне бог,
Чтоб враждебную границу
Перейти я, грешный, мог.

И пошел я в край далекий,
Где хотел найти спасенье.
Сердце плакало; слезами
Затуманивалось зренье.
Уж не думал я, что сердце
Это выдержит томленье.
Потерял я вас, родные!
Нет мне боле утешенья!

Путь на север по светилам
Находил я неустанно;
Семь планет проводниками
Мне служили постоянно.
Так достиг горы я голой
Посредине Дагестана,
И немало претерпел я
В том краю от урагана.

Засвистел внезапно ветер,
Застучал о камни град.
Ослепляя взор огнями,
Били молнии подряд.
Негде было мне укрыться,
И, блуждая наугад,
Обмотал тряпьем я темя
И упал, тоской объят.

Я лежал ничком, и сердце
Мне сказало, маловеру:
«Поищи от бури крова
И не мучайся чрез меру».
Я пошел и в блеске молний
Вдруг наткнулся на пещеру.
И она мне показалась
Подходящей по размеру.

Я в пещере той укрылся
И возрадовался снова,
Сам господь послал мне милость,
Не лишил в ненастье крова.
Он укрыл меня от града,
Защитил от ветра злого.
Не утратившему веры
Бог не сделает худого.

Ты один спасаешь, боже,
Заблудившихся в пути!
Без тебя дороги верной
Никому не обрести.
Я лежал, глаза зажмурив,
Но велел ты мне идти, —
И пошел и отыскал я
То, что должен был найти.

Град прошел, и мрак пещеры
Я оставил для скитанья
И восславил в сердце бога
За его благодеянья.
Не силен я был в молитвах
Без Священного писанья.
«Сохрани, помилуй, боже!» —
Говорил я сквозь рыданья.

О ТОМ, КАК ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ, ВЫЙДЯ ИЗ ПЕЩЕРЫ, ПОВСТРЕЧАЛСЯ С НЕИЗВЕСТНЫМИ ЛЮДЬМИ И НОГИ ЕГО ПОДКОСИЛИСЬ ОТ СТРАХА

Той пещере, что приютом
Послужила мне в мороз
И спасла меня от града,
Я хвалу свою вознес.
И пошел я вдаль, стеная,
И потоком горьких слез
Оросил бурьян засохший,
Что вокруг пещеры рос.

Мне по щиколотку града
По дороге навалило.
Шел босой я, но отныне
Мне уже не страшно было.
Что мне вепрь, и волк лукавый,
И медведь, лесной громила,
Если пленника в дороге
Бережет господня сила!

Трудно мне теперь подробно
О прошедшем рассказать.
Три я дня лежал в бурьяне,
Головы не смел поднять.
Чтоб с погоней не столкнуться,
Путь не мог я продолжать.
Мой живот, изголодавшись,
Начал к ребрам прилипать.

Но трехдневное лежанье
Помогло: враги отстали.
За пять суток вместо хлеба
Съел я только семь ткемали.
Днем я в зарослях скрывался,
Подвигался ночью дале.
Так одиннадцать я суток
Шел в тревоге и печали,

И хотя не ел я хлеба
Джавахетского тогда,
И хотя о кахетинском
Позабыл я навсегда,—
В утешенье мне досталось
Угощенье хоть куда:
Барбарис еще не зрелый,
Терн зеленый и вода.

От шипов моя рубаха
Ободралась постепенно,
Не могли прикрыть лохмотья
Обнаженные колена.
Но господь, отец небесный,
Уводя меня из плена,
Облегчил мои недуги,
Ибо я терпел смиренно.

На двенадцатые сутки
Вышел я к большой реке
И, как зяблик, с перепугу
Затаился в тростнике.
Хлеб крестьяне за рекою
Молотили вдалеке.
Не найду ли я спасенья
В этом мирном уголке?

Скоро к берегу крутому
В челноке подплыли двое,
Словно спрашивая взглядом:
«Что стряслось, Давид, с тобою?»
Но, увидев человека
С безволосой головою,
Повернули и уплыли,
Перепуганные мною.

Я и сам, людей увидев,
Был в смятенье и тревоге.
Потеряв остаток силы,
Подкосились в страхе ноги.
Уж не мог идти я дальше
И залез в камыш, убогий...
Предначертанное богом
Все я вытерпел в дороге.

ВЫХОД ИЗ ПЛЕНА В РОССИЮ

Ночь прошла. Никто не гнался,
Чтоб настигнуть беглеца.
Истомленный и неспавший,
Снова шел я без конца.
И в дороге пропитанье
Мне досталось от творца:
Я нашел кусок арбуза,
Два отличных огурца.

Но, когда, склонясь к реке, я
Обмывал арбуз от пыли,
Из-за пазухи упали
Огурцы и прочь поплыли.
И до слез я огорчился,
Что поймать их был не в силе:
Мне дороже ста червонцев
Огурцы в то время были!

Понесло их вдаль теченьем,
Я за ними вслед погнался.
Чуть в реке не потонул я,
Но, увы, ни с чем остался.

И немало я на бога,
Неразумный, обижался!
«Коль ты дал, зачем ты отнял
И над нищим надругался?

Все живое процветает
По твоей лишь благостыне,—
Отчего ж забыл ты, боже,
О своем голодном сыне?
Коль послал ему ты пищу
Здесь, в неведомой пустыне,
Почему обратно отнял
То, чем он владел отныне?»

Спохватившись, со слезами
Снова бога я молил,
Чтобы он мои упреки
Неразумные простил.
Пережить любую кару
Был готов я, слаб и хил,
Но, увы, идти голодным
Не имел я больше сил.

Я роптал: «Неужто голод
Омрачил мое сознанье?
Но ведь душу укрепляют
Долгий пост и покаянье.
Предающиеся пьянству
Не достойны ль порицанья?
Вслед за плотью губят душу
Роскошь и невоздержанье».

Так я шел и горько плакал,
Тяжкой думою объят.
С покаянною молитвой
Брел вперед я наугад.
Вдруг возник передо мною
Плодоносный дивный сад,
Где сплошной зеленой чащей
Персик рос и виноград.

И нагнулся, и пролез я
В виноградник тот цветущий,
И наелся винограда,

Притаясь под темной кущей,
«Ах, зачем роптал на бога
Я, скиталец неимущий?
Почему не положился
На тебя я, всемогущий?

Огурцы ты отнял, б о ж е , —
Счел себя я страстотерпцем,
И хулить тебя я начал,
Согрешив умом и сердцем.
Ты ж простил грехи мне эти
И привел к единоверцам,
Хоть набить мне надлежало
Рот за это горьким перцем!

Как могу я, боже правый,
Похвалу тебе воздать
За великие щедроты,
За святую благодать?
Темен я, — псалмы Давида
Не умею распевать.
Не взыщи за то, что грешен
Пред тобою я опять!

Сделай так, чтоб стали песней
Плач мой горький и томленье.
Мне, зловонному сосуду,
Средство дай для очищенья.
Сердце, разум мой и душу
Сохрани от прегрешенья,
Укрепи своею силой,
Не ввергай во искушенье!»

Внял господь моим стенаньям
И мольбе немногословной —
И послал успокоенье
Он душе моей греховной:
Вместо голоса тревоги
Я услышал глас д у х о в н ы й , —
До ушей моих донесся
Дальний благовест церковный.

О, как сердце задрожало,
Услыхав церковный звон!
Я вскочил и оглянулся —
И отпрянул, поражен:
Люди истово крестились
Возле церкви у окон.
Вот оно, мое спасенье!
Кончен вражеский полон!

Возмести мне бог сторицей
Все, чего лишил когда-то!
Как безумное, стучало
Сердце, радостью объято,
И рассыпал изо рта я
Там немало винограда,
И бежать хотел я к людям
Из приветливого сада.

Тут внимательней взглянул я
На неведомых людей, —
Кички женщин поднимались,
Словно рожки у чертей.
Испугался я, несчастный,
Новых дьявольских затей
И решил бежать отсюда
И других искать путей.

Я набрал плодов в дорогу,
Чтоб не мыкать горькой доли, —
Часть за пазуху засунул,
Часть узлом связал в подоле.
И до сумерек в саду я
Затаился поневоле:
Днем, погони опасаясь,
Не посмел я выйти в поле.

Возвратившись на дорогу,
Снова я залег в тростник,
Но врагу не пожелаю
Новых горестей моих:
Комаров взметнулась туча
Надо мною в тот же миг,
И закрылся я руками,
Задыхаясь в гуще их.

И сказал я, комарами
Доведен до исступленья:
«Ухожу я, кто б там ни был,
Больше нет во мне терпенья!»
И вскочил и быстрым шагом
Устремился я в селенье,
И гумно, где молотили,
Я заметил в отдаленье.

Словно званый гость, внезапно
На гумне я появился.
Окружив меня толпою,
На меня народ дивился.
У любого под рубахой
Крестик маленький светился.
Медный крестик лобызая,
Трижды я перекрестился.

«Лазарь, дай-ка парню хлеба!» —
Кто-то, сжалившись, сказал.
Слово «хлеб» заслышав ухом,
Я, как лист, затрепетал,
Закачался на ногах я,
Пошатнулся, застонал
И, как рухнувшее зданье,
Обессиленный упал.

Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окрайне.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликованье,
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознанья.

Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою,
Толмача Январу-пшава
Разыскал, привел с собою.

Повезли меня за речку,
В храм господень привели,
Дали мне святым иконам
Поклониться до земли.
К старшине потом позвали,
Расспросили, как могли:
Кто такой, зачем скитаюсь
От отечества вдали.

Расскажу теперь я вкратце,
Как я с Тереком расстался.
Прибыл я в Сулак сначала,
В Астрахань потом подался.
С Волги я к царю Вахтангу
До Москвы с трудом добрался.
Царь с царевичем Бакаром
Там у русских укрывался.

Был начальником я сделан
У Вахтанга в арсенале.
Дай вам боже справить пасху
Так, как мы ее справляли!
Состязались в пенье, в пляске,
Вирши взапуски писали,
Под веселый звон цимбалов
До рассвета пировали.

Виршеплет Джавахишвили
Там соперником мне стал.
Словно деревце кривое,
Был тщедушен он и мал.
Каждый стих мой, как репейник,
В хвост бедняге попадал,
И не раз, пища в досаде,
Шапку наземь он кидал.

ОТЪЕЗД ЦАРЯ ВАХТАНГА И СЫНА ЕГО БАКАРА В ДЕРБЕНТ

Я нашел в Москве Вахтанга,
Двор и весь его совет, —
Все они ушли из Картли
Перед этим за шесть лет.

Но призвавший их в Россию
Государь покинул свет,
Оттого они терпели
На чужбине много бед.

Петр Великий, император,
Вслед за ним другие двое
Навсегда переселились
В царство вечного покоя.
Царь в унынье погрузился,
Видя бедствие такое.
Скорбь, снедающая разум,
Сердце ранила живое.

Потому струились слезы
Из Вахтанговых очей.
«Вот, — твердил он с болью в сердце, —
Уж не стало трех царей!»
И немало сокрушался
Об отчизне он своей:
«Дело сильно затянулось,
Чем теперь поможем ей?»

Но когда на русском троне,
Архипастырем венчанна,
Милосердная к народу,
Облеклась в порфиру Анна
И когда ее увидел
Царь во всем величье сана, —
О своих делах решил он
Рассказать ей без обмана.

Он предстал перед царицей
И сказал ей со слезами:
«Я в моей беде великой
Здесь, в Москве, утешен вами.
Но помыслите о Картли,
Помогите мне войсками!»
И царица согласилась
Поддержать его делами.

«У меня, — она сказала, —
Есть Дербент, Сулак, Баку.
Все Приморье подчинилось

Ныне русскому штыку.
Отправляйтесь в эти земли,
Я казной вам помогу, —
Нужно с нашим русским войском
Вам ударить по врагу.

Всем войскам, что охраняют
Те приморские владенья,
Адмиралам, полководцам
Я пошлю распоряженье,
Чтоб они отныне ваши
Исполняли повеленья,
Чтобы жизни не щадили
В день кровавого сраженья».

И ответил царь с поклоном:
«Ободряя несчастливца,
Ныне божескую щедрость
Вы явили мне, царица.
Благодарный вам навеки,
Как могу я изъясниться?
Мой язык отныне будет
Славословить вас сторицей».

Подошел Вахтанг к царице,
Чтоб к руке ее прильнуть,
Встав, она благословила
Государя в дальний путь:
«Дай вам бог свои владенья
Без больших потерь вернуть!»
И во здравье из бокала
Пожелала отхлебнуть.

Прибыл царь из Петербурга,
И в Москве с великим рвеньем
Он с царевичем Бакаром
Приступил к приготовленьям.
На шести ладьях решили
Мы отплыть со всем именьем.
Целый месяц эти лодки
Мастерили по селеньям!

Наконец мы в путь пустились.
То нас волоком влекли,
То неслись мы быстриною,
То сидели на мели.
Уж три месяца по Волге
Плыли наши корабли.
Что нас вскоре ожидало,
Мы и думать не могли!

В эти дни, пока по Волге
Пробирались мы на взморье,
Колесо кривое мира
Повернулось, с нами споря:
Встретил нас Семен Абрамов
С черной новостью, и вскоре
Царь, унынием объятый,
Погрузился в бездну горя.

«Шемаху,— сказал Абрамов,—
Ныне занял хан Тамаз».
Царь за волосы схватился,
Слезы брызнули из глаз:
«Почему судьба доселе
Столь жестоко гонит нас?
Неужели нет исхода
Для меня и в этот раз?

Как мне быть, куда идти мне?
Тьма пути мои сокрыла.
Мой корабль навстречу буре
Развернул свои ветрила.
Весть о царском повеленье
Нас, увы, опередила.
Пусть врагу напасть такую
Ниспошлет господня сила!

Если б только мы доселе
Не ползли, как черепахи,
Никогда б я не услышал
То, что нынче слышу в страхе.
Отнял мой кусок заветный
Нади-кул, слуга при шахе.
Как мне быть и что мне делать,
Распростертому во прахе?

Если я вернусь обратно,
Как себя мне оправдать?
Если я в Дербент отправлюсь,
Что там должен предпринять?
Боже, что со мной ты сделал?
Наложил зачем опять
На разумные деянья
Скудоумия печать?

Мне в Дербенте жить удобней,
Чем в ином скитаться месте.
Подожду я там, какие
Принесет нам осень вести.
Горем делу не поможешь,
Надо нам подумать вместе,
Как в дальнейшем без ошибок
Постоять за дело чести».

И, когда мы появились
У дербентского причала,
В облаченье духовенство
Нас торжественно встречало.
Белый стяг над башней взвился
По приказу адмирала,
От раскатов русских пушек
Вся окрестность грохотала.

Раздавался звон церковный,
Били залпы хоть куда!
Сотрясались в этом шуме
Горы, небо и вода.
Видно, были мы для здешних
Не простые господа.
Как-никак, а утешенье
Для приехавших сюда!

ХАН ТАМАЗ ЗАНИМАЕТ ШЕМАХУ И ГЯНДЖУ; ТУРКИ ОСТАВЛЯЮТ ТБИЛИСИ

Расскажу о Нади-куле
И дела его открою.
Он, кочевник Таракама,
Хорасанским был главою.

Дружба с ним для Шах-Тамаза
Оказалась роковою:
Шах надел себе на шею
Петлю собственной рукою.

Шах-Тамаз, заметим кратко,
В ослеплении своем
Сладострастию и пьянству
Предан ночью был и днем.
Нади-кул, любимец шаха,
Стал слепцу поводырем:
Шах дела ему доверил,
Не заботясь ни о чем.

Властелин самодовольный,
Погрузился шах в веселье.
Тетиву ослабив лука,
Меч обрек он на безделье.
И упал он в ров глубокий,
И погиб он в подземелье.
До сих пор озера крови
Там просохнуть не успели.

В заключение о шахе
Скажем слово мы такое:
Мы добро в огонь не бросим,
Но сжигаем все дурное.
Разве должен был оставить
Бог насильника в покое?
Бог всегда ему, злодею,
Злом воздаст за дело злое.

Нади-кул заметил скоро,
Что бессилен Шах-Тамаз,
И схватил его и стражей
Окружил его тотчас.
И мечом он горделиво
Над иранцами потряс
И немало непокорных
Обезглавил в этот раз.

Зваться стал он Тамаз-ханом,
Супостат отчизны нашей.
В эти дни, как волк баранов,

Покорил он кизилбашей.
И завел себе он много
Беглар-беков и узбашей,
И большие арсеналы
Основал воитель вражий.

Все случилось так, как ране
Замышлялось Тамаз-ханом:
Как бессовестный изменник,
Шаха он поймал арканом,
Бросил в ров, а сам владыкой
Сел на шею персиянам
И известие об этом
Разослал по разным странам.

И посол с его посланьем
Был в Россию снаряжен:
«Взыскан милостью Аллаха,
Я воссел на царский трон.
Шах-Тамаз почил бездетным,
Не оставил сына он.
Я назвался Тамаз-ханом,
В сан владыки возведен».

Торопясь, Хулуп-посланник
В путь отправился с пакетом.
Был радушно в Петербурге
Принят он двором и светом.
О делах царя Вахтанга
Там узнал он по изветам.
Плохо сделал тот предатель,
Кто сказал ему об этом!

Донесли тому Хулупу,
Что Вахтанг сказал князьям:
«Шемаханскому владыке
По заслугам я воздам.
Город бомбами осыплю,
Повелю греметь громам.
Если бог пошлет победу —
Это все, что надо нам».

И, когда, в поход собравшись,
Кончил царь приготовленья,
Тот Хулуп с гонцом отправил
Тамаз-хану донесенье.
Он советовал усилить
На границах укрепленья,
Ибо округ Шемаханский
Царь берет в свое владенье.

Получив предупрежденье,
Осерчал преемник шаха
И пошел с войной, и стала
Шемаха добычей праха.
И бежали прочь лезгины,
И Гянджа тряслась от страха,
Слыша звон ворот железных,
Сокрушаемых с размаха.

Тамаз-хан, искусный воин,
Так стремился наступать,
Чтобы тысяча умела
Десять тысяч растоптать.
И врата Гянджи тараном
Сокрушила эта *рать*, —
И, спасаясь, из Тбилиси
Повернули турки вспять.

ТАМАЗ-ХАН ТРЕБУЕТ У РУССКОГО АДМИРАЛА ВЕРНУТЬ ЕМУ ПРЕЖНИЕ ВЛАДЕНИЯ

Адмирал письмо в Сулаке
Получил от Тамаз-хана:
«Не насильничай над нами,
Если ты не враг Ирана.
Если есть долги за мною,
Возмещу их без обмана,
Если ж нет, то мне сегодня
Милость царская желанна.

Разве вам Дербент подвластен,
Армоан, Баку, Сулак?
Чересчур не надо хвастать
Хвастуну обильем благ.

Почему ты пашешь землю
Там, где сеял я табак?
Почему с моих базаров
Дани требуешь, как враг?

Коль теперь мы не поладим,
Дело кончится войною.
Лучше вам уйти оттуда,
Где стоите предо мною.
Вижу я, что, в этом месте
Овладев моей землею,
Не хотите вы считаться
С нашей дружбою былою».

Адмирал ему ответил:
«Не прими за оскорбленье,
Что обязан я в столицу
Написать уведомленье.
Жди высокого указа,
Собери свое терпенье.
Все охотно я исполню,
Получив распоряженье».

И в ответ из Петербурга
Поступило приказанье:
«Отступить от побережья,
Крепость срыть до основанья».
Но, пока начальник ломом
Не ударил в стену зданья,
Не посмел никто из русских
Это выполнить заданье.

Между тем другое имя
Снова принял Тамаз-хан.
Укрепившись на престоле,
Он присвоил царский сан,
Стал отныне Надир-шахом
Повелитель персиян.
Шаха, равного Надиру,
Не имел с тех пор Иран.

Он, могучий, Шах-Тамаза
Предназначил топору,
Устрашил мечом османов,

Дагестан и Бухару.
«Из Баку, — сказал он русским, —
Уходите подобру!»
Даже Индии властитель
Припадал к его ковру.

В эти дни к дарю Вахтангу
Прискакал посланец снова.
Шах писал: «Вернись в отчизну,
Я не сделаю худого.
Пополам мечом рассек я
Твоего врага былого.
Верь мне, царь, и мой подарок
Не отталкивай сурово».

Не поверил, оскорбился
Царь, читая тот указ:
Шах кольнул Вахтанга в сердце,
Как шиповник колет в глаз.
Поразмыслив сам с собою,
Царь решил и в этот раз:
«У него в цепях железных
Я умру, как Шах-Тамаз».

РУССКИЕ УХОДЯТ ИЗ ДЕРБЕНТА; ЦАРЬ ВАХТАНГ УЕЗЖАЕТ В АСТРАХАНЬ

Войско русских отступило
Из Дербента на Кизляр.
Спешно в Астрахань вернулись
Царь и сын его Бакар.
Там свалился на Вахтанга
Неожиданный удар.
«Что мне жить, — сказал владыка, —
Если жизнь — презренный дар!

Мир мгновенный, мир коварный,
Ты за что меня терзаешь?
Я с одной бедою свыкся —
Ты мне девять посылаешь.
Сердце мне мечом пробили —
Ты копьем мне грудь пронзаешь.
Не даешь мне жить, проклятый,
И на смерть не обрекаешь!»

И сказал Вахтанг Бакару:
«Извела меня невзгода!
Только ты, мой сын, для сердца
Слаще сахара и меда.
Я отсюда не уеду,
Ибо нет нигде исхода.
Ты теперь главою будешь
Разоренного народа.

Под какой звездой, не знаю,
Мир впервые я узрел!
Бился много я, но тщетно,
Ныне биться — твой удел.
Я сложил свое оружье,
Изнемог и постарел.
Будь нам горе или радость —
Ухожу от этих дел.

Те грузины, что за мною
Добровольно устремились,
Или дом имеют в Картли,
Или здесь переженились.
Как по-русски говорится,
Дай им волю, сделай милость,
Чтоб они, расставшись с нами,
Где угодно поселились.

У меня их нынче просят,
Но не дам их никому.
Погубив страну, у старца
Я ли сына отниму?
Горе мне, коль буду яму
Рыть я брату моему!
Чем мне жить сиротским хлебом,
Лучше сгинуть самому!

Всем дарую я свободу,
Пусть живут по доброй воле.
Лишь одно скажу я слово
Людям в горькой сей юдоли:
Если бог не пожелает,
Мы своей не минем доли,
Но смотрите, чтоб в несчастье
Вас не ввергло своеволье!»

Сын родителю ответил:
«Что напрасно сокрушаться?
Почему теперь ты начал
Клясть судьбу и угрызаться?
Иль не знаешь ты, что миру
Невозможно доверяться?
Разве может безупречно
Колесо его вращаться?

Для чего тебе напрасно
Проклинать мгновенный свет?
Человек обязан вынесть
Не одну, а девять бед.
Лучше быть всегда веселым,
Чем скорбеть на склоне лет.
И в слезах твоих и муках
Никакого толку нет.

Посоветую тебе я,
Коль не будешь ты сердиться,
Не спеша в Москву отсюда
Вместе с нами возвратиться.
Будем жить, как раньше жили,
Коль несчастье наше длится.
Исцелит твои печали,
Увидав тебя, царица».

Царь сказал: «Как жили раньше,
Жить не будем никогда:
Посмотреть в глаза народу
Я не смею от стыда.
Уж в очах моих сиянье
Потускнело навсегда.
Не оправиться мне больше —
Такова моя беда».

И грузины пред Вахтангом,
Плача, пали на колени,
Били в грудь себя руками
И кричали в исступленье:
«Почему, о царь, в пустыню
Ты бежишь, подобно тени?
Почему ты хочешь скрыться
От житейских треволнений?

Девятнадцать лет минуло
С той поры, когда впервые
Мы с тобой ушли из Картли,
Натрудив немало выи.
Что же мы теперь имеем
За походы боевые?
Ты о нас не хочешь думать
В эти годы роковые!»

Царь ответил им, рыдая:
«Правду вы сказали мне!
Много видели вы горя
На чужбине, на войне.
Что ж мне делать? Я старался
Послужить родной стране,
Но не смог... За вашу дружбу
Кто заплатит вам вполне?

Вы меня не упрекайте
Верной службою своею.
Кроме слов благословенья,
Разве что я здесь имею?
Наградит вас бог сторицей,
Я же ныне не умею.
Не предаст он вас, несчастных,
В руки вору и злодею!

Ныне, горестью объятый,
Весть услышал я дурную.
Чем такие слышать вести,
Лучше в землю лечь сырую!
Вас, друзей моих, обязан
Я отдать под власть чужую,
Но язык мой неспособен
Вас обречь на жизнь такую!

Оттого теперь я плачу,
Безутешен и гоним.
Нас несчастье заставляет
Делать то, что не хотим.
Где конец моим заботам,
Злоключениям моим?
Если б вас не возлюбил я,
Верно, отдал бы другим!»

И отчаялись грузины,
Услыхав слова печали,
Рвали волосы от горя,
Кулаками в грудь стучали.
Удивлялись очевидцы
И несчастных порицали,—
Где ж им было знать, в какую
Западню мы все попали!

И сказал им царь: «Грузины!
Прекратите плач напрасный.
Всем известно вам, что ныне
Вестью я сражен ужасной.
Сохраните ж эту тайну
От людской молвы опасной.
Сердца мне не разрывайте,
Я и так убит, несчастный.

Нет, не падайте вы духом
И себя не бейте в грудь.
Пусть Бакар, мой сын любимый,
Вам теперь укажет путь.
Вы должны ему на верность
Добровольно присягнуть,
Чтоб без ведома Бакара
Шага больше не шагнуть.

Насадивший древо басен
Нам оставил поученье:
«Послушание — заслуга,
А упрямство — заблужденье.
Пастырь стадо растеряет,
Коль свое утратит рвенье,
Но и стадо без надзора
Волк пожрет в одно мгновенье».

И соратники, прощаясь
С опечаленным царем,
Ноги старцу целовали,
На колени став кругом.
И текли у них по лицам
Слезы горькие ручьем
В день, когда они навеки
Покидали царский дом.

Стал народ пенять Бакару:
«Царь наш в горе и недуге.
Видишь, он какой наградой
Отплатил нам за услуги?
Не в шелках грузин прогнал он,
Но в лохмотьях из дерюги.
Человек с десяток только
Он оставил из прислуги.

Хоть отец твой безусловно
Многомудрый властелин,
С кем в науках мог поспорить
Иоанн лишь Дамаскин,—
Ныне впал он в заблужденье,
Коль решился жить один,
Удалив от этой кельи
Нас, родных ему грузин».

Им Бакар ответил: «Знаю
О его решенье странном.
Но, клянусь детьми своими
Александром и Леваном,
Много раз твердил отцу я:
«Что творишь ты с нашим станом?»
Но отец в Москву не хочет
Возвращаться к россиянам.

Мудрых дел его доныне
Видеть мне не довелось.
Ведь за что он ни возьмется,
Все идет и вкривь и вкось.
Сын отца судить не может,
Хоть и видит все насквозь.
Без царя в Москву уедем,
Пусть живет он с нами врозь!»

Он велел нам: «Торопитесь,
Чтобы здесь не задержаться.
Скоро осень; в бездорожье
Трудно будет отправляться:
До Царицына рекою
Нам придется добираться,
Там — верхом и на подводах
По лесам передвигаться».

И тогда в отряде нашем
Начались приготовленья,
В путь готовили мы спешно
Провиант и снаряженье.
Но огнем неугасимым
Жгло нас царское решенье.
Перед близкою разлукой
День мы прокляли рожденья.

И пустились мы в дорогу,
И дела распались в прах.
Царь, оставшись одиноким,
Все мольбы отверг в сердцах.
Как на башне Вавилонской,
Нас объял великий страх,
Ибо стали говорить мы
На различных языках.

ЖАЛОБА ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ НА СУЕТНЫЙ И МГНОВЕННЫЙ МИР

Можно ль миру доверяться?
Лжив, изменчив мир мгновенный!
Хоть вцепись в него когтями,
Не удержишь дланью бренной:
Нынче ласков он, а завтра
Поразит тебя изменой.
Лучше нам забыть о плоти
И служить душе нетленной.

То сиянием, то мраком
Он, изменчивый, объят,
То зефиром он повеет,
То напустит вихрь и град.
За короткий миг блаженства
Будешь горестен стократ.
Ни добро, ни зло не вечны.
Что глупцы ни говорят.

Я постиг *его*, — недаром
Жил и я когда-то в холе,
И любил его и думал,
Что любить обязан боле.

А теперь, смотрите сами,
Стал я мрачен поневоле,
Лютым пламенем объято
Сердце в горькой сей юдоли.

Коротка ты, жизнь земная,
Счастье коротко вдвойне.
Все утратил я, несчастный,
Что имел в родной стране.
Мир, предательски-трусливый,
Перепутал пряжу мне.
Словно в пламени полено,
Сердце в горе и огне.

Он, проклятый, криводушный,
Подстерег меня с капканом.
Он казался мне вначале
Милосердным и желанным.
Долго он играл со мною
И поил меня дурманом,
Лишь когда я пал, сраженный,
Опорочил словом бранным.

Вот зачем я полон жалоб,
Мир изменчивый кляня!
Что еще сулит мне в жизни
Эта злая западня?
Может быть, уже забыла
Обо мне моя родня.
И ни сына нет, ни дочки
В этом мире у меня!

Все он отнял, мир мгновенный,
Чем гордился я порою.
Захлестнул мою он шею
Хитроумною петлею.
Дважды он связал мне руки,
Отдавая в плен без боя.
Плачу я, затмились очи,
Дни — как ночи надо мною.

В сердце он мое, проклятый,
Меч вонзил по рукоять.
Уж отцом меня не будут

Никогда именовать.
Вкруг меня врагов немало.
Как же мне не унывать?
Сел и стал стихи слагать я,
Чтоб хоть их детьми назвать.

Вот зачем с лукавым миром
Ладить сердце не желает:
За собою человека
Он насильно увлекает.
Одного прошу я сына —
Он моленью не внимает,
Тем же, кто его не просит,
Близнецов он посылает.

Сколько раз копье он гневно
Приставлял к груди моей!
Сколько раз, заставив плакать,
Не давал мне петь, злодей!
Повелев лозой бесплодной
Расцвести до срока дней,
Иссушил мое он семя
И состарил без детей.

Я — как дерево сухое,
Ибо он срубил мне ветки.
Из очей моих струятся
Слезы, горестны и едки.
Преждевременно отравлен,
Я мечусь, как рыба в сетке,
В четырех томлюсь стенах я,
Как томится птица в клетке.

Переменчив мир мгновенный,
Нынче — сырость, завтра — зной.
Нынче он тебя ласкает,
Завтра борется с тобой.
Ты ему не доверяйся:
Лук он держит за спиной.
Счастлив тот, кто, полон силы,
По тропе идет прямой.

Наделил двумя дарами
Человека он любого:
Нынче нам готова радость,
Завтра горе нам готово.
Кто из смертных вечно счастлив?
Мир не видывал такого.
Как слепил он нас из праха,
Так же в прах развеет снова.

Мир, как море в непогоду,
Переменчив с давних пор,
По его основе время
Вышивает свой узор.
Кто там острою косою
Косит нас, костляв и хвор?
Бренный мир и в блеске молний
Темен, им наперекор!

Коль утрачу крепость духа,
Скоро я навеки сгину,
Ибо сердце бренным миром
Сожжено наполовину.
Отнял он живой источник, —
Чем залить огня пучину?
Искромсал мое он сердце,
Словно острый нож холстину.

Дни мои укоротились,
Подошла моя пора!
Стала горькою сегодня
Влага, сладкая вчера.
Уж готовятся шакалы
Труп терзать мой до утра,
Скоро я увижусь с вами,
Брат покойный и сестра!

Где найти мне тихий отдых,
Чтоб забыть о вечной боли?
Дух мой рвется из гортани,
Уж недолго жить мне боле.
Если, бывший ахалдабец,
Я теперь уеду в Боли, —
Воспитать сиротку-книгу
Не смогу я поневоле.

Что ты выиграл, мой недруг,
Затевая праздный спор?
Ты зачем в упрек мне ставишь,
Что бездетен я и хвор?
Разве детище Давида
Не прекрасно с этих пор?
Разве сказанное мною
Супостату не отпор?

Я взращу мой труд, как сына,
Песнопевцем для картвела,
Лишь бы песнь моя в рыданье
Превратиться не успела.
Мой язык гремел, как било,
Сердце колоколом пело,
Но, увы, на царской службе
Трудно делать это дело.

КОНЧИНА ЦАРЯ ВАХТАНГА. ГРУЗИНСКИЕ КНЯЗЬЯ И ДВОРЯНЕ ПЕРЕХОДЯТ НА СЛУЖБУ К РУССКОЙ ЦАРИЦЕ

Знайте все, что мир мгновенный,
Полный лживыми делами,
Даже ясный свет светила
Закрывает облаками.
Были нашему владыке
Мы послушными рабами.
Как детьми, наш царь великий
Милосердно правил нами.

Отнял мир у нас Вахтанга,
Омрачил наш долгий путь,
Впредь велел платить с лихвою,
Коль попросим что-нибудь.
И пришлось нам без владыки
Горя досыта хлебнуть.
Только вспомню я об этом,
Вся огнем пылает грудь!

Горе! Столп какой свалился!
Пал какой чертог чудесный!
Радость горем обернулась,

Скорбью стала повсеместной.
Царь, детей своих покинув,
Опочил в могиле тесной.
Крепче стой, хоть ты не рухни,
Голубой шатер небесный!

Умер царь, и нам, грузинам,
Нелегка была утрата.
Тьмой подернулся ночною
Свет, сиявший нам когда-то.
С перебитыми крылами
Заметались мы, орлята,
Запищали безнадежно,
Как без курицы цыплята.

И сказали россияне:
«Ведомо, грузины, вам,
Что господь не позволяет
Поклоняться двум богам.
Иль обратно уходите,
Или здесь служите нам.
Бесполезно предаваться
Сокрушенью и слезам.

Двадцать с лишком лет гостями
Вы не можете считаться.
Коль на службу не пойдете,
Вам прокорму не набраться.
Будет стол у вас обилен,
Коль решите оставаться,
Если ж нет — настало время
Вам в дорогу собираться».

И завет царя Вахтанга
Мы, грузины, позабыли:
Не спросились у Бакара,
Своевольно поступили.
Мы пошли по тем дорогам,
Что всего опасней были.
Кто оттуда жив вернется —
Предсказать никто не в силе.

Кахетинцы и картлийцы
Поклялись, что с этих пор
Будут жить они, как братья,
Всем врагам наперекор,
Что делиться будут хлебом
Без размолвок и без ссор.
Я со всеми вместе клялся
Помнить этот уговор.

Дав друг другу обещанье
Жить по-братски и трудиться,
К государыне решили
Мы с прошеньем обратиться.
«Всех нас в подданство прими ты
И пошли с врагами биться».
Прочитав прошенье наше,
Нас одобрила царица.

И тотчас она велела
Нас причислить к россиянам,
Дать князьям по тридцать дымов
И по десять — всем дворянам;
Если этого не хватит,
То прибавить счетом равным
Всем еще по десять дымов,
Чтобы домом жить исправным.

Зависть мудрому решенью
Воспротивилась тотчас:
«Сталь тверда, железо мягко, —
Как равнять возможно нас?»
Двор узнал о нашей распре
И другой послал указ:
Только то у нас осталось,
Что нам дали в первый раз.

И лишь те отвергли зависть,
В ком была ума частица,
На конях они поспешно
Прочь хотели удалиться.
У меня был конь неважный,
Я не смог нигде укрыться.
Подскочив, кривую саблю
Надо мной занес убийца.

Умертвила злая зависть
Тетию Орбелиани
И Адама Цицишвили
Обрекла на поруганье.
Пострадав от лютой злобы,
Очутился я в капкане
И с тех пор живу без цели,
Голова моя в тумане.

Эта бешеная зависть
Принесла нам бед немало:
Старших саблей зарубила,
Младших насмерть растоптала.
Мой очаг она спалила,
Кров последний отобрала.
И вошла тоска мне в сердце,
Как отравленное жало.

Тайный недруг мой вначале
Неприметен людям был,
Но внезапно проявилось
В нем немало скрытых сил.
Поедая много мяса,
Он костями нас кормил.
Древо пышное срубил он,
Сучковатое взрастил.

Добрых сделал он дурными,
Все разбил, что было свято.
Сам слепой, он перепутал
Все дороги для собрата.
Медный сплав с тех пор цениться
Стал у нас дороже злата.
Взыщет бог за все дурное,
Что он сделал мне когда-то!

Я в те дни козлу поверил,
Как ягненок несмышленый,
И внезапно я очнулся,
Над обрывом вознесенный.
Враг сказал мне: «Перепрыгни!
Там за кручей луг зеленый!»
Не сумел я перепрыгнуть
И свалился в ров бездонный.

Я от пастыря отбился
И свернул на ложный путь.
Тех, кто сам себя утратил,
Уж найдет ли кто-нибудь!
Человеческая жадность
Мир не в силах обмануть,
Псы теперь на мой достаток
Могут смело посягнуть!

Неразумным и плачевным
Был глупца полет бескрылый!
Еле выбравшись из ямы,
Снова я свалился, хилый.
Уж не свидеться мне с вами,
Мать, отец и брат мой милый!
И с тобой, сестра, быть может,
Встречусь только за могилой.

Вот наш перечень служебный —
Что случилось с нами дале:
Мы в семьсот тридцать девятом
С Хотина врата сорвали,
Фридрихсговенские сваи
В сорок мы втором сжигали,
В пятьдесят седьмом успешно
Трон пруссаков потрясали.

В пятьдесят восьмом пруссаки
Нас погнали на восток.
От своих я оторвался
И остался одинок.
В Магдебургской цитадели
Был я заперт на замок
И, лишь вырвавшись из плена,
Снова просо сеять мог.

Много проса получил я,
Да не смог отведать мчади:
Мне в другое ехать место
Было велено без клади.
И опять мое селенье
Я покинул службы ради
И утехи дней минувших
Навсегда оставил сзади.

●

ВЕСЕЛАЯ ВЕСНА

(Поэма)

На мотив русской песни
«Веселая весна»

* * *

Одна красотка, встретившись со мною,
Зажгла меня «Веселою весною».
    Российской песни сила
    Мне сердце опалила
    Томительным огнем!

С тех пор горю я, и никто на свете
Омыть водой не хочет раны эти.
    О боже, для защиты
    Меха с водой пошли ты
    Страдальцу твоему!

Дай мне прозреть, незрячему невежде,
Чтоб шел я в путь, узнав дорогу прежде.
    Пошли мне вдохновенье,
    Чтоб я свое творенье
    Исправно завершил!

БОРЬБА ЗИМЫ, ВЕСНЫ И ВЕТРОВ

Зима, воссев на троне из кристалла,
Свой грозный меч и щит в руках держала.
    Вокруг теснились слуги —
    Снега, Морозы, Вьюги, —
    Бесчисленная рать!

Враг Кекии, начальник сей дружины,
Был грозный Эврос в образе мужчины.
    С ним Пфиникс был злонравный,
    Зефир, и Липси славный,
    И Нотос, и Борей.

Был Кекия начальником у Лета.
Хвастливый Эврос клял его за это,
    Но с Кекией, на счастье,
    Апил был и Эргастий,
    Девантос и Аргест.

Сказал Аргест: — Эй, Липси, что с тобою?
Всю землю замочил ты под собою! —
    Обидно Липси стало,
    И снег сковал он талый
    И лужи льдом покрыл.

И был наш Липси от руки. Аргеста
Пронзен копьем в седалищное место,
    И Пфиникса позвал он,
    И так ему сказал он,
    Страдая свыше сил:

— Увы, мой зад пробит посередине,
Отмстить врагу не в силах я отныне.
    Ты клялся мне по чести
    Со мной сражаться вместе.
    Иди и отомсти!

Затих Аргест, приметив это дело,
На Пфиникса пошел Эргастий смело, —
    Полки Дождей он в сечу
    Повел врагу навстречу,
    А Пфиникс вел Снега.

Рванулись на Эргастия Метели,
И хлопья снега с шумом полетели,
    А он из самопала,
    Чтоб Пфиниксу попало,
    Лупил в него дождем.

И Пфиникса постигло пораженье,
Не мог он в ход пустить вооруженье:
    Промокли все пищали,
    А хляби угощали
    Водой его отряд.

Но тут Зефир с Эргастием столкнулся:
— Ты на кого, негодный, замахнулся?

Повеешь теплотою,
Разделаюсь с тобою,
Порошей угощу!

Тогда на помощь славному герою
Пришел Апил с полуденной жарою.
Дыхание Апила
Порошу растопило,
И Солнце помогло.

Был дружен Эврос с Нотосом, Бореем,
Служил Левантос, Кекией лелеем.
Спокойные доселе,
Они лишь не хотели
Раздоров и войны.

Другие ветры в ярости жестокой
Давным-давно умчались в край далекий.
А где они блуждали,
Друзья о том не знали,
И я их не видал.

Узнав о битве, Эврос разъярился,
На Нотоса с Бореем напустился;
— Пока вы, пустомели,
Со мною тут сидели,
Погибла ваша рать!

И с Севера поднялся вихрь Борея
И засвистал, с великой злобой рея.
Привел Мороз трескучий,
Нагнал седые тучи
И страх навел на всех.

И где Весна по воздуху летела,
Опять все смолкло и обледенело.
Сковало льдами лужи,
И все, застыв от стужи,
На землю пали ниц.

И взвился Траске, и клубами пыли
Его войска Борею путь закрыли,
И около зенита
Вконец была разбита
Борея злая рать.

И пал Борей, и Нотос в воздух взвился,
За Траске вслед Левантос появился,
И лев на льва бесстрашно
Обрушился отважно,
И грозный грянул бой.

Потряс всю землю Нотос диким воем,
Но был Левантос истинным героем,
И в бой они вступили,
И лапами лупили
Друг друга по башке.

И Кекия примчался на подмогу,
И Эвросу отбил из пушки ногу,
И по причине порчи
Того схватили корчи,
И в страхе он упал.

И в плен попался Эврос, и бежала
Вся рать Зимы куда и как попало,
И весть о пораженье
В тревоге и смятенье
Зиме привез гонец.

И чтоб Весна мороз не поборола,
Сошла Зима с хрустального престола,
Щитом прикрыла тело
И привести велела
Крылатого коня.

И в стан Весны, как дикая гиена,
Она примчалась, вынув меч мгновенно,
И так, грозя булатом,
Свирепым супостатом
Напала на Весну.

Излаяла Весну она сначала
И голову ей градом исхлестала,
Но и Весна-плутовка
Пустила в Зиму ловко
Весенних молний пук.

К тому же ей и Солнце услужило,
Пригрело землю, лужи растопило.

Схватив коня за гриву,
Бежала по разливу
Разбитая Зима!

И Кекия с копьем, готовым к бою,
Взнуздав коня, погнался за Зимою,
Грозя своим оружьем,
По топям и разлужьям
Он мчался ей вослед.

И до тех пор летел за ней вояка,
Пока Зима не сгинула средь мрака.
И, взяв трофей немалый,
Со славой небывалой
Домой вернулся он.

ПОРАЖЕНИЕ ЗИМЫ, ПОБЕДА ВЕСНЫ, ОБЕТЫ ПАСТУХОВ

Погибло все, чем рать Зимы владела,
На изумрудный трон Весна воссела,
И все живые твари
Слетелись к ней по паре,
Приветствуя Весну.

Теперь Зима была не та, что прежде:
Пришлось бежать ей в сношенной одежде.
Весна ж повеселела
И пестрые надела
Обновы на себя.

И каждое растеньице нагое
Она одела собственной рукою,
И по ее указу
На волю вышли сразу
Все узники Зимы.

Все, что зимой от холода дрожало,
Зеленое надело покрывало,
И теплый ветер дует,
И хоры птиц ликуют,
Щебечут и поют.

И жаворонок свищет на опушке,
Удоду вторят возгласы кукушки,
    И голуби рокочут,
    И спать никто не хочет,
    Заслышав соловья.

Повсюду звуки песенок знакомых,
И слышен уху шорох насекомых:
    Они из темных норок,
    Ликуя, на пригорок
    Ползут из-под земли.

И все, что было на земле мужского,
Соединилось с самочками снова.
    И хлеб взошел, и травы
    Пробились, и дубравы
    Листвой покрылись вновь.

Ушла Зима с холодными снегами,
Пришла Весна с весенними цветами.
    Людей влечет друг к дружке,
    И юные пастушки
    Толкуют пастухам:

— Кому кто люб, пускай пастушат вместе,
Коль что найдут, разделят пусть по чести. —
    Три девушки-смуглянки
    Однажды на полянку
    Пошли пасти овец.

К кустам они свое пригнали стадо,
И сердце каждой солнцу было радо.
    На луг они присели
    И песенку запели,
    Ликуя и шутя.

Вокруг цветы пестрели на поляне
И шелестели в солнечном сиянье,
    И каждая девица,
    Желая веселиться,
    Сплела себе венок.

И лишь одна пастушка унывала,
Ей белых роз сегодня не хватало, —

Она в кустах далеко
Блуждала одиноко,
Чтобы собрать букет.

И вдруг раздался дальний звук свирели.
«Не девушки ли это засвистели?» —
Подумалось пастушке.
И тотчас по опушке
Пошла она на звук.

Взошла на горку, видит: возле речки
Стоит пастух и вкруг него овечки.
Пастушка оробела,
Бежать назад хотела,
Да не хватило сил.

— Ай-ай! — она вскричала. — Как мне тяжко!
Что ждет меня! Пропала я, бедняжка! —
Пастух перепугался:
«Чей это крик раздался?» —
И к деве подбежал.

Спросил он деву: — Что с тобой случилось?
Зачем кричишь? Чего ты устрашилась? —
И руку к ней простер он,
И слезы ей отер он
И начал утешать.

Понравился пастушке он, и вскоре
Красавица свое забыла горе,
К ногам его несмело
С улыбкою присела
И молвила ему:

— Любимый мой, теперь ты мой спаситель,
Защитник мой, заступник и хранитель!
Склонись к моим признаньям,
Послушай со вниманьем,
Что я тебе скажу.

Я для тебя цветов не пожалею,
Коль ты готов меня назвать своею.
На очи и ланиты
Мои, молю, взгляни ты,
Понравлюсь — не скрывай.

Сказал пастух: — Не надо торопиться,
Тебе самой букет твой пригодится,
Приди в себя сначала
И в том, что мне сказала,
Отдай себе отчет.

Ты не дрожи, припомни изреченье:
«Рождает страх любовное влеченье».
Испугана чрезмерно,
Не знаю я наверно —
Ты любишь или нет...

Когда свою осилишь ты тревогу,
Увидим мы — лукавому иль богу
Угодно это дело
И отчего велела
Судьба нам здесь сойтись.

Мне нравишься ты, дева, и, не скрою,
Немедленно возлег бы я с тобою,
Но сердце замирает —
А если кто узнает?
Осудят нас с тобой!

— Ну что боишься? — девушка сказала. —
Кто нас увидит в чаще буревала? —
Услышал это слово
И усмехнулся снова
В душе своей пастух.

А девушка твердит ему со смехом:
— Кто помешает нашим здесь утехам?
Никто нас не увидит,
Никто нас не обидит, —
Чего ж боишься ты?

Пастух ответил: — Если ты готова,
Красавица, мое послушать слово,
Во всем тебе признаюсь,
Чего я опасаюсь,
Кого я так боюсь.

Лукавить я с тобою не намерен,
Простой рассказ мой будет достоверен.

Известно всем, что твари
Живут друг с другом в паре,
Иных на свете нет.

За то, что муж с женою спят в постели,
Их не осудят даже пустомели.
Без страха, без опаски
Друг другу дарят ласки,
Счастливые, они.

Мужья и жены, верные супруги,
И день и ночь нуждаются друг в друге.
Они, мы знаем, вместе
В любом гуляют месте,
Не сторонясь людей.

Иные в сад идут для развлеченья,
Играют, шутят, полны увлеченья,
Друг дружку обнимают,
Друг дружку в бок толкают,
Нимало не стыдясь.

Но кто любви без брака предается,
Тот, словно вор, со страхом в лес крадется
И в зарослях из терна
Дела свои проворно
С подругою творит.

Пяти помех страшуся я от века:
Боюсь я сойки, бога, человека,
Дрозда, шипов растений,
Виновных в посрамленье
Родителей моих.

Родители и страсть не утолили
И потеряли то, что подарили.
Виновные в покраже,
Украденного даже
Не в силах были скрыть.

— Открой же мне, — воскликнула девица, —
Как приключилась эта небылица?
Со мною побеседуй
И о себе поведай,
Чтоб знала я тебя.

РАССКАЗ ПАСТУХА О ТОМ, ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ С ЕГО РОДИТЕЛЯМИ

Два жителя в одном селенье жили,
Достатки их равны друг другу были.
Как говорит преданье,
Они в крестьянском званье
Хранили добрый нрав.

Желая меж собою породниться,
Они родства не знали как добиться:
Хоть оба и хотели,
Но дочки не имели
Ни тот и ни другой.

Но каждый, как пристало семьянину,
По взрослому имел в семействе сыну.
Родителям до гроба
Покорны были оба
Красавцы сыновья.

В один и тот же день они женились,
И у обоих дети появились:
Один родил сыночка,
А у другого дочка
Родилась в тот же день.

Молиться стали матери с отцами,
Чтоб поженились дети их с годами.
Мольбы святые эти
Услышал бог, и дети
С годами подросли.

И юноша и девушка-красотка
Росли друг с другом радостно и кротко,
Чтоб встать пред аналоем...
И минуло обоим
Им по шестнадцать лет.

Почувствовав влечение к невесте,
Стал юноша склонять ее, чтоб вместе
Возлечь им, но девица,
Не смея согласиться,
Ответила ему:

— Не следует до нашего венчанья
Решаться на греховные деянья.
    Увы, не дай нам боже,
    Чтоб осквернили ложе
    До брака мы с тобой!

Коль ляжем мы и стану я брюхата,
Перед людьми я буду виновата.
    Что матушке скажу я,
    Коль от тебя рожу я,
    И как тогда мне быть?

Распутниками люди нас облают,
Приблудными детишек посчитают,
    Покроют нас позором
    И примутся всем хором
    Ругать наперебой.

Начнут болтать, что, не дождавшись свадьбы,
Не нужно было к делу приступать бы,
    Что мы, забыв о чести,
    С тобой лежали вместе
    До брачного венца.

А коль в сердцах поспорю я с подружкой,
Она ответит: «Разве с потаскушкой
    Я буду пререкаться?
    Ведь не могла дождаться
    Ты часа своего!

Ты весь свой род навеки осрамила,
Позором всем ты головы покрыла!
    С тобою, всякий знает,
    Сидеть не подобает
    За трапезой одной.

Ты потерпеть могла бы хоть немного,
Чтоб не нарушить заповедей бога,
    А ты, не воздержавшись
    И в церкви не венчавшись,
    Ублюдка прижила!»

Любимый мой, в залог любови прочной
В свой дом меня прими ты непорочной.

Пусть всякий, кто увидит,
Напрасно не обидит
Меня укором злым.

Ведь женщине, что б там ни говорили,
Чем жить в позоре, лучше спать в могиле,
Коль впала в грех девица,
Над домом разразится
Ужасная гроза.

Порядочная девушка для света
Дороже перла, краше самоцвета,
А шлюха, каждый скажет,
Могильным камнем ляжет
Над гробом муженька.

Для девушки наряд — не погрешенье,
А скромный нрав — двойное украшенье.
Невинность соблюдая,
Законы уважая,
Должна девица жить.

Коль человеку нечего стыдиться,
С ним даже перл красою не сравнится,
Прошу, не спорь со мною,
Пока твоей женою
Не стала я еще.

Родителей начнут порочить люди:
«Зачем вы жить позволили им в блуде?
Зачем вы не нашли их,
Зачем не развели их
Из леса по домам?

Неужто вы не знали, не гадали,
Зачем они в кустарник убегали
И, прилепясь друг к другу,
Теперь на всю округу
Ославили себя?»

Оставь меня, чтоб на упреки эти
Отцов своих не обрекли мы, дети,
В любви несокрушимы,
Греха не совершим мы
На радость злым врагам.

Когда, жених с невестою, за пиром
Сидеть мы будем перед целым миром —
    Покрытые позором,
    С печальным грешным взором
    Томиться будем мы.

Отец и мать, исполнены печали,
Промолвят нам: «Посмешищем вы стали!
    Зачем, прелюбодеи,
    Вы крали, как злодеи,
    Запретную любовь?»

Ведь я — твоя невеста перед богом.
Подумай же о жребии убогом!
    Пронзи мне грудь кинжалом,
    Но срамом небывалым
    Меня не оскверняй.

Коль стану я посмешищем народу,
Один конец — мне в петлю или в воду.
    Меня ты не забудешь,
    Раскаиваться будешь
    И слезы будешь лить!

Не внял моленью юноша влюбленный,
Пошел на хитрость, страстью распаленный,
    Сказал: — У нас в усадьбе
    Не думают о свадьбе,
    А ждать я не могу.

Скончалась бабка, дед глядит туда же,
Венчаться нам нельзя и думать даже.
    Такое в доме горе,
    Что справить свадьбу вскоре
    Немыслимо никак.

Клянусь тебе, пришел конец терпенью,
Придется нам расстаться, к сожаленью.
    Коль хочешь жить монашкой,
    Сойдусь с другой милашкой,
    Забуду о тебе!

В надежде, что упрямица смягчится,
Решил для вида парень рассердиться.

Итак, в притворной злости,
Пошел к другой он в гости
И начал с ней шутить.

И девушка, узнав про это дело,
Заплакала, от горя помертвела,
Обиделась жестоко,
И в сердце ей глубоко
Запал великий страх.

Подумала: «Слюбившись с той, другою,
Навеки он расстанется со мною.
Любовник бессердечный,
Копьем печали вечной
Он сердце мне пронзит!»

Она сказала юноше: — Обычай
Не дозволяет стыд терять девичий.
Тебя я умоляла
Во что бы то ни стало
До свадьбы подождать.

Но коль к другой спешишь ты на свиданье,
Уж лучше я уйму твое желанье.
Покинь лишь эту деву,
Внемли господню гневу,
Побереги себя.

Когда овец и прочую скотину
Погоним завтра мы с тобой в долину,
Там, в зарослях укромных,
Вдали от всех нескромных,
Возьми, о чем просил.

КАК МОЛИЛАСЬ ДЕВУШКА И КАК ИСПОЛНИЛИСЬ ЕЕ ЖЕЛАНИЯ

В средине ночи, ставши на колена,
Молила бога девушка смиренно:
— Не ты ли создал, боже,
Супружеское ложе
Для мужа и жены?

Хоть заповедь твою не соблюли мы
И от греха укрыться не могли мы, —
Все, что должно случиться,
Пусть завтра совершится
По слову твоему.

Коль нам сойтись сама судьба велела,
Молю тебя, не порти это дело
И с твоего согласья
Позволь вкусить нам счастья
И радостей любви.

Но коль тебе любовь противна падших,
И страх и стыд в сердцах посей ты наших
И в деле беззаконном
Не помогай влюбленным,
Да минет нас оно!

Настало утро. В страсти торопливой
Проснулся рано юноша счастливый.
Своих овец погнал он,
И к деве постучал он:
— Пора уже, вставай!

И лишь на луг пришли они с отарой
И обняли друг друга под чинарой,
В кустах над ними бойко
Насмешливая сойка
Вскричала что есть сил.

И так их эта сойка напугала,
Что все у них желание пропало.
Дрожа от перепуга,
Мгновенно друг от друга
Отпрянули они.

В дубраве к ним вернулось вожделенье,
Пристроились они без промедленья,
Но кто-то рядом с ними
Растеньями сухими,
Шагая, прошуршал.

Подумали: «Идет прохожий мимо», —
А это дрозд в листве шуршал незримо.

С пастушкой чернобровой
Забился в куст терновый
Испуганный пастух.

Не посмотрел он под ноги и снова
Почуял пыл желанья молодого
И на колючки терна
Средь зарослей проворно
Пастушку повалил.

Бедняжка, не повинная нимало,
На терния стремительно упала —
И вскрикнула от боли,
И парня поневоле
Ногой толкнула прочь.

И покатился кубарем любовник,
И налетел с размаху на шиповник.
И, возвратясь к невесте,
Внезапно с нею вместе
От боли зарыдал.

На их беду сосед из деревушки
Рубил деревья рядом на опушке.
Их стоны услыхал он,
И мигом прибежал он:
— Вы что кричите тут?

Смущенные, не глядя друг на друга,
Стояли парень и его подруга.
Увидев в шрамах тело,
Сосед смекнул, в чем дело,
И начал их корить.

— Поступок ваш, — сказал он, — очень скверен.
Скрывать его я вовсе не намерен.
О вашем поведенье
Сегодня же в селенье
Я людям расскажу.

Я при родных спрошу: «Скажите, дети,
Как вас могли колючки ранить эти?
Зачем в кусты вас гнало?
Иль места было мало?
Извольте дать ответ!»

Пастух сказал: — К чему такое рвенье?
Я для тебя устрою угощенье;
Зарежу я барана
И лучшего чекана
Посуду подарю.

Я дам тебе серебряную чашу,
Чтоб не стыдил при всех ты юность нашу.
От нашего позора
Тебе лишь брань да ссора,
А пользы ни на грош.

Крестьянин тот родней им доводился,
На общем поле с ними он трудился,
В селенье был соседом
И часть зерна при этом
Исправно получал.

Родитель парня был его приятель,
И сам он дому был доброжелатель,
И потому умело
Уладить это дело
Решил он сам с собой.

Подумал он: «Посмотрим для порядку,
Неужто парень даст мне эту взятку?»
— Ну, если сдержишь слово,
Не сделаю худого, —
Он юноше сказал.

И парень заколол ему барана
И хлеба заготовил без обмана,
Кувшин вина немалый
Из отчего подвала
Поставил перед ним.

По глупости решился он на кражу —
И выкрал он серебряную чашу
И подарил соседу,
Чтоб тот за взятку эту
Попридержал язык.

Благословив счастливые колючки,
Сосед избавил юношу от взбучки,

— Все будет шито-крыто, —
Покушав с ним досыта,
Он обещал юнцу.

— Колючки эти тоже стоят денег,
Да освятит их заросли священник!
Они меня поили,
Они меня кормили
И чашу поднесли.

Ее, конечно, в городе продам я,
Сошью цветные чохи сыновьям я,
Куплю жене на платье:
Немало должен взять я
Абазов за нее!

Забрав баранью шкуру для припаса,
Он сгреб в нее несваренное мясо,
И все, что там стояло,
В карманы как попало
Мгновенно рассовал.

Сказал юнцу он: — Славный твой родитель
Пусть посетит теперь мою обитель.
Из этого кувшина
Ему я буду вина
За пиром наливать.

И, взяв кувшин, сосед поднялся с места,
Но взвыли парень и его невеста:
— Коль нас ты не морочишь
И предавать не хочешь,
Зачем кувшин берешь?

Зачем, смеясь над нашими слезами,
Ты терн колючий славишь перед нами?
Ведь мы тебя кормили
И чашу подарили
Затем, чтоб ты молчал!

Но если ты опять нам угрожаешь
И на шипы нас заново сажаешь,
Отдай обратно нашу
Серебряную чашу! —
И бросились к нему.

И завязалась между ними драка,
И был наказан юный забияка:
С дубинкой наготове
Сосед ему до крови
Всю голову разбил.

Юнец помчался жаловаться. Следом
Поплелся гость, насыщенный обедом.
Забыв свою расправу,
Он выспался на славу,
Но утром помрачнел.

Жена спросила: — Что с тобой случилось?
О чем грустишь, скажи мне, сделай милость! —
Ответил муж: — Сегодня
По милости господней
Я видел дивный сон.

Приснилось мне, что мать с отцом в могиле
О нас с тобой, горюя, говорили:
«Сынок с своей женою
Терзали нас порою
По скупости своей.

Они под старость нас не опекали,
Кусочком хлеба часто попрекали...»
Жена, они из гроба
Взывали к Смерти оба,
Чтоб наказала нас!

И Смерть сказала: «За провинность эту
Сперва невестку призову к ответу,
Потом тебя, злодея:
Как смел ты, дурень, с нею
Родителей не чтить?»

И стал молить родителей я слезно
И обещал, пока еще не поздно,
Послать им угощенье, —
И отчее прощенье
С трудом я получил.

Коль за три дня не справим мы поминок,
Велит нам выйти Смерть на поединок.

С косой в своей деснице
Она, подобно жнице,
На наш нагрянет дом.

Сперва с тебя она ответа спросит,
Коль ты смолчишь — так замертво подкосит,
А я — другое дело:
Грехи свалю я смело
На голову твою.

Жена сказала: — За оплошность эту
Ты, верно, хочешь сжить меня со свету!
У нас стада скотины,
Вином полны кувшины,
В амбаре тьма муки.

Неужто не имеешь ты желанья
Родителям устроить поминанье?
Я хлеб сажаю в печку,
Коли скорей овечку,
Открой кувшин с вином.

Не трать, несчастный, время по-пустому,
Не допускай проклятой Смерти к дому[
Коль хлеба будет мало,
Скажи мне, чтоб я знала, —
Я выпеку еще.

Ответил муж: — Не много испекла ты,
Пеки еще, ведь мы с тобой богаты, —
Жена в ответ ни слова,
Пошла и стала снова
У печки хлопотать.

И бурдюки вином своим заране
Наполнил муж, открыв кувшин в марани,
Откормленную телку
Зарезал втихомолку
И двадцать штук ягнят.

Замолкли куры, гуси замолчали —
Хозяин их зарезал без печали,
И ладан он, и свечи,
И туши все овечьи
В большую лодку снес.

Сказал попам он: — Будьте на погосте,
Служите службу, как приедут гости. —
И верную служанку
Он в лодке спозаранку
С припасами послал.

Поблизости от тех кустов зеленых,
Где он застал израненных влюбленных,
В ограде церкви старой
Под ветхою чинарой
Лежал его отец.

Позвав туда соседей и соседок,
Родным юнца сказал он напоследок:
— Ладья для вас готова,
Прошу вас, дайте слово
Пожаловать ко мне.

Но родственники начали ругаться:
— Пусть псы на тех поминках веселятся!
Зачем украл ты нашу
Серебряную чашу,
Барана и вино?

Наш сын с невестой взять ее хотели,
Но ты избил на прошлой их неделе.
Пьянчуга бестолковый,
Ты палкою терновой
До крови их побил!

Мы не снесем такое оскорбленье,
Мы на тебя напишем донесенье,
Изволь сидеть на месте,
Затем, что с нами вместе
Тебя потащат в суд!

Сосед на это не сказал ни слова,
Не стал в ответ перечить бестолково,
Напрасно не ругался
И только ухмылялся
На выдумки юнца.

Сказал отцу он: — Сжалься, ради бога,
Я сам себя судить намерен строго.

Не предавайся гневу,
Но юношу и деву
Ты снова расспроси.

Я сам тебе в грехе моем признаюсь,
Скажу, в какой беде я обретаюсь
И по какой причине
Я вынужден был ныне
Пойти на воровство.

Я был в отлучке из своей округи,
Вернувшись, дома не застал супруги,
Усталый и голодный,
Я в комнате холодной
Обеда не нашел.

В твоем же доме было мне привычно
И пить, и есть, и утварь брать обычно,
Когда нужда бывала
И кубков не хватало
За пиром у меня.

Пришел к тебе я. Твой отец в постели
Лежал больной, как болен он доселе.
Он крепко спал, и, кроме
Него, во всем я доме
Не встретил никого.

Припомнил я былую дружбу нашу,
Три хлеба взял, серебряную чашу.
Будить отца не стал я,
Кувшин с вином достал я
И все сложил в арбу.

Поехал на волах я за дровами,
И ел твой хлеб, и пил вино глотками,
И выпил с половину,
Пока меня в долину
Не вывезли волы.

И охмелел немного от вина я,
И стал скучать, о мясе вспоминая.
От долгого сиденья,
Невольного говенья
Совсем я ослабел.

Твой сын там пас отару. — Дай нам, боже,
Чтоб вырос ты и стал мужчиной тоже! —
    Сказал ему тогда я
    И мяса, голодая,
    У парня попросил.

Он указал мне на пустой мешочек:
— Возьми, коль там остался хоть кусочек.
    — Тогда барана надо
    Зарезать нам из стада, —
    Сказал на это я.

Мы часть его зажарим на жаркое.
Возьмем с собой в селенье остальное.
    — Ну нет, я не решаюсь,
    Отца я опасаюсь, —
    Ответил парень мне.

Я возражать не стал ему, трусишке,
И стал рубить деревья на дровишки.
    И тут в тени платана
    На тучного барана
    Наткнулся невзначай.

Подкрался я к нему без промедленья
И заколол его в одно мгновенье.
    Когда сдирал я шкуру,
    Воронья стая сдуру
    Кружила надо мной.

Поджарив мясо, на свою пирушку
Позвал я парня и его подружку:
    — Овец на время бросьте,
    Прошу к себе вас в гости
    Отведать шашлыка.

И удивился сын твой несказанно:
— Откуда взял ты этого барана? —
    Скрывать свой грех не стал я:
    — У вас его украл я,
    Чтоб голод утолить.

Твой сын вскричал: — Да что ты, шутишь, что ли?
Была б нужда, мы сами б закололи! —

И встал он перед нами,
Взывая со слезами:
— Что я скажу отцу?

— Не беспокойся за своих овечек,
Перед отцом я буду сам ответчик, —
Утешил пастуха я.
И начал он, вздыхая,
Со мною пить и есть.

Напившись пьян, схватил он в руки чашу:
— Я вижу, ты семью ограбил нашу!
Такого вероломства,
Не глядя на знакомство,
Тебе мы не простим!

Сказал я: — Братец, все, что взято мною,
Открыто здесь лежит перед тобою,
А будь я вправду вором,
Держал бы под запором
Все то, что я украл.

Но юноша схватил большую палку
И, осерчав, со мной затеял свалку.
Увидев, как он злится,
Я тоже стал сердиться
И не сдержал себя.

Обратно отнял чашу у юнца я,
И отдубасил палкой молодца я
На помощь забияке,
Не будучи во браке,
Пришла его жена.

Терновой веткой я ее по заду
Ударил, чтобы выместить досаду,
— Покуда ты девица,
Должна бы постыдиться
В чужую драку лезть!

Родным отцом тебя я почитаю
И потому столь смело поступаю.
Барана ж, без сомненья,
Я взял без дозволенья
Напрасно у тебя.

Перед тобой я грешен был и прежде,
Но ты прощал мне, глупому невежде.
    Молю тебя, не сетуй
    И ради драки этой
    Не порывай со мной.

Коль юноше нанес я оскорбленье,
Он от меня услышит извиненье,
    А деньги за барана
    Отдам я без обмана,
    И чашу, и вино.

Теперь же я прошу тебя: поедем!
Зачем напрасно ссориться соседям?
    Ведь я с тобой в разлуке
    В слезах ломаю руки.
    Не огорчай меня!

Отец сказал: — Не надо торопиться.
Назавтра это дело разъяснится.
    Про все событья эти
    Пускай расскажут дети, —
    Узнаем, в чем там суть.

Коль правду ты рассказываешь, значит,
Меня они, негодные, дурачат.
    Не прав был сын, коль скоро
    Из-за такого вздора
    Затеял драку он.

Будь целый бык на пастбище заколот,
Когда тебя в дороге мучил голод, —
    Я б не сказал ни слова.
    Так мог ли я простого
    Барана пожалеть?

Я вижу, мне неправду говорили
И вкривь и вкось все дело извратили.
    Все эти небылицы
    Я парню и девице
    Вовеки не прощу!

Пускай они поплатятся особо:
Побью их так, что будут помнить оба.

Как эти пустомели
С тобою драться смели
И вором называть?!

Сосед на это низко поклонился:
— Перед тобой во всем я повинился.
Коль ты простил мне кражу,
Я прочее улажу.
Вставай, идем со мной.

Коль за меня побьешь детей напрасно,
Печалиться я буду ежечасно.
Они еще ребята
И нас не могут свято,
Как должно, почитать.

Но к юноше я злобы не питаю
И попусту его не упрекаю.
Хватил я лишку, старый,
И перед этой парой
Весьма виновен я.

Поговори ты с ними без дубинки,
Вели им собираться на поминки.
Родителей невесты
Найдешь, приехав в лес, ты:
Они приедут тож.

Прошу тебя прибыть со всей роднею,
Не запоздай, чтоб выехать со мною.
Попы готовы в храме.
И дело лишь за нами,
Чтоб службу начинать.

Тогда отец оставил возраженья,
Решил он посетить богослуженье.
Со всей семьею следом
Поплыл он за соседом
На лодках и плотах.

Приехав в лес, сошли на берег гости.
Попы давно их ждали на погосте.
Готовясь к этой службе,
Сосед попу по дружбе
Свой замысел открыл.

Он рассказал, как в зарослях из терна
Влюбленные вели себя зазорно.
Шепчась, обиняками
Попу открыл он в храме,
Что там произошло.

— Не говори об этом ты приходу,
Ни родичам, ни прочему народу.
Один лишь знай об этом
И, по святым заветам,
Влюбленным помоги.

Родитель парня дом ведет исправно,
Но схоронил он матушку недавно.
Отец его доселе
Лежит больной в постеле,
И скоро он умрет.

Однако я готов помочь влюбленным,
Соединить союзом их законным.
По этой я причине
Несу расходы ныне
И заплачу тебе.

Мой замысел отнюдь не выдавая,
Ты, на господню милость уповая,
В конце богослуженья
Святое наставленье
Родителям прочти.

Они придут сюда со всей роднею
И выстроятся в храме пред тобою.
И парень и подруга,
Влюбленные друг в друга,
С родными будут здесь.

Спроси ты у родителей: «Доколе
Им свадьбы ждать согласно вашей воле?»
Родные все расскажут
И на закон укажут:
«Не время их венчать».

А ты скажи: «Коль может дед скончаться,
Немедленно им нужно обвенчаться,

На всем рука господня!
А потому сегодня
Я обвенчаю их».

Ответил поп: — Твой замысел прекрасен,
И обвенчать влюбленных я согласен,
Но нужно это дело
Разумно и умело
Устроить нам с тобой.

Хотел бы я сперва свести их к месту,
Где терн поранил юную невесту, —
Там глупых опрошу я,
Грехи им разрешу я
И проповедь прочту.

Сосед сказал: — Пошлю юнца к тебе я,
Пускай он сам расскажет, не робея,
Про все свои терзанья,
И дай ты обещанье
В беде ему помочь.

И сообщил он парню под секретом:
— Желает поп помочь тебе советом. —
И юноша влюбленный,
Тайком оповещенный,
Отправился к попу.

И поп сказал: — Чтоб мог ты спать с женою,
Я свадьбу вам сегодня же устрою. —
Склонившись на ступени,
Поповские колени
Облобызал жених.

— Но как мы это выполним решенье,
Коль нет на то от старших дозволенья?
Никто у нас в усадьбе
Не думает о свадьбе, —
Венчаться нам нельзя.

Сказал священник: — По молитвослову
Я разъясню им заповедь Христову,
Родные согласятся,
Но ты изволь держаться
При этом в стороне.

Не говори об этом никому ты,
Держи уста до времени замкнуты
И лишь одной невесте
Шепни в укромном месте
Словечко или два.

Теперь иди с подружкою своею
Туда, где терн тебя поранил с нею,
И я за вами следом
С известным вам соседом
В те заросли приду.

Хочу я там над вами помолиться,
Узнать, согласна ль жить с тобой девица,
А после в божьем храме,
Чтоб кончить дело с вами,
Возьмусь я за родных.

Жених с невестой так и поступили
И в заросли украдкой поспешили,
И к месту преступленья
Привел без промедленья
Священника сосед.

— Благосло-о-вен... — воззвал служитель божий.
Крестьянин засмеялся над святошей.
Но цыкнул поп сурово:
— Что я сказал смешного?
Чему смеешься ты?

— Ах, батюшка, — ответствовал крестьянин, —
Ведь для молитвы выбор места странен:
Ведь в этом самом месте
Они валялись вместе,
А ты поклоны бьешь!

Окончив кое-как богослуженье,
Поп отпустил влюбленным прегрешенья:
— Теперь идите с миром.
Сегодня вместе с клиром
Улажу дело я.

Почуяв, что судьба благоприятна,
Жених с невестой кинулись обратно.

Священник же с соседом
Пошли за ними следом,
Не слишком торопясь.

И юноша сказал своей пастушке:
— Нас обвенчал священник на опушке.
От церкви далеко мы,
Залезем в стог соломы,
Доколе службы ждать?!

Сказала дева: — Обалдел ты, что ли?
Зачем твердишь ты: «Службы ждать доколе?»
Неужто в самом деле
Не понял ты доселе,
О чем молился поп?

Ведь он простил нам грешное деянье,
А ты твердишь, что это есть венчанье! —
Но, не поняв ни слова,
Повлек пастушку снова
В кусты ее жених.

Тут, изловчившись, девушка рванулась
И вся в слезах к священнику вернулась,
В тревоге и волненье
Упала на колени
И молвила ему:

— Что ж это будет, господи помилуй!
Опять в кусты меня он тащит силой!
Внимать он мне не хочет
И лишь одно бормочет,
Что нас ты обвенчал.

И поп, смеясь, ответил ей: — Девица,
К чему стремитесь — то осуществится.
Не бойся, недотрога,
Осталось ждать немного,
Иди назад к нему.

Вернувшись в храм, ударил поп к обедне,
И прихожан из рощицы соседней
Загнал он в церковь, чтобы
Не бегали в трущобы,
Не шлялись по двору.

Свою обедню быстро отслужил он,
И к проповеди важно приступил он,
    Начав обиняками,
    Искусными словами
    Допрашивать родных:

— Когда случайно в местности бесплодной
Найти овцу сумеет волк голодный,
    Он может ли сдержаться,
    Чтоб мяса не нажраться? —
    Родня сказала: — Нет!

— А если мы в костер бросаем сено,
Скажите мне, ужель оно мгновенно
    В огне не загорится
    И в прах не превратится?
    — Сгорит! — сказал народ.

— Но если вы все это сознаете,
Зачем закон господний не блюдете?
    Зачем девиц пугливых
    От юношей ретивых
    Не отделите вы?

Когда они в горах за стадом бродят,
Кто знает, что им в голову приходит?
    Упрямые не в меру,
    Бесчестите вы веру,
    Не думая о том.

Коль юноши и девушки созрели,
Зачем вы их не жените доселе?
    Вы сами в том виновны,
    Что мысли их греховны,
    На вас он, этот грех!

Неужто вы дидойцы или кисты,
Язычники, чьи помыслы нечисты?
    Бесстыдные гуляки,
    Не думая о браке,
    Живете вы в грехе.

Родитель парня возразил несмело:
— Подобное у нас случилось дело,

Но мы в глубоком горе,
И справить свадьбу вскоре
Не можем мы никак.

Скончалась мать, отец смертельно болен,
И я в своих намереньях не волен;
Оставил я надежды,
И все мои одежды
Мокры от горьких слез.

Я голову в отчаянье теряю,
Живу в беде и радости не знаю.
Вот почему доселе
Мы свадьбу не успели
Устроить молодым.

Ответил поп: — Дойдет черед до свадьбы,
А вот с венчаньем нам не запоздать бы!
Сегодня в этом храме,
Как убедитесь сами,
Я обвенчаю их.

Ваш родственник о свадьбе похлопочет,
Он замолить грехи пред вами хочет.
Пошел он на затрату,
И свадебную плату
Берет он на себя.

Сказал отец: — Невиданное дело!
Как это неожиданно приспело!
Но как же свадьбу эту
По твоему совету
Немедля нам сыграть?

Ведь наш сосед собрал нас на поминки,
Где все, что есть, прикончат до крупинки.
Не в силах мы с супругой
Предложенной услугой
Воспользоваться здесь.

Сосед сказал: — Ты дай нам обещанье,
Что не расстроишь свадьбы и венчанья,
Поминки же, не скрою,
Устроим мы с женою
Когда-нибудь потом.

Уговорили старого крестьяне,
Благословил он сына на венчанье.
Когда был сын обвенчан,
Толпа мужчин и женщин
На свадьбу собралась.

И тут жена соседа разрыдалась.
Дивились люди: что с бедняжкой сталось?
Подумал поп: «Наверно,
Ударил благоверный»,—
И стал его корить.

Сосед поклялся: — Что ты, благодетель!
Ее не бил я, весь народ свидетель!
Спроси кого угодно —
Все знают превосходно,
Что я не бил ее.

Сказал священник: — Если так, то, значит,
Не от побоев здесь мамаша плачет.
Ты знаешь все, конечно,—
Скажи чистосердечно,
О чем она ревет?

Ответил муж: — Ты сам спроси сначала,
Зачем она внезапно зарыдала.
О чем она там хнычет
И в грудь руками тычет,
Мне, право, невдомек.

И поп сказал: — Дивлюсь я, воля ваша!
О чем ты беспокоишься, мамаша? —
А та ему: — Во храме
Своими ты руками
Зарезал нас, отец!

Воскликнул поп: — Ответь же мне толково,
Что я там сделал страшного такого?
Какая вам досада
От брачного обряда,
Понять я не могу.

— А кто расстроил нам поминки эти?
Ведь с мужем мне не жить теперь на свете!

Ему недаром снилось,
Что Смерть прийти сулилась
И погубить меня.

— Все это вздор, — ответил ей священник, —
Наплел тебе с три короба мошенник.
Чтоб ты не захотела
Ему испортить дела,
Тебя он обманул.

Но сотворил он доброе сегодня,
За это милость ждет его господня.
Отец его покойный,
Старик весьма достойный,
Одобрил бы его.

Ведь он, не поскупившись на затрату,
Помог в беде любимому собрату,
А ты вопишь, дуреха,
Что поступил он плохо!
Нельзя, мамаша, так.

Очнись, пойдем, пора развеселиться,
Испить винца и мясом подкрепиться.
Чтоб ты не помешала,
Наплел твой муж немало,
Неправду он сказал.

И муженек жене признался: — Лела,
Ведь ты могла испортить это дело,
Ты пожалела б денег
И, как сказал священник,
Испортила бы все.

Уж я тебя, моя голубка, знаю
И потому так скрытно поступаю.
Молчать ты не умеешь,
В делах не разумеешь,
Все ходишь да звонишь.

Не надо плакать! Встань, идем со мною,
Умой лицо холодною водою.
Давно нас ждут миряне —
Соседние крестьяне,
Чтоб вместе сесть за стол.

Заставил он жену угомониться,
Пойти к ручью и наскоро умыться.
Но с саблей обнаженной
Макари, дружка конный,
Пред нею вдруг предстал.

— Ох, Смерть идет! — жена заголосила. —
Пропала я! Близка моя могила!
Ужели так ослабли
Глаза твои, что сабли
Не видишь, муженек?

И кинулась бежать она, рыдая.
А муж вослед ей: — Дурища слепая!
С ума сошла ты, что ли,
Коль Смерть не можешь боле
От дружки отличить?

Погнался он вослед за благоверной,
Но не настиг супруги суеверной.
Послал за нею тещу,
И та беглянку в рощу
Вернула, поругав.

В тени деревьев на большой поляне
Сидели, свадьбу празднуя, крестьяне,
И кубки там стучали,
И песни там звучали,
Чтоб не скучал отец.

В стихах там состязались, как умели,
Играли там на чанги и свирели,
Плясали там самайю,
И было, полагаю,
Там сотни три гостей.

Когда с невесты сняли покрывало,
Ей дали кубок, стоящий немало,
И был за тем обедом
Подарен ей соседом
Баран-золоторог.

И удалился в заросли крестьянин,
Где был шипами юноша изранен,

И в месте этом злачном
Постель он новобрачным
Постлал, скосив траву.

И, выполнив все правила законов,
Он ночью свел туда молодоженов,
И мдади и макари
При этой юной паре
Остались сторожить,

И понесла с той ночи молодица,
И срок пришел наследнику родиться.
Родился в этот день я,
И Кацвией с рожденья
Нарек меня отец.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕВУШКИ ОТ ПАСТУХА; ПЕЧАЛЬ И ПЛАЧ ЕГО В РАЗЛУКЕ С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Сказал пастух: — Коль человек согласен
Пойти на взятку, нам он не опасен.
За серебро и злато
Он тайну нашу свято
Схоронит от людей.

Но тот, кому не нужно угощенья,
Ни серебра, ни прочего и м е н ь я , —
Молчать не согласится.
Как от него добиться,
Чтоб он не выдал нас?

— Но кто же э т о , — девушка с п р о с и л а , —
Кого б еда с питьем не соблазнила?
Кто он такой, смиренник,
Что не возьмет и денег? —
Пастух ответил: — Бог!

Страшусь я бога. Отрок непорочный,
Привык бежать я страсти неурочной.
И рад был я, девица,
Любовью насладиться,
Да бога я боюсь.

Иди туда, где ждут тебя подруги,
Будь им сестрой, пока мы не супруги.
    Ведь найденное вместе
    Обязаны по чести
    Вы, девы, разделить.

Коль я тебе по жребию достанусь,
С тобою я вовеки не расстанусь.
    Как муж с своей женою,
    Возлягу я с тобою,
    Обвенчанный попом.

Понравилось пастушке это слово:
В нем не было намеренья дурного.
    И кончилось свиданье,
    И деву на прощанье
    Поцеловал пастух.

Она ушла, и вдруг завечерело,
И солнышко на небе догорело,
    Но девушка к подругам
    Вечерним сонным лугом
    Спешила, торопясь...

И юноша воскликнул со слезами:
— Что я наделал глупыми словами!
    Зачем, утратив разум,
    Покончил с девой разом?
    В своем ли я уме?

Каким я оказался дуралеем,
Что милым воспротивился затеям!
    Зачем я так поспешно,
    Сурово и небрежно
    С красоткой поступил!

Зачем судьбу, ниспосланную богом,
Я оттолкнул в невежестве убогом?
    Господня эта милость
    Сама ко мне явилась,
    А я ее отверг!

Со мною было девушке приятно,
А я сказал ей: «Уходи обратно!»

Одну в глухой долине
Возлюбленную ныне
Оставил я, глупец!

В убежище загнав овечье стадо,
Вослед за ней идти мне было б надо.
Зачем я торопился
И с милой разлучился
По глупости своей?

Ленив я оказался и порочен,
Возлюбленной моей не озабочен.
За то, что одиноко
Скорбит она глубоко,
Еще раскаюсь я!

Бог не простит мне грешное деянье,
Возлюбленной пошлет он испытанье
За то, что грешен был я,
За то, что погубил я
Ее, мою любовь!

Служил я плоти, леностью объятый,
А за душой не следовал, проклятый.
Погряз я в этой скверне,
И пламени теперь мне,
Увы, не миновать!

О, горе мне, забывшему о боге,
Коль ночь ее застигнет по дороге!
Коль прянет тать полночный
За девой непорочной,
Кто деву защитит?

О, горе мне, коль где-нибудь во мраке
Она, упав, очутится в овраге!
Никто из ямы этой
До самого рассвета
Не вытащит ее.

О, горе, коль по жребию слепому
Ты, милая, достанешься другому,
Коль буду одинок я —
Затем, что не помог я
Тебе, моя любовь!

Коль попадешь ты в руки человека,
Который сердцем холоден от века,
Коль будет он, постылый,
Душой навек остылый,
Всю жизнь тебя терзать!

Я голову с молитвой преклоняю,
Я господа прошу и умоляю:
«О боже, будь покровом,
В пути ее суровом
Не покидай ее!

Чтоб не забыла милого девица,
Позволь мне с нею вновь соединиться,
Назвать своей женою
С открытою душою,
С сияющим лицом!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕВУШКИ К ПОДРУГАМ; ПАСТУШКИ ДЕЛЯТ ПО ЖРЕБИЮ СВОИ НАХОДКИ

А девушка, спеша вечерним лугом,
Вернулась к перепуганным подругам.
Подружки горевали,
Искали, окликали
По имени ее.

Едва она явилась на полянку,
Они тотчас заметили беглянку.
Утешились пастушки:
Друг друга три подружки
Любили с давних пор.

И стали девы спрашивать: — Скажи нам,
Зачем ушла скитаться по долинам? —
Она в ответ сказала:
— Цветы я собирала,
Искала розы я.

И как ей звук послышался свирели,
И о каком пастух поведал деле,

И все, что с ней случилось,
И как назад явилась, —
Открыла дева им.

— Мы думали, — сказали ей девицы, —
Что ты в когтях погибла у волчицы.
В тревоге и печали
По чаще мы блуждали
И кликали тебя.

Покуда мы брели, неутомимы,
Хорошенького ослика нашли мы.
Метать мы жребий будем,
По жребию рассудим,
Кому и чем владеть.

На следующий день перед рассветом,
Всяк со своим для жребия предметом,
Они пошли, как прежде,
Пасти овец, в надежде
Находку получить.

Пастушью палку в землю вколотили,
Покрыли шапкой, в чоху нарядили
И, чтобы стало ясно,
Сказали громогласно:
— Вот Кацвия-пастух!

Потом, надев на ослика уздечку,
Осленка привязали к человечку,
И встали на дороге,
И жребии в тревоге
Сложили на пути.

Одна из двух, искавшая беглянку,
Для жребия румян имела банку;
Смазливая девчонка,
Нашедшая осленка,
Дала веретено.

А та, что полюбила втихомолку,
Имела только нитки да иголку.
Она взмолилась: — Боже,
Пусть я грешна, но все же
Отдай мне пастуха!

Хоть пред тобой ничтожна и мала я,
Но не хочу, о господи, осла я.
Пусть ослик тот сегодня
По милости господней
Достанется другой.

Готова я твою исполнить волю,
Лишь выпал бы мне суженый на долю.
Не ввергни нас в горнило
За то, что полюбила
Его всем сердцем я!

Где б ни был он, мой Кацвия любимый,
Пускай живет, рукой твоей хранимый!
От горя и заботы,
Молю, избавь его ты
И сохрани от бед!

Пока она взывала к силе божьей,
Издалека приблизился прохожий,
Пастушки на дороге
Ему упали в ноги
И рассказали все.

Понравились прохожему красотки.
— Какие же вы делите находки? —
Пастушки указали
На палку и сказали:
— Вот Кацвия-пастух!

А это ослик к пастуху привязан,
Любой из них достаться нам обязан.
Как видишь, в это лето
Нашли мы два предмета,
И оба налицо.

Сказал прохожий: — Вот вам три лучинки,
Отметьте их себе посерединке,
Мне в шапку положите,
Глаза мне завяжите, —
Я выну жребий вам.

Ответили прохожему девицы:
— Мы принесли с собою по вещице, —

С открытыми глазами
Меж этими вещами
Находки подели.

Тогда бумаги вынул он листочек
И каждой деве оторвал кусочек;
— Бумажки эти вещи,
Потрите их о вещи
И принесите мне.

Останется на каждой отпечаток,
Он будет убедителен и краток,
В бумажки погляжу я,
И каждой расскажу я,
Что ей дала судьба.

Пока читаю, вы не прерывайте,
А после как хотите поступайте! —
Потерли три девицы
Бумажки о вещицы
И подали ему.

Прохожий их собрал в своем подоле
И объявил, не размышляя боле:
— Внимайте мне, пастушки,
Но помните: друг дружке
Завидовать нельзя.

Пусть девушка, принесшая румяна,
Себе супруга ищет неустанно,
А не доставшись мужу,
Пускай спасает душу,
Уходит в монастырь.

Веретено принесшая девица
Пускай верхом на ослика садится.
Вот надпись на бумажке:
«Отдайте ей, бедняжке,
Бездомного осла».

А та, что помолилась втихомолку
И положила нитки да иголку,
Пусть Кацвией владеет
И нарушать не смеет
Супружеский обет.

Смотрите, как все это получилось,
Чего по праву каждая добилась!
И парень и подруга
Опять нашли друг друга
Без помощи людей!

ПАСТУХ КАЦВИЯ ПРОСИТ У ОТЦА БЛАГОСЛОВЕНИЯ НА БРАК; ОТЕЦ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ЕГО

Когда услышал Кацвия известье,
Что он достался девушке-невесте,
Забыл свои он муки.
И, воздымая руки,
Прославил он творца.

К родителям пришел он со словами:
— Вот я возрос, сынок, любимый вами.
Коль счастья мне хотите,
Прошу, благословите:
Пора жениться мне.

Отец сказал: — Задумал ты не дело,
Еще для свадьбы время не приспело.
Еще не возмужал ты
И женихом не стал ты:
Тебе лишь двадцать лет.

Ответил сын: — Позволь сказать мне слово,
Но только не казни меня сурово.
Будь истине послушен,
Правдив, не криводушен,
Суди не наобум.

Ужель ты сам, колючками исколот,
Когда-то не был столь же с виду молод?
Веселую попойку,
Дрозда, шипы и сойку
Неужто ты забыл?

В шестнадцать лет в лесу, в укромном месте
Припомни-ка, зачем ты лез к невесте?

Зачем упасть заставил
И зад ей окровавил
Колючками шипов?

Не захотел ты внять ее моленьям,
Охваченный любовным нетерпеньем,
Не мог ты воздержаться, —
Так где же сил набраться
Мне, парню в двадцать лет?

Ты не сердись, — закончил он с поклоном, —
Не огорчайся сыном несмышленым.
Ведь я сказал без злобы,
Шутя с тобою, чтобы
Припомнил юность ты.

Отец сказал: — За это указанье
Не заслужил ты, сын мой, наказанья.
Поистине не сплетни,
Не выдумка, не бредни
Все то, что ты сказал.

Противиться тебе я не желаю
И с радостью на брак благословляю.
Открой глаза пошире,
Живи с родными в мире,
Ищи себе жену.

Не выбирай лишь пьющей да сварливой,
Завистливой, бесстыдной, нерадивой;
Родных она осудит,
С тобой ругаться будет,
Копье вонзит в тебя.

Не важно ей, богат ты или беден,
Лишь был бы шелк на платье ей заведен.
А нет, так придерется,
На мужа замахнется,
Ударит по лицу.

Воспользовавшись слабостью твоею,
Усядется тебе она на шею,
И ты по воле бабы
Начнешь через ухабы
Как бешеный скакать.

А коль жена получит власть над мужем,
Завязнет муж, скача по топким лужам.
Ни щеткой, ни скребницей,
Ни мылом, ни водицей
С него не смоешь грязь.

Однако и красавица девица
Не всякий раз в супруги нам годится:
Немало всяких ловчих,
До женщины охочих,
Преследует ее.

И коль она окажется распутна,
Сберечь ее от ловчих будет трудно.
Пронырливого вора
Заметит страж нескоро:
Вор знает, где искать.

Подумай сам, какой тут страж поможет,
Когда он вечно бодрствовать не может?
Едва сомкнет он очи,
Жену проворный ловчий
В свою захватит сеть.

Жена, что мужа любит постоянно,
Сама себе есть лучшая охрана.
Зачем ей отлучаться
И вору доверяться
По прихоти своей?

Но если нет у женщины желанья
Сберечь себя — напрасны все старанья!
Ничто не помогает,
Когда она желает
Сама себя украсть.

Распутница всегда полна соблазна
И для мужчин поистине опасна:
Уйдет, изменит мужу,
Убьет, погубит душу,
Хозяйство разорит.

Ведь коль захочет юная блудница —
Сам патриарх, пожалуй, соблазнится

И, по ее примеру,
Свою забудет веру
И господа предаст.

Тебе, мой сын, нужна жена такая,
Которая бы, мужа привлекая,
Грехов чуждалась этих
И думала о детях.
Запомни это, сын.

Коль хочешь с ней всю жизнь прожить счастливо,
Не отвергай за то, что некрасива, —
Была бы только верной,
Супругою примерной,
Имела добрый нрав.

С тобой она не будет вероломна,
В твоем саду трудиться будет скромно,
Не выдаст, не обманет,
Беречь и множить станет
Имущество твое.

Стеречь очаг начнет она прилежно.
И, коль ее любить ты будешь нежно,
Она воздаст сторицей
И никуда стремиться
Не будет от тебя.

Любя друг друга сердцем и душою,
Вы предадитесь сладкому покою.
Постель она устроит,
Тепло тебя укроет,
Уложит мирно спать.

Отнять ее никто не сможет силой,
Украсть тайком никто не сможет милой.
Ни горя, ни волнений,
Ни тяжких подозрений,
Не испытаешь ты.

Коль человек не может спать спокойно,
Его несчастье жалости достойно.
Печальный, раздраженный,
В тревогу погруженный,
Встречает утро он.

Он сам себя своей печалью душит,
Он сам себя своей тревогой сушит.
    Вздыхая то и дело,
    Свое он мучит тело,
    Торопит свой конец.

Подверженный душевному увечью,
Летит, как ветер, смерти он навстречу,
    Покоя не имеет,
    Слабеет и хиреет,
    Становится больным.

Печаль и горе старят раньше срока,
Когда душа уязвлена глубоко.
    Они нас убивают,
    Они не позволяют
    До старости дожить.

Когда в грозу ударит град на поле,
Погибнет злак и встать не сможет боле.
    Коль человек в могиле,
    Помочь никто не в силе:
    Уже не встанет он.

Тот, кто женой-красавицей владеет,
Поистине покоя не имеет:
    И дома и в дороге —
    Повсюду он в тревоге
    По милости жены.

Он думает: «А вдруг моя пеструшка
Шныряет всюду, словно потаскушка?
    Какая польза дому,
    Коль яица другому
    Уже несет она?»

Он думает: «А вдруг какой стервятник
С ее согласья залетит в курятник?
    Стервятнику утеха,
    Да мужу не до смеха, —
    Наплачусь я, бедняк!

К чему она, красивая собою,
Коль не живет в согласии со мною.

Коль мужа не жалеет,
Коль, глупая, болеет
Куриной слепотой?

Пусть лучше будет курица-чернавка:
При ней в хозяйстве что ни день прибавка.
Красой она, без спора,
Прельстить не сможет вора,
Ее не стащит вор.

Она кудахтать будет у порожка,
Снесет яичек полное лукошко,
И высидит цыпляток,
И вырастит ребяток, —
Чего ж еще желать?»

Но Кацвия, мечтая о пастушке,
Сказал отцу: — Ни крали, ни дурнушки
Я не ищу нимало.
Кого судьба послала,
На той я и женюсь.

Ее недавно встретил я в долине,
Меня она не видела доныне.
С венком скитаясь в поле,
Сама, по доброй воле,
Пришла ко мне она.

Букет цветов она мне протянула,
С улыбкою мне в очи заглянула:
«Вот все, что я имею!
Невестою твоею
Хочу я быть, пастух».

Но я не принял розы от пастушки,
Сказал: «Вернись туда, где ждут подружки!
С тобой я не расстанусь
Вовеки, коль достанусь
По жребию тебе».

И только жребий кинули девицы,
Достался я в супруги озорнице.

Судьба, как видно, знает,
Кого мне посылает.
Судьбы не миновать!

— Что есть судьба? — отец ответил сыну. —
Доверься миру лишь наполовину:
Обманет мир мгновенный,
Сразит тебя изменой,
Как сладко ни живешь.

Все образы изменчивого мира —
И нищенство, и царская порфира,
И отдых, и тревога —
Даются нам от бога,
Судьба тут ни при чем.

Тебя доселе бог не оставляет
Затем, что грех тебя не привлекает.
К тебе пришла девица
Любовью насладиться
И принесла цветы.

Но ты, ревнитель заповеди божьей,
Не впал во грех, хотя и был пригож ей.
За это воздержанье
Избавит от страданья
Тебя владыка наш.

И матушка твоя во время оно
Не преступила божьего закона:
Любя меня, однако
Возлечь со мной до брака
Сочла она грехом.

Кто заповеди держится господней,
Поистине не сгинет в преисподней.
Презрев земные беды,
Достигнет он победы,
Когда чиста душа!

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ ДАВИДА

ПЕСНЯ

На мотив русской песни
«Чувствую я скорби люты всякой минуты»

Мне любимая сказала, сердце надорвала:
— Не хочу я жить с тобою,
Дурен ты собою!

С соловьем, но не с вороной розе жить влюбленной! —
И, прогнав меня, дурного,
Вышла за другого.

Говорит: — Ты безобразен, некрасив и грязен.
Розой ты не наслаждался,
С бузиной связался.

Накричала, изругала, из дому прогнала.
Что я буду делать, жалкий,
Весь избитый палкой?

Потеряв свое жилище, я брожу, как нищий,
Как бродяга нелюдимый,
Выгнанный любимой.

Сердце в пламени сгорает, сердце унывает.
Тлея, горестно брожу я,
Горем исхожу я.

Оттого брожу в кручине, что забыт я ныне,
Что в огонь тоски жестокой
Брошен черноокой.

Почему я брошен милой, расскажу, унылый:
Жить не мог я, к сожаленью,
По ее веленью.

Часто мне в минуту гнева говорила дева:
— Берегись меня обидеть,
Буду ненавидеть.

Хочешь быть мне другом вечным, будь чистосердечным.
Не криви душой напрасно,
Если любишь страстно.

Мой завет храни, любя, ты, береги себя ты,
Хочешь быть со мной счастливым —
Будь всегда правдивым.

Чтобы я тебя любила, век не изменила,
Ты со мной не расставайся,
Мною утешайся!

То, что мне она велела, я не счел за дело.
То, что мне она сказала,
Исполнял я мало.

Потерял себе я цену за свою измену,
Просьб ее не исполнял я,
Непокорным стал я.

Я забыл ее, распутный, для любви минутной,
Согрешил пред ней в р а з л у к е , —
Поделом мне муки!

ПЕСНЯ

На мотив русской песни
«Полетіла зозуленька та й через дубину» [1]

Расскажу о том, как роза жизнь свою разбила:
Соловья забыв, ворону роза полюбила.
Соловей, узнав про это, улетел из сада,
Сел, горюя, на шиповник — там, где гор громада.
И тогда спросила роза: «Что стряслось с тобою?
Я ль была не ароматна, не красна собою?»
Соловей ответил: «Роза, хороша ты цветом,
Но, увы, была бесцветна для меня ты летом.
Пленено твоей красою, сердце обманулось.
Обнял я тебя с любовью, ты же отвернулась.
Отвернулась от лобзанья, горько стал рыдать я.

---

[1] Д. Гурамишвили называет русскими как русские, так и украинские песни. Данная песня украинская. (*Примеч. Н. З.*)

Ты ж другому отворила сладкие объятья.
Я любил тебя, и холил, и поил росою,
Ты ж подачкою прельстилась жалкой и дрянною.
Ты копьем безмерной скорби сердце мне пронзила,
Ты ничтожного урода, роза, полюбила.
Ты мое разбила сердце, поразив недугом.
Потому и я не в силах быть тебе супругом,
Потому и жить с тобою я не в силах доле, —
Оставайся с тем, кого ты полюбила боле.
Если ты не захотела жить в любви со мною,
Будь ничтожному уроду милою женою».
О презренный мир, лукавый, ты всему виновник:
Розу ты послал вороне, соловью — шиповник!

ПЕСНЯ

На мотив русской песни
«*Ах, сколько в летах цвела молодых!*»

Ах, сколько цветов расцветает весной!
Когда-то и я расцветал, молодой,
Надеялся жить я привольно и впредь;
О чем-то заботиться, чем-то владеть —
И слышать о том не хотел я!

С возлюбленной я наслаждался в саду.
Где розы качались у нас на виду,
Где свой аромат расточали цветы,
Где был я далек от людской суеты
И душу сгубить не боялся.

И так я старался на свете прожить,
Чтоб людям хотелось меня полюбить.
Веселья и радости полон всегда,
Я грусть и печаль развевал без труда
В саду, преисполненном неги.

Но осенью в гости явился мороз,
С собой листопад он и горе принес.
И мраком покрылось мое бытие,
Иссякло, пропало веселье мое,
Погиб урожай мой обильный.

Зима обрывает с деревьев листы,
Кончина стирает людские черты.
Не будь легкомыслен при жизни, мудрец,
Страшись загубить свою душу вконец,
Предавшись, как я, заблужденью!

О старость незрячая, горе тебе!
Лишь юность одна благодарна судьбе:
Где старец, сорвавшись с горы, упадет,
Там юноша по льду все выше идет, —
Путь юноши — старцу погибель.

ЗУБОВКА

На мотив русской песни
«Казак — душа правдивая»

Я из Зубовки однажды к дому возвращался
И с красоткой чернобровой в поле повстречался.
На лице ее прекрасном родинка чернела,
Красота ее внезапно сердцем овладела!

Я спросил ее: — О солнце, держишь путь куда ты?
Из какого ты селенья, из какой ты хаты?
Я узрел тебя, и сердце стало словно камень,
Окропи меня водою, жжет меня твой пламень!

Осерчав, она сказала: — Грех тебе, злодею!
Как просить ты смеешь, чтобы стала я твоею!
С соловьем любиться розе, не с тобой, вороной! —
Слыша это, я заплакал, в сердце уязвленный.

И она сказала снова: — Прочь, отстань, прошу я!
Не хочу тебя, другому здесь принадлежу я.
Мой супруг тебя красивей, мужественней с виду. —
Обезумел я, почуяв горькую обиду.

А она: — Ни слова больше! Отцепись, проклятый! —
И ударила, ругая, палкой суковатой.
Покачнулся и упал я, потеряв сознанье,
И она передо мною встала, как сиянье,

Пожалела, наклонилась и взяла за руку:
— И за что ты, неразумный, принимаешь муку? —
Я сказал: — Из-за тебя я разума лишился,
Не обласканный тобою, с жизнью распростился!

И красавица с улыбкой ласково сказала:
— Если нас с тобой увидят, худо бы не стало.
Встань, пойдем, пора вернуться каждому до дому,
Будешь здесь, так снова выйду я к тебе, дурному.

И ушла она, пропала, чудо черноброво,
Лишь оставила на память ласковое слово.
С той поры я, раб влюбленный, все гляжу на поле,
Лишь пришла бы, ничего я не желаю боле.

«Я приду», — она сказала. Полный ожиданья,
Не могу в тоске по милой я сдержать рыданья.
В час кончины одинокой не она, так кто же
Дверь в загробное селенье мне откроет, боже?

Послужить моей любимой жажду я, унылый.
Переполненное сердце вечно жаждет милой.
У нее в руках, я знаю, чтобы жил и впредь я,
Есть и хлеб существованья и вода бессмертья.

Дай мне, боже, только ею жить в годины эти!
Разве есть еще другая, лучшая, на свете?
За меня она, я знаю, вытерпела муки,
Вижу лик ее обмерший, связанные руки.

Где теперь ты, дорогая? Отзовись скорее!
Ты была мне в целом мире всех людей роднее.
Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

ПЛАЧ ДАВИДА О МГНОВЕННОМ МИРЕ

Плачу и рыдаю, сердцем унываю,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Плачу о себе я, о своей судьбе я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Дух мой отлетает, тело покидает,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Что же я томился, в мир зачем явился?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Был рожден я в горе, дом утратил вскоре,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Из родного дому отдан был другому,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Плакал я, голодный, в муке безысходной,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Нрав твой без труда я понял, голодая,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Лишь тебя достиг я, вмиг тебя постиг я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Были мне готовы сети и оковы,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Увидал свой путь я, и ударил в грудь я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Горько зарыдал я, и к тебе воззвал я:
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Худо ты устроен, жалости достоин,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Горек ты и вреден, радостями беден,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Горе да утраты, вот лишь чем богат ты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Злобный и порочный, ты — как тать полночный,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Те глупцы, что миру верят, как кумиру,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Сроду между нами ходят сиротами,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ты в грехах и сквернах губишь легковерных,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
И ведешь убогой ложною дорогой,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Плачу я, рыдаю, ибо лжив ты, знаю,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ибо вверг меня ты в горе и утраты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Обречен тобой я и лишен покоя,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Светоч жизни бренной, ты грозишь изменой,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

С самого рожденья стоишь ты презренья,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
От земли до тверди все подвластно смерти,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Как ягненок зверю, я тебе не верю,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Обернувшись другом, ты сразишь недугом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

За свои несчастья рад тебя проклясть я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Влек меня ты к разным горестным соблазнам,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Все, что мне дарил ты, чем меня кормил ты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Я вкушал с весельем и — отравлен зельем,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Радуясь, горюя, миру говорю я:
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Мрак ты мне являешь, свет мне заслоняешь,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Стоит ли дивиться, что в тебе творится,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Лживый и смердящий, скоропреходящий,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Я тебя увидел и возненавидел,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Вкрадчивый, коварный, пес неблагодарный,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Кто с тобой столкнется, под ярмом согнется,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Под тяжелой ношей упадет прохожий,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Солнце за луною всходит над землею,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
За крупицу счастья — целый день ненастья,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Стражду я от зноя, от мороза — вдвое,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ты в жару и в стужу губишь плоть и душу,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Потому я ныне вопию в пустыне,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Что твои деянья выше пониманья,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Что зимой, что летом — худо в мире этом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Где искать мне крова от тебя, дурного,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Ты мольбы не слушал, мой очаг разрушил,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ты мой сад плодовый снес рукой суровой,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Нет отца на свете, мать забыли дети,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Я, их брат родимый, прочь бежал, гонимый,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Только возмужал я, разум потерял я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Красотой прельстился, без ума влюбился,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
И попал в беду я, и постиг нужду я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Вот и воздаянье за мое деянье,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

По твоим советам жил я в мире этом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Сладкое для взора брал я без разбора,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Сам меня толкнул ты, сам и обманул ты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дни утехи любы, да разбиты зубы,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Коль терзал ты тело, так наставь на дело,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Коль сразил недугом, дай пожить хоть с другом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Светлою отрадой бедного порадуй,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дай мне друга видеть, не стремись обидеть,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Зол ты и опасен, груб и безобразен,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Все твои творенья ждет уничтоженье,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Вот мой враг стучится, сместь меня грозится,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Это смерть с подъятым близится булатом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Если ты есть бденье, что есть сновиденье?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Если ты — питанье, что есть голоданье?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Коль ты — жизнь земная, что́ есть смерть людская?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Избери ж любое, то или другое,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Все, о чем я мыслил, здесь я перечислил,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Завтра иль сегодня быть мне в преисподней,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
От врага бегу я, скрыться не могу я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Смерть спешит за мною с острою косою,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

О, цветник изрытый, наглухо закрытый,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дикий сад, в котором все покрыто сором,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дал ты мне во вьюгу вшивую дерюгу,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Запеленут ею, я окаменею,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Вот твое желанье и твое даянье,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Твой обед и ужин, что к поминкам нужен,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Хоть длинна дорога, ты даешь немного,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Но и эта пища ради братьи нищей,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

В час, когда умру я и душа, горюя,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Досягнет из тела горнего предела,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
С бедною поклажей в руки божьих стражей,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Передашь ее ты. Вот твои щедроты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Взденут цепь на шею, и предстану с нею,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
С цепью зол несчетных на суде бесплотных,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Взвесят все земное, доброе и злое,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Злое перетянет — дух в геенну канет,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

СПОР ЧЕЛОВЕКА СО СМЕРТЬЮ

Смерть ко всем приходит в гости,
Отворяйте двери шире!
Человек навстречу смерти
Сам стремится в этом мире.
Изо всех деяний света
Я отмечу лишь четыре:
Смерть, возмездие, геенну,
Рай, сияющий в эфире.

Потому и стан мой гнется
И немеет поясница,
Что придет моя кончина
И нигде мне не укрыться.
Ускакать я не успею,
Будь мой конь быстрей, чем птица,
В бесполезном поединке
Добрый меч не пригодится.

Смерть не взяточница, чтобы
Золотую взять м о н е т у , —
Никому не даст пощады,
Отвергая взятку эту.
За долги отцов и дедов
Всех сживет она со свету
И любого уподобит,
Как сама о н а , — скелету.

Говорит человек:

Смерть, дивлюсь твоей я с и л е , —
Где она и в чем живет?
С виду ты скелет скелетом,
Даже мясо не растет.
Как мышиные закутки,
У тебя глаза и рот.
Отчего ты не устанешь
Истреблять наш бедный род?

Отвечает смерть:

Набрехал ты, старче, много.
Да к чему твои старанья?
Никогда я не щадила
Даже малые созданья,
Лишь тебя, седого деда,
Оставляла без вниманья.
Вот тебе в ответ картина
За твои живописанья.

Как ты смел меня порочить!
Хорошо, что нет досугу.
Наточить мне надо косу,
Чтоб прийти к тебе в лачугу.
Отсеку тебе башку я,
В траур выряжу супругу,
Истреблю твое отродье,
Все семейство и прислугу.

Говорит человек:

Смерть, тобой я недоволен,
Что бы там ни говорили.
Чтоб зарыть меня, лопату
Приготовила не ты ли?

Черви, змеи и лягушки
Ждут меня в сырой могиле.
Нет, тебя с твоей косою
Славословить я не в силе.

Слушай, смерть, пишу тебе я
Порицанье в трех томах.
Горе тем, кто смерть прославит,
Превращаясь в жалкий прах!
Когти в тело запуская
И терзая впопыхах,
Для чего косой вдобавок
Ты на нас наводишь страх?

О твоих деяньях повесть
Даже слушать нет охоты.
Ты — скелет, косарь бездушный,
Жрешь ты сено до икоты.
Кто, скажи мне, за тобою
Убирает нечистоты?
Коль никто, то в шароварах,
Верно, носишь кое-что ты.

Отвечает смерть:

Не косарь я, человече,
Сено мне не для еды.
Не пойму, какие твари
Пищей этою горды.
Сердце с печенью болеют
От холодной лишь воды.
Мрут больные от поноса,
А клянут мои труды.

Говорит человек:

Смерть, отверженная богом,
Сколько б ты ни съела пищи,
Остаешься ты голодной,
Неприкаянной и нищей.
Сколько раз из-за тебя я
Горько плакал на кладбище!
Пусть тебя грома господни
Поразят в твоем жилище!

Отвечает смерть:

Нет, не ем я мертвечины,
Не кошу травы я в поле.
Я есть дух, который миру
По господней служит воле.
Истребительница тварей,
Посылательница боли,
Вам глаза я закрываю,
Чтоб не зреть вам света боле.

Говорит человек:

Смерть, одна ты в целом мире,
Как тебе хватает рук?
Север, юг, восток и запад
Посетить ты можешь вдруг.
Как ты только успеваешь
Облететь весь мир вокруг?
Расскажи, открой мне правду,
Коль на это есть досуг.

Отвечает смерть:

Не одна я, человече,
В этом мире промышляю;
Мне помощницы — болезни,
Им же нет конца и краю.
Иногда от рук убийцы
Улетают души к раю.
В день убийства и раздора
Я сижу и отдыхаю.

Говорит человек:

Смерть, я понял все до слова
И хвалю твои повадки,
Ибо сам я вспоминаю,
Как дрожал я в лихорадке.
Я спросил тебя нарочно,
Не нуждался я в разгадке:
Смерть и жизнь по божьей воле
Здесь блюдут свои порядки.

Похвалить тебя хочу я
И прославить без обмана.
Хороша ты, смерть, собою,

Привлекательна, румяна.
Мех твой золотом украшен,
В кружевах сукно кафтана,
Ноги в красных шароварах,
Туфли шиты из сафьяна.

Отвечает смерть:

Ты себя, старик, не видишь!
Безобразный, как урод,
Обо мне ты пишешь книгу
По-дурацки круглый год.
Пусть коса моя за это
Дурню голову снесет!
Кто, скажи чистосердечно,
Утешать тебя придет?

Нитку вдеть в иглу ты можешь,
Но, узнать меня желая,
Почему со мной ты споришь,
Оба глаза закрывая?
Почему, у живописцев
Образ мой перенимая,
Костяком меня рисуешь,
Будто я и впрямь такая?

Впрочем, ты такой же будешь,
Лишь приду к тебе я в гости:
Станешь голым ты скелетом,
Плоть отвалится от кости.
Весь твой мозг, настанет время,
Выпьют черви на погосте.
Вот тогда не будешь злиться, —
Там, во гробе, не до злости.

Говорит человек:

Смерть, напрасно ты крадешься!
Сам я знаю, что придешь.
Нынче, завтра, — но готовым
Ты всегда меня найдешь.
Чем же я тебе, костлявой,
Показался нехорош?
Есть у смертного защита, —
Отрицаешь — значит, врешь!

Помутился разум смерти
В озлоблении великом.
И обрушилась на старца
Пожирательница с криком:
— Кто бы ни был твой защитник,
Под его не буду игом,
Как голодный волк козленка,
Разорву тебя я мигом!

Говорит человек:

Если, смерть, пожрешь меня ты,
Не прибавишь ты ни пуда.
Бог тебя низвергнет в пламя,
Там тебе придется худо.
Я же буду взят на небо,
И, страдаешь ты покуда,
Не устану я зловоньем
Угощать тебя оттуда!

Так окончились меж ними
Словопрение и спор:
Не сумел несчастный старец
Свой отсрочить приговор.
Размахнулась смерть косою
И ударила в упор, —
И старик подобен смерти
Стал обличьем с этих пор.

СПОР ЧЕЛОВЕКА С БРЕННЫМ МИРОМ

Лжив, изменчив мир мгновенный!
Посудите, люди, сами:
Благосклонный к нам вначале,
Что он хочет сделать с нами!
Человек в садах Эдема
Был счастливым при Адаме,
Но теперь, плодов отведав,
Мы погублены плодами.

Мы теперь в долгу пред богом,
Миновала наша слава!
Хоть бы кто срубил под корень

Древо, чьи плоды — отрава!
Брать взаймы, чтоб сын платился,
Кто отцу присвоил право?
Вот оно — коварство мира
И порок его устава!

То, что взял взаймы родитель,
Платит сын его с лихвой:
Смерть идет к нему и косу
Точит мертвою рукой.
Плох ты, мир! Зачем, не знаю,
Жаль расстаться мне с тобой!
На любого человека
Глаз имеешь ты дурной.

Говорит бренный мир:

Что ты брешешь, человече,
Зло мое живописуя?
Лживый сам, мое коварство
Ты расписываешь всуе.
За такое поношенье
Мигом голову снесу я!
Кто ж пленял тебя, несчастный,
Коль утратил всю красу я?

Хочешь знать, каков мой возраст?
Знай, несчастный сумасброд:
Я живу семь тысяч двести
Восемьдесят третий год.
Ты зовешь меня мгновенным,
Но не близок мой уход!
Ты ж, семидесятилетний,
Окочуришься вот-вот!

Зря ты спорить стал со мною,
Не повинен я нимало.
Коль меня ты видишь бренным,
Значит, зренье плохо стало.
Ты же в мире — однодневка,
И при этом — надувала.
То, что сгинешь ты, как предки,
Знать тебе бы надлежало.

Огорчил мое ты сердце,
Словом дерзостным казня.
За какие преступленья
Эта злая воркотня?
Красотой земли и неба
Изукрасил бог меня,
Ты ж из вод и ветра создан,
Из земли и из огня.

Говорит человек:

Да, но я — подобье божье,
Значит, суть моя двояка.
Бог тебя мне отдал в слуги,
Чтоб служил ты мне. Однако
Кровь мою ты проливаешь
Посреди ночного мрака.
Где б ни шел я, ты за мною
Скачешь, лая, как собака.

Говорит бренный мир:

Все, что ты сказать изволил,
Безусловно очень верно.
Только властвовать над миром
Не умеешь ты примерно.
Ты еще не различаешь,
Что есть благо, что есть скверна.
Я при чем, коль ты наказан
За грехи отцов чрезмерно?

Если я тебе неверен,
Коль я лжив и плутоват,
Отчего ты мне доселе
Доверяешь, как собрат?
Нет, ты сам себе водитель,
Значит, ты и виноват,
Ибо ты корыстен сердцем,
Чревом жаден и брюхат.

Дал глаза тебе создатель,
Чтобы видеть все предметы,
Чтобы зло с добром не путать,
Различая их приметы.
Ты гляди перед собою,

Чтоб запомнить, ходишь где ты.
Необъезженная лошадь,
Осторожен будь в езде ты.
Суть несложной этой притчи
Поясню тебе толково:
Раз попал осел в трясину,
Он туда не лезет снова.
Кто единожды ожегся,
Кипятка не пьет крутого.
Отчего ж, изведав горя,
Вновь желаешь ты дурного?

Говорит человек:

Надоел он мне до смерти,
Твой дурацкий произвол!
То, как ночь, ты непрогляден,
То, как день, глядишь на дол,
То меня сжигаешь зноем,
То дрожу я, нищ и гол.
Как посмел сказать ты, чтобы
Не ходил я, как осел!

Говорит бренный мир:

Ты напрасно так обижен,
Что привел я басню эту.
Разве можно, рот разинув,
Дурачком бродить по свету?
Посмотреть сначала надо,
Есть дорога или нету!
Сам о камень ты расшибся,
А меня зовешь к ответу.

Тот, кто бродит беззаботно,
Упадет, конечно, скоро.
Отвратительной отрыжкой
Будет мучиться обжора.
Тем, кто пользуется мною
Так, как надо, я — опора,
Но коль меры ты не знаешь,
Я с тобою лют, без спора.

Отвечай мне ты, который
Вечно ссоришься со мной,

Кто всегда меня поносит:
«И такой ты и сякой!»
Чем тебе я не потрафил?
Чем коварен норов мой?
Я в жару даю прохладу,
Посылаю в стужу зной.

Я даю питье и пищу,
Чтобы жизнь твоя продлилась,
Многоцветные одежды —
Чтобы тело нарядилось,
Я дарю тебе девицу,
Чтоб в постель с тобой ложилась, —
Ну, а чем меня доселе
Одарила ваша милость?

Говорит человек:

Горе мне с твоей прохладой,
Да не сладко и от зноя!
Из того, что рассказал ты,
Не приемлю ничего я.
Правда, ты даешь мне пищу,
Даже платье недурное,
Но зачем потом ты зубы
Выбиваешь у героя?

Что твердишь ты про одежды,
Испещренные богато?
Посмотри, что с ними стало, —
Износились без возврата!
Моль их съела, псы изгрызли,
Нету пуговиц из злата!
Всех друзей моих убил ты,
С кем я дружен был когда-то.

Говорит бренный мир:

Глуп, однако, ты, бедняга,
На ответы не востер.
Где добро, где зло — не знаешь,
А болтаешь всякий вздор.
С материнской ты утробы
Надо мною власть простер,
Но понять мою натуру
Не умеешь до сих пор.

Что людей я убиваю —
Это просто небылица.
Кто наврал тебе про это,
Тот со мной еще сразится.
Как убийства появились,
Знает нынче и тупица.
Прародитель твой с прабабкой —
Вот кто первый был убийца!

Говорит человек:

Нет, мой прадед и прабабка
Далеки от преступленья!
Жаль им было и барана
Отдавать на оскопленье. —

Человек разгорячился
И, утратив все терпенье,
Собеседника ударил
Палкой в лоб за оскорбленье.

Говорит бренный мир:

Бренный мир со лбом разбитым
Отвечал ему: — Едва ли
По твоим поступкам видно,
Что умнее люди стали.
Райских груш поела бабка,
Вас за это покарали, —
С той поры вы стали смертны.
Посуди: виновен я ли?

Пусть теперь за лоб разбитый
Бог воздаст тебе, злодей!
Пусть отплатит семикратно
Ради немощи моей.
Пусть отнимет все богатства
И, как создал он людей,
Пусть лишит тебя он жизни,
Сна, дыханья и страстей.

Чем, скажи, я провинился
И страдать тебя заставил?
Уличи меня, прошу я,
Где пошел я против правил?
Ты, не вникнув в это дело,

Все лицо мне окровавил,
Безо всякого проступка
Чуть в могилу не отправил.

Говорит человек:

Есть у мудрых изреченье:
«Мир для смертных — супостат».
С ним не надобно родниться,
Не сестра он и не брат.
На словах он — сущий ангел,
А в душе он — сущий гад.
Хитрый, кажется невинным
Он на первый только взгляд.

Весь в грязи и нечистотах,
Ты — подобие уродца.
Всех ты пачкаешь смолою,
Кто рукой тебя коснется.
Начинаешь ты кудахтать,
Что вот-вот яйцо снесется,
А оно еще до срока
Из утробы изольется.

Предаешь ты легковерных,
Существует мир доколе.
То велишь ты нам смеяться,
То грустить о горькой доле.
Те, что счастья ожидают,
По твоей страдают воле.
Стебли роз твоих шипами
Все мне сердце искололи.

Говорит бренный мир:

Почему ж в глаза не скажешь,
В чем она, вина моя?
Почему меня поносишь,
Грязь на голову лия?
Не в моем распоряженье
Смех и слезы бытия.
Это дело человека,
Он ответчик, а не я.

Сколько б ты, глупец, ни злился,
Правды мы скрывать не будем.

Поучение премудрых
Сообщить я должен людям.
Если в мире вы владыки,
Будьте истины орудьем,
Не свалитесь в ров глубокий,
Помыкая правосудьем.

Кто со мной за слово правды
Обошелся столь сурово?
Верно, палкою ударить
Ты меня задумал снова?
Братец твой разбил дубиной
Череп брата молодого.
Коль ты чист, то след кровавый
С моего ты смой покрова.

Говорит человек:

Человек развел руками,
Услыхав, что брат — убийца.
Пуще прежнего, однако,
Стал роптать он и сердиться.
Он подумал: «Что со мною
Сделать этот мир грозится?
Врал на прадеда с прабабкой,
А теперь на братьев злится!»

Вынув меч, сказал он миру:
— Если вправду ты, бахвал,
О родных моих и предках
Тут не попусту болтал, —
Расскажи мне все, иначе
Размахнусь и наповал
Уложу тебя, чтоб тело
Пес на кладбище глодал!

Говорит бренный мир:

Коль желаешь слушать — слушай:
Прадед звался твой Адамом,
Ева числилась прабабкой,
Каин — братом первозданным.
Ева яблоков поела —
Весь свой род покрыла срамом.
Авель, кровью мир забрызгав,
Пал на землю бездыханным.

Знай, что смерть во время оно
Сотворила не природа, —
Это есть изобретенье
Человеческого рода.
Авель пал, и кровь из раны
Досягнула небосвода.
Край небес с тех пор сочится
Алой кровью в час восхода.

Говорит человек:

Человек в раздумье молвил:
— Уберу обратно меч,
Чтоб злодея ненароком
Пополам мне не рассечь.
Повинюсь пред ним учтиво
И, чтоб выгоду извлечь,
Расспрошу его подробно,
Пусть свою он кончит речь.

Он в ножны убрал железо,
Шапку скинул в знак смиренья
И, учтиво поклонившись,
Произнес без промедленья:
— Если б было мне известно
Это дело, — без сомненья,
От меня бы ты не слышал
Никакого поношенья.

Говорит бренный мир:

Бренный мир ответил важно:
— Мне твоей повинной мало.
Царь земли ты, а не знаешь,
Как вести себя пристало.
Царь не может без разбора
Вынимать клинок кинжала.
Обнажать свое оружье
И тебе не подобало.

Говорит человек:

Не сердись, прошу усердно,
Пред тобой виновен я,
Я хочу, чтобы друзьями
Стали с этого мы дня.

Я из вод и ветра создан,
Из земли и из огня.
Что сие обозначает?
Образумь, наставь меня.

Говорит бренный мир:

Ты, семидесятилетний,
Не отрекся от дубины,
А до сей поры не знаешь
Дней своих первопричины.
Бог тебя слепил из ветра,
Из воды, огня и глины
И живую вдунул душу,
Чтоб дышал ты до кончины.

Говорит человек:

Ты сказал, что брат мой Авель
Кровь свою изверг до неба.
Этим россказням зловещим
Не могу я верить слепо.
Разве этим двум несчастным
Не хватало в мире хлеба?
Почему они друг друга
Ненавидели свирепо?

Говорит бренный мир:

Трус завидует отважным,
И страдает он бесплодно.
Уязвленный благородством,
Он не мыслит благородно.
Жертва Авеля пылала
И была творцу угодна.
Зависть Каина томила
Неотвязно, безысходно.

Каин целый день трудился
На полях среди дубрав,
И зерно принес он в жертву,
Урожай земли собрав.
Но добро свое смешал он
С семенами сорных трав,
И господь отверг молитву,
Этой жертвы не приняв.

Авель господу молился,
Не мечтая о награде,
В жертву лучшего ягненка
Выбрал он в овечьем стаде.
Позавидовал убийца
Черной ненависти ради,
И чело его померкло
В недовольстве и досаде.

Бог спросил: «Скажи мне, Каин,
Почему твой лик затмился?
Отчего ты, неразумный,
П*о*том ярости покрылся?
Ты неискреннюю жертву
Мне принес, когда молился,
Так возьми ж себе обратно
То, что мне отдать стремился».

И промолвил брату Каин:
«Брат, пойдем работать в поле.
Мы обязаны друг другу
Помогать в земной юдоли».
И послушал брата Авель
И пошел по доброй воле.
Каин, злобою пылая,
Захватил с собой дреколье.

«Почему, — спросил он, — в жертву
Ты приносишь лучший скот?» —
И ударил брата в темя,
И свалился наземь тот.
И струя кровавой влаги
Обагрила небосвод.
С той поры сочится кровью
Край сияющих высот.

ЗАВЕЩАНИЕ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ

Не хочу я больше лиры и свирели,
Уж не в силах петь я, как я пел доселе.
Повернулся лживый мир ко мне спиною,
Ничего мне не дал, что сулил весною.

Не простил грехов мне он в великом гневе,
Иссушил мне корни, листья сжег на древе.
Стал я одинокий, сирый, нелюдимый,
Ближними забытый, брошенный любимой.

Сердце словно уголь стало от печали,
Волосы густые с головы упали,
Сморщились ланиты, словно плод печеный,
И поник я долу, скорбью удрученный.

Овладели телом немощи и хвори,
На больное сердце навалилось горе.
С обнаженной саблей смерть ко мне стучится,
Острою косою сместь меня грозится.

Слушайте же, люди, верящие в бога,
Те, кто соблюдает заповеди строго:
В день, когда пред вами мёртвый я предстану,
Помяните миром душу бездыханну.

Те, пред кем я грешен, мне мой грех простите,
Горечи и злобы в мыслях не таите:
Не смогу ничем я больше вас обидеть,
Онемел язык мой, взор не может видеть.

Если бы и стали спорить вы со мною,
Все равно уста я больше не открою:
Глух я и безжизнен, нет во мне дыханья,
Истребил создатель сам свое созданье.

На одре кончины, устремленный к богу,
Ничего с собой я не беру в дорогу,
Ничего теперь мне, грешному, не надо —
Ни бахчи, ни дома, ни парчи, ни сада.

Боже, мой создатель, милостивым буди!
Об одном молю вас, праведные люди:
Три доски на гроб мне сбейте, остругайте,
Только позолотой гроб не украшайте.

Не трудитесь красить, сколотите просто,
Чтоб нести полегче было до погоста.
Не бросайте денег ради позолоты,

Лучше их оставьте на свои заботы:
Бесполезны гробу ваши украшенья,
Мать-земля поглотит их в одно мгновенье.

Тот же, кто добра мне истинно желает,
Пусть душе поможет тем, чем подобает,
Пусть ее проводит он с посильным даром,
Чтоб она за гробом не пропала даром.

Вот что ей, убогой, будет во спасенье:
Служба и молитва, ладан и кажденье,
Пища для голодных, платье для холодных,
Чтоб никто не грабил бедных и безродных.

Мне же не помогут вопли и рыданья,
Не вернут мне жизни горькие стенанья.
Скорбные одежды — что они Давиду?
Лучше заплатите в храм за панихиду.

Горе мне, больному! Если что случится,
Нет попа с дарами, чтобы приобщиться.
Кто меня помянет в церкви за обедней?
Кто меня проводит в дальний путь последний?

Одинок я в мире: не дал бог мне сына,
Чтоб затеплить свечку дома в день помина,
Чтоб поминки справить обо мне, убогом...
Вот как я унижен всемогущим богом!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Святитель Иоанн в Кахети, в Зедазени,
Заставил слезы течь из стен церковной сени.
Есть в Картли некий храм, где Шио, наш отец,
Являет чудеса для страждущих сердец.

При этих двух церквах имел я по гробнице,
Чтобы в одной из них почить с крестом в деснице,
И каждый этот склеп был выложен из плит,
Оградой окружен и крышей перекрыт.

И вот взгляни теперь, случайный посетитель,
Где я нашел свою последнюю обитель!
Здесь тленью предан я, а где душа моя,
Куда она ушла, не понимаю я.

И как со мною мир коварен был безмерно,
Так, верно, и тебя обманет лицемерно.
Не осуждай меня, утратившего плоть,
И да простит тебе грехи твои господь!

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ

●

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

АНТОНУ

Ты, юноша, беспечен был доселе,
Пирам веселым не было конца...
Молю тебя: цени свое веселье,
Гони унынье с юного лица.

Не заблуждайся: молодость мгновенна,
Ее уносит времени полет,
Пройдут года — наступит перемена,
А там, глядишь, и старость подойдет.

И в цвете розы есть непостоянство,
И так же сновидение летит,
Как исчезает юности убранство —
Улыбка уст и нежный жар ланит.

Блажен, кто в жизни все свое дыханье
Умел отдать веселью и любви,
Кто не хотел ценить существованье,
Пока волненья не было в крови.

Отдай же сердце дружбе и любови,
Они для нас — неоценимый клад.
Печален ты? Не хмурь напрасно брови —
Любовь и дружба горе исцелят.

И я любим когда-то был судьбою...
Но, милый друг, ты помнишь ли тот миг,
Когда навек расстался я с тобою
И смерть души в самом себе постиг?

КНЯЖНЕ ЕКАТЕРИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Краса Цинандали!
Не зная печали,
Как горный источник, ты сердцем чиста!
Румяней рассвета
Улыбку привета
Твои нам волшебные дарят уста.

Дитя дорогое,
Будь счастлива вдвое,
Сплетай свои дни, как живые цветы,
Пока с небосклона
Горит благосклонно
Звезда твоей юности и красоты!

Покуда на розы
Не грянули грозы,
Пока не случился несчастий обвал
И ветер холодный
В душе беззаботной,
Оставив шипы, лепестков не сорвал!

ПЛАЧУЩЕЙ НИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Если, Нина, в час свиданья
Ты полна изнеможенья,
Если впрямь твои страданья —
Не каприз воображенья, —
О, приди ко мне, светило,
Ляг на грудь мою рыдая,
Чтоб душа моя изныла,
Скорбь твою перенимая.

Если ж, Нина, эти слезы —
Только плод мечты чудесной,
Если жемчуг пал на розы,
Чтоб сиять росой небесной, —

О, продли мое блаженство,
Плачь еще! На целом свете
Нет такого совершенства,
Как живые слезы эти!

МУХАМБАЗИ

Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
опьянен я твоей красотой!
Если выпью вина, мне изменит язык,
посмеется судьба надо мной.
Он расскажет тебе, как я молча страдал
бесконечное множество дней,
Он расскажет тебе о печали моей,
о любви безнадежной моей,
О великом и жалком несчастье моем,
помутившем рассудок больной.
Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
опьянен я твоей красотой!

Если голос рассудка над сердцем моим
потерял свою власть не вполне,
Даже эту почти безнадежную власть
уничтожить ты хочешь во мне.
Ты ведь знаешь, как мало мне нужно, чтоб я
обезумел, любовью о б ъ я т , —
Только малую долю вниманья ко мне,
лишь один твой приветливый взгляд.
Все ты знаешь, но чашу, но чашу вина
ты даешь мне, смеясь надо мной...
Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
опьянен я твоей красотой!

Ах, на гибель мою, на погибель мою,
на своем ты стоишь, на своем!
Как безумец, я пью эту чашу мою,
я не знаю, что будет потом.
Ты мне розу даешь — что мне роза твоя,
если вижу я розу ланит?
О, склони ко мне чистую розу ланит,
пусть я буду тобою убит.
Ах, зачем мне вино, если сердце полно
лишь одною, одною тобой!

Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
опьянен я твоей красотой!

Если, полный любви, я гляжу на тебя —
вся кругом замолкает земля.
Расцветает на дивных ланитах твоих
благовонный цветок миндаля.
О, позволь мне прижаться к его лепесткам —
изнемог я в напрасной борьбе.
Сам себя я на смертные муки предам,
но откроюсь, откроюсь тебе.
Слушай, все я скажу. Гаснет сердце мое,
помутился мой разум больной...
Не давай мне вина — пьян я, пьян без вина,
опьянен я твоей красотой!

* * *

Любовь моя, без помощи твоей
Мне не понять, что сделалось со мною,—
Зачем один в толпе чужих людей
Я пред тобой терзаюсь немотою?
Хочу сказать — слова нейдут на ум,
Хочу уйти — не в силах оторваться...
Не странно ли, что, бледен и угрюм,
Лишь вздохами могу я изъясняться?

О, сколько раз я сердцу говорил,
Что не найти ему дороги к раю!
Зачем же снова, бледен и уныл,
Я сам тебя, глупец, подстерегаю?
Зачем же, власть утратив над собой,
Не в силах больше сердце обуздать я,
Зачем, испепеленный красотой,
Я посылаю ей свои проклятья?

Рассудок прав: он мне твердит свое.
Но что мне голос трезвых размышлений,
Коль пред тобой все существо мое
Бессильно упадает на колени;
Коль сердце, этот маленький сатрап,
Летит к тебе, всесильная царица,
И сам рассудок, как последний раб,
Вослед ему, безмолвствуя, стремится!

ПРОЩАНИЕ

На лепестках едва открытой розы
Роса небес сверкает и горит.
Не так ли, друг мой, медленные слезы
С твоих печальных катятся ланит?
Мой милый друг, в минуту расставанья,
О, как ты мне безмерно дорога!
И как умерю я твои страданья,
Как осушу печали жемчуга?

Я слез не лью, и страшной немотою
Опять окован бедный мой язык.
Пустым словам, затверженным толпою,
Моей любви вверять я не привык.
Лишь только призрак чувства многословен —
Язык любви не есть язык глупца,
И не найдется в нем таких диковин,
Чтоб всю любовь исчерпать до конца.

Вот почему так страшно сердце гложет
Пылание бестрепетных страстей:
Оно наружу вырваться не может,
Но тело прожигает до костей.
Лишь слабый сердцем любит по-иному.
Его любовь — упавший с гор поток.

Упавший с гор поток подобен грому,
По средь долин он мал и неглубок.
Такое сердце стоном и разлукой
Свою любовь развеет без труда
И, незнакомо с длительною мукой,
Вернется к жизни, легкой, как всегда.

Но есть сердца, подобные граниту,
И, если чувство врезалось в г р а н и т , —
Не властно время дать его в обиду,
Как и скалу оно не раздробит.
Пока восходит солнце над землею,
Пока луна не остановит бег,
Пока живу я жизнию ж и в о ю , —
Мой милый друг, я твой, я твой навек!

* * *

Когда толпою бабочек ночных
Поклонники влекутся за тобою,
Зачем ты хочешь каждого из них
Очаровать мгновенной красотою?
Зачем сквозь гул восторженных речей
Ты слушаешь нескромные признанья,
Зачем стыдливой прелестью очей
Немыслимые сеешь упованья?

Среди толпы холодной и чужой,
Стрелою черной ревности ужален,
Издалека слежу я за тобой,
И взор мой тих, и голос мой печален.
Ни словом, ни вниманием своим
Ты здесь меня, мой друг, не удостоишь,
Не скажешь мне, что я тобой любим,
Волненье чувств моих не успокоишь.

Не знаешь ты, как в пламени любви
Сгорает сердце, как душа живая
Ревниво ловит возгласы твои,
Под бременем тоски изнемогая.
Но я — я знаю, милая, тебя!
Я верю в час, назначенный судьбою.
Вот отчего, ревнуя и любя,
Я так любуюсь издали тобою...

ЭПИТАФИЯ МИРЗАДЖАНА

Ты счастья захотел? Оно недолговечно.
Люби и пей, как я, чтоб затопить беспечно
Любовью и вином печали бытия;
Чтоб пред лицом судьбы, как некогда и я,
Блаженствовать и петь, не поддаваясь страхам...
Хоть целый мир познай — как я, ты станешь прахом!

ПИР

(Подражание Пушкину)

Люблю я пир, где царствует свобода,
Где слово «пей!» с заката до восхода
Над беззаботной слышится толпой;

Где, веселясь за чашей круговой,
Мы пьяный рог сменяем азарпешей;
Где на исходе ночи догоревшей,
Когда заря над городом встает,
Ко мне моя красавица идет,
Свой легкий стан в объятия склоняет
И за разгул веселый упрекает!

ВЕСНА

Когда откроется весной
Душа для радости земной,
Для счастья и забав;
Когда над розою своей
Опять влюбленный соловей
Воспрянет зарыдав,—
Уж не пойдем мы, милый друг,
Туда, где все цветет вокруг,
Откуда шлет веселый луг
Благоуханье трав.

Пускай блаженствуют сердца
На лоне вешних дней,—
Душе истерзанной певца
Не сладок соловей.
Увы, не для моих очей
Цветет волшебный луг,
Не для меня звенит ручей
И лес шумит вокруг!

К иным, нездешним берегам
Стремлюсь я, наг и сир,
Когда лишь бурям и громам
Смятенный внемлет мир.
О, как я жду, когда с высот
На мой последний путь
Смертельный пламень упадет
И поразит мне грудь!

Когда за дверью гробовой,
Свой подвиг заверша,
Сойдет в приют последний свой
Печальная душа;

Когда за дверью гробовой,
Согбенная от мук,
Она обнимется с тобой,
Мой незабвенный друг!

О, как тебя я не сберег?
Глаза твои закрыв,
Не понимаю, видит бог,
Как я остался жив;
Не понимаю, видит бог,
Как я безумье превозмог,
Как я живым остаться мог,
Себя переломив?

И я возненавидел свет,
Где людям счастья нет,
Где все цветет — и все умрет,
Увянет в цвете лет.
И равнодушно я молчу,
Когда цветет весна,
И горевать не захочу,
Когда уйдет она.

* * *

Кто жемчуг добывал, не погружаясь в море?
Кто вздохом погашал пылание страстей?
Ты захотел любви? Бросайся в волны горя.
Узнаешь, какова цена любви твоей!

* * *

Быстрей, чем ласточки полет,
Твой взор скользит по небосклону;
Твой улыбающийся рот
Подобен нежному бутону;
Вино и снег твоих ланит
Хранит благоуханный локон;
Твой стан о счастье говорит,
Как кипарис у милых окон.
И я, увидев милый лик,

То слезы горькие глотаю,
То, как безумец, через миг
Опять блаженство постигаю.

* * *

Когда лезгины, персы и османы,
Как звери лютые, терзают край родной,
Когда кровоточат бесчисленные раны,
Враждебной нанесенные рукой;
Когда молчит закон и справедливость дремлет,
Когда никто врагу не в силах дать отпор,
Когда народ зовет, когда никто не внемлет
Его отчаянью, — о, как я с давних пор
Всей силою души мечтаю о возмездье!
Какие замыслы таит мой скорбный ум!
С какою жаждою неутолимой мести
Брожу я по земле, печален и угрюм!

О, как душа моя тоскует по свободе!
Придет ли ночь, или настанет день —
Мысль о моем истерзанном народе
Преследует меня, как горестная тень.
Сижу ли я в семье моей любимой,
Молюсь ли в храме, — всюду вслед за мной
Она как спутник следует незримый,
Чтоб возмутить душевный мой покой.
И тайный голос, сумрачный и страстный,
Не устает мое сознанье жечь:
— Пора, пора! Иди на бой опасный!
За родину свою вздыми кровавый меч!

К чему скрывать: безвременной могилой
Свой смелый подвиг увенчает тот,
Кто в яростной борьбе померяется силой
С безжалостным врагом, терзающим народ.
Но, боже мой! Хоть ты открой народу —
Кто до сих пор, когда, в какой стране
Без жертвы и без ран свою купил свободу
И от врагов своих избавился вполне?
И если я в расцвете юной жизни
Теперь стою на грани бытия, —
Клянусь моей возлюбленной отчизне:
Такую смерть благословляю я!

* * *

Да будут преданы позору имена
Бесчувственных людей, забывших об отчизне,
Кто в этот черный год, когда моя страна
Врагу безжалостному в рабство отдана,
О собственной своей лишь помышляет жизни,
Кто не спешит врага пронзить своим мечом,
Кому народные страданья нипочем!

О, сколь печальна жизнь среди таких невзгод,
Исполненная мук от самого рожденья!
Уж лучше бы погиб иль не родился тот,
Кто осужден судьбой на вечные мученья,
Кому поистине надежды больше нет,
Что кончатся они, томительные годы,
Что сгинет мрак ночной, что заблестит рассвет,
Что встанет над страной заря ее свободы!

О, горе той стране, где только кровь и стон,
Где вражеский клинок — единственный закон!

* * *

Иверия моя, доколе будешь ты
Послушно выю гнуть, в ярме изнемогая?
Доколе будет враг, презрев твои черты,
Глумиться над тобой, страна моя родная?
Зачем забыла ты мечей тяжелый звон,
Победы прошлых лет и битвы день кровавый?
Ужель сыны твои из глубины времен
Не трогают тебя своею чудной славой?
Как изменились мы! Уж, видно, не течет
Родительская кровь в бессильных наших жилах,
Забыли мы навек и славу и почет...
Что может нас увлечь, послушных и унылых?

Старинных прав моих не признает пришлец,
В моей родной стране народу не внимает,
Под видом дружества готовит нам конец,
Лаская нас порой, отчизну отнимает.
Вот рабства жалкого закономерный плод!

Проснись, судьба, услышь мои моленья!
Лишившись пастуха, мы бродим взад-вперед,
Пока любой из нас до дна не изопьет
Всю горечь истины, всю чашу униженья!

НОЧЬ

Луна, пособница влюбленных,
Сияла в небе, как кристалл;
Витая в листьях благовонных,
Крылами ветер помавал.
Укрытый сумраком растенья,
Рыдал над розой соловей.
Какое сладкое томленье
Он пробуждал в душе моей!

Раскрыв листы, меня манила
Деревьев сладостная мгла.
В сиянье бледного светила
Моя душа изнемогла.
О, как медлительно струился
Неторопливый ход минут,
Когда к тебе мой взор стремился,
Когда к тебе я рвался тут!

Но, чу! Трава прошелестела,
Мгновенный свет прорезал тьму.
Зачем душа моя запела
И сердце сжалось почему?
Услышав розы трепетанье,
Душа узнала — это ты,
И я ловил твои лобзанья,
Едва признав твои черты!

И две души в тот миг чудесный
Единой сделались душой,
И охватил восторг небесный
Меня незримою волной.
Слились сердца, закрылись очи,
Замолкли разум и язык,
И под покровом темной ночи
Мы обо всем забыли вмиг.

О, где тогда с тобой мы были,
В какой волшебной стороне?
Пусть обо всем мы позабыли,
Но рай познали мы вполне.
Летело время — час за часом,
Уж срок свиданья истекал,
Но, покорен любовью, разум
Часов любви не наблюдал.

И понял я — на этом свете
Есть исцеление от мук.
Но почему мгновенья эти
Столь мимолетны, милый друг?
Зачем короткий миг блажества
Не утолил нас до конца?
Зачем, вкусив от совершенства,
Все так же горестны сердца?

Заря вставала над землею,
Виденья сна летели прочь...
Лишь тут познали мы с тобою,
Как коротка бывает ночь.
И проклял я рассвет печальный —
Блаженства горестный предел,
И поцелуй любви прощальный
Союз сердец запечатлел.

К ЯРАЛИ

Ярали, друг мой, когда ж мы с тобою
Сядем опять под чинарой густою,
Светлые чаши наполнив вином,
Старую песню затянем вдвоем:
«Яри-арали!»
Чтобы шашлык серебристый из лани
Снова вертелся, шипя на огне,
Чтобы дразнил он мое обонянье,
Ноздри опять щекотал бы он мне;
Чтоб кахетинского полную чашу
Подняли мы высоко над землей,
Чтобы украсили трапезу нашу

Рыба, и зелень, и сыр молодой;
Чтобы блестел,
Поднимаясь над нами,
Залитый светом родной небосвод;
Чтобы летел
Над горячими лбами
Сладостный ветер коджорских высот;
Чтоб, не смыкая до вечера глаз,
Снова я слушал знакомый рассказ,
Как иверийцы с отвагою львиною
В годы старинные бились за нас.

Ты рассказал бы мне, Ярали мой,
Как, поднимаясь на зов боевой,
Дети картвелов, венчанные славою,
В битву кровавую шли чередой.
Горе врагу, если в чаще дремучей
Он не укрылся от сотен мечей, —
Яростный сокол, срываясь из тучи,
Молнией врежется в стан голубей!
О, как завиден мне жребий желанный
Тех, кто за родину пал бездыханный!
Где они, дни, когда сердце картвела
Жаркой любовью к отчизне кипело
И, провожая героев, страна
Радостно славила их имена?

Все бы я слушал, как в старые праздники
По бесконечным дорогам ристалища
Вихрем летели отважные всадники,
Чтоб обогнать в состязанье товарища.
Вросшие в седла, стройны, словно тополи,
Все они знали искусство великое —
На два отряда рассыпавшись по полю,
Вот они мчатся, ликуя и гикая.

Конское ржанье,
Жужжание стрел,
Копий сверканье —
Желаний предел.
Мчатся стрелой —
С седел долой!
Время пришло —
Снова в седло!

Бьются копыта,
Звенят стремена,
Шашка над шапкою
Занесена!

Лук поднимая рукою уверенной,
Эти — стреляют в орла одинокого,
Эти — прицелившись в кубок серебряный,
Сбить его с камня стремятся высокого.
И, наслаждаясь веселой забавою
В этот поистине радостный час,
Смотрит с улыбкой на них величавою
Тот, кто когда-то был счастьем для нас.

Славные годы, счастливые дни!
О, как давно миновали они!
Здесь, на далекой холодной чужбине,
Вижу я ныне могилы одни.
Где ж он, герой с благородной десницей,
Кто, нарушая наш горестный сон,
В пекло драконье готов устремиться,
Чтобы погиб кровожадный дракон?
Стоит ли дальше бороться с судьбою?
Спи, азарпеша, под купами роз!
Вместо вина — только квас предо мною,
Вместо полдневного зноя — мороз.
Север холодный угрюм и тревожен,
Где он, небес ослепительный жар?
Ты — в Петербурге, я — в Новгород брошен,
Холод на улице, дома — угар.
Только припомню утехи былого —
Сердце заплачет, печали полно...
Так, вдалеке от родимого крова,
Ищет в слезах утешенья оно...

РУСТАВЕЛИ

(Фрагмент)

Его творенья время пощадило,
И так была их сила велика,
Что, загоревшись в небе, как светило,
Они прошли, блистая, сквозь века.

Блажен певец, чей труд потомству нужен,
Чьи песни озаряют наши дни!
Открой тетрадь. Перед тобой они —
Как тысячи сверкающих жемчужин!

МУХАМБАЗИ

Мне сегодня охоты до шалостей нет —
К Саломэ я сегодня иду на обед!
Я — портняжка Бежан, я — для женщин букет,
Я — утеха для них, это знает весь свет!
Хоть и много красоток блистает красой,
Хоть не в силах они устоять предо мной,
Но для них у меня нынче времени нет —
К Саломэ я сегодня иду па обед!

Ведь лицо Саломэ — как ночная луна,
Белоснежная грудь ее неги полна.
Стоит только сказать ей: «Бежанчик ты мой!» —
Вся земля из-под ног поплывет подо мной.
Потому-то сегодня и времени нет —
К Саломэ я сегодня иду на обед!

Постоянно у женщин не дело торчать —
На любовь перестанет душа отвечать.
Хоть и ждали подружки Бежана вчера,
Хоть в слезах утопали они до утра,
К ним я в гости сегодня, увы, не пойду,
Даже если за это притянут к суду, —
Мне сегодня охоты до шалостей нет —
К Саломэ я сегодня иду на обед!

Я, портняжка Бежан, как лесной мотылек,
Я порхаю, играя, с цветка на цветок.
Та — зовет на обед, эта — ужинать ждет,
Эта — вместе со мною всю ночь напролет...
Да, веселья такого не видывал свет!
Но сегодня для шалостей времени нет.

Целый день я, красотки, мечтаю о вас,
Из-за вас у меня недошитый заказ:
Все мерещится мне белоснежная грудь,
И объятья, и ласки, такие, что жуть!
Но сегодня для этого времени нет —
К Саломэ я сегодня иду на обед!

Пусть мятежная знать нарвалась на капкан —
Не беда! Я все тот же портняжка Бежан!
В чем же дело, Бежан? Веселись и пляши,
Нынче время твое и твои кутежи!
Но сегодня для шалостей времени нет —
К Саломэ я сегодня иду на обед!

ПОДРАЖАНИЕ САЯТ-НОВА

Я — Арутин, певец Саят-Нова,
Я знаю азбуку, и песнь моя нова.
Саят-Нова

Пой, звени, чианури, волшебной струной,
Будь приветлива с тем, кто доволен тобой,
Чтобы скрипнул зубами твой недруг от злобы немой!
Хиник*о*, хинкик*о*!

Чтоб раздулась от гнева его борода,
Чтобы чашу вина принесли мне сюда,
Чтобы сердце мое веселилось и пело всегда!
Хинико, хинкико!

Я в руках моих розы веселия нес,
Но завистливый рок не простил моих роз,
И попал я, изгнанник, в обитель печали и слез.
Хинико, хинкико!

Весела моя песня когда-то была,
Но пронзила мне бедное сердце стрела,
Только небо одно защитит человека от зла!
Хинико, хинкико!

Пой, звени, чианури, о милой моей,
Чье кристальное сердце лазури светлей!
Под знакомым окном никогда не увижусь я с ней!
Хинико, хинкико!

Только вспомню я родинку нежных ланит —
Как в огне мое сердце опять закипит...
Ах, немало я вынес на свете тяжелых обид!
Хинико, хинкико!

Нас спасает любовь от житейских сует,
Я же брошен в пучину печалей и бед!
Только разум один за любовью стремится вослед!
Хинико, хинкико!

Я из чаши страдания рано испил,
Пораженный стрелою, я падал без сил,
Но не сжалился рок и с любимой меня разлучил.
Хинико, хинкико!

Он порвал, разорвал нить любви молодой,
Соскочила струна с чианури долой...
Замолчи, моя песня! Пропали мы вместе с тобой!
Хинико, хинкико!

Ты возьми, соловей, чианури мою,
Схорони чианури в родимом краю!
Я, несчастный Григол, эту песнь, умирая, пою.
Хинико, хинкико!

МОЕЙ СЕСТРЕ ЕВФИМИИ

Утешенье мое, упованье мое и отрада,
Утоление сердца во мраке томительных лет,
О сестра дорогая, одна ты мне в жизни награда,
Только ты охраняешь меня от печалей и бед.
Только ты, как звезда, над пустынной сияешь тропою,
Чтобы грозные тучи улыбкой своей разогнать,
И, согретое лаской, беседует сердце с тобою,
И смеется, и плачет, и тянется к жизни опять.

На заре моих дней, у истока живых впечатлений,
Открывая глаза, озаренные блеском светил,
В этом мире я видел лишь яркую пышность растений
И сиянье любви в неиспорченном сердце носил.
Терн казался мне розой. Любовь ликовала и пела
В переполненном сердце. Не ведая слез и забот,
Окруженный друзьями, смотрел я в грядущее смело,
Веселился и пел беззаботно, как птица поет.

Но пора миновала, и где оно, счастье былое?
Даже тени его не осталось от прожитых дней.
Одинокое сердце, навеки забыв о покое,
Как бессильная жертва в когтях у судьбины своей.

Вихрь превратной судьбы налетел на меня издалека.
Груды туч грозовых заслонили сияние дня,
Чашу, полную радости, крылья железного рока
Унесли, увлекли и низвергнули в бездну меня.

И низвергнули в бездну, откуда ни слез, ни рыданья
Не услышит прохожий, где в мертвых глубинах земли
Опалили меня безутешные слезы страданья,
Где друзья и родные утешить меня не могли.
О, как медленно шло в заточении быстрое время!
Отпечаток его на лицо мое скорбное лег.
Не воскреснет душа, чтобы сбросить печальное бремя,
Чтобы вырвать из сердца облитый слезами клинок!

Шли своим чередом бесконечные дни и недели,
Я считать перестал их, я стал равнодушен к судьбе,
Разум мой притупился, желанья мои охладели,
Я забыл о слезах, перестал горевать о себе.
Я забыл о слезах. Даже этой последней отрады
Я лишился, несчастный; объятый бессмысленным сном,
Я припомнить не мог, кем я был в этом мире когда-то
И во что превратился в печальном безумье моем.

Лишь однажды — я помню — мне ласточка в небе пропела.
Я услышал ее. Мне почудился голос родной,
Словно чья-то душа мне послать утешенье хотела...
Я запел ей в ответ. Ах, не песня, но жалобный вой
Прокатился по сводам, и своды его повторили.
Пораженный, я смолк, не узнав своей песни. С тех пор,
Испугавшись себя, замолчал я в холодной могиле,
И молчал я, покуда на двери не дрогнул затвор.

Миг блаженный настал, и она отворилась, темница.
Я шагнул за порог. Я от света едва не ослеп.
Боже мой! Те же горы, и та же прохлада струится!
Так же солнце блестит, так же зреет за городом хлеб!
Я помчался на родину. Я умирал от волненья.
Я стремился домой. Я надеялся счастье вернуть.
Но да будет он проклят, бессмысленный день возвращенья!
Если б только я знал, чем окончится горестный путь!

Как я выжил тогда? Почему меня скорбь не убила?
Тот, к кому я стремился, тоскуя о ком, изнемог,
Уж не встретил меня... Предо мною зияла могила.
Я смотрел на могилу. И слез я исторгнуть не мог.

И состарилось сердце. И в горе своем одиноком
Я познал, сколь обманчива счастья неверная тень.
И смотрю я на жизнь недоверчивым, опытным оком,
И крещусь я впотьмах, провожая безрадостный день.

Утешенье мое, упованье мое и отрада,
Утоление сердца во мраке томительных лет,
О сестра дорогая, одна ты мне в жизни награда,
Ты одна охраняешь меня от печалей и бед.
Только ты мое сердце своей согреваешь любовью,
О свиданье с тобой день и ночь небеса я молю,
Чтобы в час моей смерти, склонясь к моему изголовью,
Горсть родимой земли ты на грудь уронила мою.

НИНЕ

Мой милый друг, под бременем невзгод
Влачил я дни печально и уныло,
Но ты мне улыбнулася, и вот —
Всю жизнь мою улыбкой озарила.

Возможно ль после этого терпеть
Мученья преждевременной разлуки,
На милый край лишь издали глядеть
И звать тебя, в слезах ломая руки?

Когда ж наступит долгожданный миг,
Блаженный миг волшебного свиданья?
Когда ж небес преображенный лик
Откроется, исполненный сиянья?

Окаменев в далекой стороне,
Где жизнь была столь тягостна вначале,
Опять сегодня мечется во мне
Живое сердце, полное печали.

И странно мне, что здесь, в краю чужом,
Где все так мрачно, пусто и уныло,
Живое сердце — этот малый ком —
Столь дивную любовь в себя вместило!

Мой милый друг, страданье — высший долг,
Любовь не утомляется страданьем.

Не будь его — давно бы я умолк,
Приверженный к иным очарованьям.

Страдание — кормилица любви,
Оно вздувает светлый жар приязни,
Его, как жертву, ты благослови
И вверь ему свой жребий без боязни.

МУХАМБАЗИ

Азарпеши и чаши, рога и ковши
Поднимайте, друзья, веселясь от души!
Пусть цветами украшена будет еда,
Пусть на тари сыграет нам Алаверда,
Пусть поет соловей нам во мраке ночном,
Д*и*мплипит*о* пусть гремит за столом!

Предводитель у нас с виду сущий араб,
Он родился на свет для пирушек и баб.
Пусть он шапку заломит, воссев тамадой,
Ведь недаром прошел его школу любой!
В сорок лет полетит он от нас кувырком.
Димплипито пусть гремит за столом!

Ах, недолги, друзья, нашей юности дни —
Расцветут, отцветут и исчезнут они.
Горе тем, кто о счастье своем позабыл,
Кто с рожденья утратил божественный пыл!
Чтобы юность гуляла и пела кругом,
Димплипито пусть гремит за столом!

Словно сад без цветов, словно дом без гостей,
Не люблю я пиров без любви и страстей.
Так налей же мне кубок, светило мое!
Дай коснуться мне губок, блаженство мое!
Мы из этого кубка бессмертие пьем.
Димплипито пусть гремит за столом!

Если родинка милой — любови престол,
За здоровие родинки выпьет весь стол!
Кто не хочет любить, что он ищет, чудак?
Веселитесь, друзья, и рассеется мрак!
Опрокиньте веселые чаши вверх дном!
Димплипито пусть гремит за столом!

Ах, кому в этой жизни бывало светло?
Чье светило за тучи навек не ушло?
Чья судьба благосклонна к любимцу вовек?
Верить в завтрашний день не стремись, человек!
Не заботься о нем! Не грусти о былом!
Димплипито пусть гремит за столом!

Оглянитесь вокруг — много ль, юноши, нас?
Где же те, что навеки сокрылись из глаз?
Эти — бродят далече, те — спят под землей...
Что ж вы брызнули, слезы, горячей струей,
Что ж вы горечь разлуки смешали с вином?..
Димплипито пусть гремит за столом!

МОЯ ЭПИТАФИЯ

И я когда-то жил, как ты, читатель,
И я любил, страдал и наслаждался,
И я смотрел в раздумье на могилы!

Я ныне мертв, и участи моей,
Увы, никто на свете не избегнет:
Ни государь в короне вечной славы,
Ни жалкий нищий, в рубище одетый,
Ни красотой блистающая юность,
Ни старость, утомленная годами.

Все в мире тлен, все прах и суета!
Все канет в бездну, лишь душа живая
Поднимется к господнему престолу
Нетленною частицей божества.

В АЛЬБОМ ГРАФИНИ ОППЕРМАН

Когда вокруг покой и тишина
И свет звезды прозрачнее алмаза,
Когда ты вновь стоишь, поражена
Величественным зрелищем Кавказа,

Когда луна медлительно плывет
И лунный луч скользит над головою, —
Вся эта ночь, весь этот мир красот
Вдвойне, вдвойне украшены тобою!

Ведь ты сама как дивная звезда,
Упавшая с ночного небосклона.
О, счастлив тот, на ком ты иногда
Свой взор приостановишь благосклонно!

О змеи кос над розами ланит,
О стражи роз, сомкнутые рядами!
Вот перед вами снова я убит,
Испепелен и уничтожен вами!

Покорствуя невиданной судьбе,
О, кто распустит сей клубок змеиный?
Кто тот счастливец, что придет к тебе
И склонится над шеей лебединой?

Кому молниевидные глаза
Вдруг улыбнутся нежно и туманно?
О, чья рука, как дивная гроза,
Коснется кипарисового стана?

В тот миг, когда, исполненный чудес,
Твой взор меня улыбкою встречает,
Когда короной бледною венчает
Твою главу сияние небес,

Когда я слышу нежный голос твой,
Томительно-певучий и прекрасный, —
В каком восторге, с мукою напрасной
Я замираю вдруг перед тобой!

Не испытав восторгов и страстей,
Кто выполнит небес предначертанья?
К чему оно, томленье праздных дней,
Покуда в сердце нет очарованья?

И где мне утешения искать,
Пока я сон сердечный не нарушу,
Пока любовь не озарит мне душу,
Как горний свет, как божья благодать?

Поймешь ли ты, мой незабвенный друг,
Напев любви, медлительный и грустный?
Бессилен был язык мой неискусный
Изобразить всю горечь этих мук!

Но, если вспомнишь дальний ты Кавказ,
Не поминай с холодною душою
Того, кто, очарованный тобою,
Любил тебя и слезы лил не раз!

ВЕЧЕР РАЗЛУКИ

Заря небес вечерним багрецом
Вершины гор Кавказских озарила.
Так девушка прощается с отцом,
Лобзая старца нежно и уныло.
Но молчалив гигантский тот собор.
Передо мной от края и до края
В короне льдов стоят вершины гор,
Плечами дэвов небо подпирая.
И, прижимаясь к кручам, облака
Грозят потопом, и с горы отвесной,
Блистая, низвергается река,
Стремительно висящая над бездной,
И воет Терек, надрывая грудь,
И скалы вторят Тереку в тревоге...

Печально я гляжу на этот путь,
На тень судьбы, скользящей по дороге...
Все лучшее, что было мне дано,
Все светлое, что управляло мною,
Чем было сердце бедное полно, —
Опять, опять похищено судьбою!
Прощай, мой друг! Прощай на много дней!
До моего последнего мгновенья
Всегда с тобой печаль души моей,
Моя любовь, мое благословенье!

Стучат колеса. Милой больше нет.
На повороте пыль еще клубится.
И, обезумев, ей летит вослед
Душа моя, как раненая птица.
Прощай, мой друг! Унынием объят,
Смотрю я вдаль с невыразимой мукой.
Твоих очей уж мой не встретит взгляд,
Навеки затуманенный разлукой.
Не утолит печаль моей души
Твоя любовь, и только скорбь немая

Источит сердце бедное в глуши,
Последние надежды отнимая.
И как, безумец, я поверить мог,
Что счастье наше будет беспредельно?
Прощай, мой друг! О, как я одинок!
И скорбь моя — о, сколь она бесцельна!

И вот уж ночь. Сижу, объят тоской.
О, кто теперь мои услышит пени?
Недвижен воздух. Только часовой,
Перекликаясь, ходит в отдаленье.
И, подперев вершиною зенит,
Молчит гора, увенчанная снегом,
И о прошедшем счастье говорит
Звезда небес, сияя над Казбеком.
Потоки гор, свершив свой краткий путь,
Алмазной грудой бьют через пороги,
И воет Терек, надрывая грудь,
И скалы вторят Тереку в тревоге.

НАДЕЖДЕ

Знать, с неба явилась ты к людям, надежда,
Когда, проклиная земные оковы,
И первый мудрец и последний невежда
Равно пред тобою склониться готовы.

Ты в сердце гонимых горишь, как лампада,
Душа горемыки тобою согрета.
Что жизнь без надежды? Подобие ада!
Селение скорби, лишенное света!

В темнице невольнику некуда деться,
Быть может, он с жизнью простится сегодня,
Но в яростной бездне преступного сердца
Пылает надежда, как милость господня.

И даже у самого края могилы,
На страшном пороге всеобщего тленья,
Одна ты даешь обреченному силы,
Чтоб мог он последние встретить мгновенья.

И, в черную яму его опуская,
Одна ты ласкаешь его, как царица,
Чтоб смутному очерку дальнего рая
Душа, улетая, могла подивиться.

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

Дар напрасный, дар случайный...

О жизнь моя,
Бесплодный дар пустой,
Зачем, зачем дана ты мне судьбою?
Из тьмы небытия
Исторгнутый тобой,
Зачем я свыкся с мукою земною?

Зачем мой ум
Сомненьем возмущен,
Зачем душа метется сиротливо,
Зачем мой день угрюм,
Прошедшее — как сон,
Грядущее обманчиво и лживо?

И цель свою
Не в силах я найти,
И тщетно я о помощи взываю,
И, как слепец, стою
На жизненном пути
И самого себя не понимаю.

И плачу я,
Когда передо мной
Влекутся дни унылой чередою:
О жизнь моя,
Бесплодный дар пустой,
Зачем, зачем дана ты мне судьбою?

ВОСПОМИНАНИЕ

Вот уголок, где ты в былые годы
Сияла безмятежной красотой.
Опять весна, опять лепечут воды,
Опять цветы пестреют предо мной.

Но разве так они благоухали,
Когда ложились под ноги твои!
Но разве так, исполнены печали,
Тебе в кустах рыдали соловьи?

Но разве так веселый ветер мая
Тебе навстречу крылья раскрывал?
Но разве так он, локоном играя,
Твою фату на миг приподнимал?

Нет, мир тогда был чище и свободней,
Где ты была — там все цвело вокруг.
И я тогда, как милости господней,
Твоей улыбки ждал, мой милый друг.

Завороженный ангельским виденьем,
Я на тебя смотрел, едва дыша,
Мне голос твой казался дивным пеньем,
И вся в слезах была моя душа.

И все ушло... В тоске воспоминанья
Сижу один, угрюмый и больной,
И молодой любви очарованья,
Как смутный сон, проходят предо мной.

Года идут, и чередой незримой
Уходят вдаль утехи бытия,
Но жар любви, но образ твой любимый,
Мой милый друг, ужель забуду я?

И, коль тебя переменили годы,
О, не кляни меня за этот стон!
Ищи в забвенье счастья и свободы,
Ведь старый друг — почти в могиле он!

ЖАЛОБЫ ДИМИТРИЯ ОНИКАШВИЛИ

Как придешь ко мне, госпожа моя,
Я в ногах твоих расстелюсь ковром.

Саят-Нова

Ах, в какое же я пекло попался!
Сам не знаю, как живым я остался!
Словно пес, я на улице валяюсь,

Как собака, у двери караулю,
Стерегу я балкон и два оконца —
Не покажется ли в них мое солнце?

Ах, от страсти я разума лишился,
Как слепой, я гляжу, не понимаю:
То ли солнце восходит над землею,
То ли снег повалил над головою!
Ах, неужто на свете есть счастливцы,
Что храпят по ночам на кровати,
Что с утра мечтают об обеде,
Что пируют в бане до рассвета?

Завернувшись в бурку овечью,
Я валяюсь и громко причитаю,
Но никто моих жалоб не слышит,
Но никто моих слез не замечает.
А случится на улице прохожий —
Спросит: «Что ты развалился, несчастный?»
Закричу я: «Тебе какое дело?
Неужели в голове нет смекалки?
Свет очей моих, владычица сердца
В этом доме, как солнце, сияет.
Так куда же мне отсюда податься?
Уж пора бы самому догадаться!»

Свет очей моих, сжалься надо мною,
Исцели мое бедное сердце,
Заблистай, словно солнце, на балконе, —
Я от радости землю поцелую!
Ах, скажи мне сердечное слово,
Удостой меня единого взгляда!
Как посмотришь — стану я вельможей,
Не вельможей — государем я стану,
Задеру я голову до неба,
Целый свет я вызову на битву!

Ворот настежь, шапка на макушке,
Побегу я на Куру, в Ортачалы, —
В Ортачалах приятели пируют,
Там веселье кипит до рассвета.
Пусть они, мои молодцы, посмотрят,

Что за счастье себе отыскал я,
Как налью себе я полную чашу,
Как я выпью за твое здоровье!

ПЕСНЯ КИНТО

Чт*о* я тебе? К кому ты привязалась?
Из-за тебя я весь огнем пылаю!
Проклясть хочу — проклясть язык не хочет.
Бранить хочу — бранить душа не хочет.
Бежать хочу — бежать нога не хочет.
Вай, горе мне, попал я, бедный, в пекло!
Чт*о* я тебе? К кому ты привязалась?

МУХАМБАЗИ

О сладкий голос мухамбази!
Чамчи-Мелко

Только я глаза закрою —
предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою —
над ресницами плывешь!

О царица, до могилы
я — невольник бедный твой,
Хоть убей меня, светило,
я — невольник бедный твой.
Ты идешь — я за тобою:
я — невольник бедный твой,
Ты глядишь — я за спиною:
я — невольник бедный твой!
Что смеяться надо мною?
Я — невольник бедный твой,
И шепчу я сам с собою:
«Чем тебе я нехорош?»

Только я глаза закрою —
предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою —
над ресницами плывешь!

Словно тополь шелестящий,
стан твой нежный для меня,
Светит радугой блестящей
стан твой нежный для меня,
Блещут молнией небесной
эти очи для меня,
Дышат розою прелестной
эти губы для меня.
Если б мог тебя спросить я:
«Ты когда ко мне придешь?»

Только я глаза закрою —
предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою —
над ресницами плывешь!

Семь дорог на нашем поле —
все они к тебе бегут!
Смутны думы поневоле —
все они к тебе бегут!
Растерял свои слова я —
все они к тебе бегут!
Позабыл свои дела я —
все они к тебе бегут!
Хоть бы раз меня спросила:
«Что с тобою? Как живешь?»

Только я глаза закрою —
предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою —
над ресницами плывешь!

Хоть и плачу неустанно, —
ведь не спросят: кто такой?
Ах, беда нам, Лопиана, —
ведь не спросят: кто такой?

Может, еле уж дышу я, —
ведь не спросят: кто такой?
Может, еле уж брожу я, —
ведь не спросят: кто такой?
Ты одна, моя царица,
боль души моей поймешь!

Только я глаза закрою —
предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою —
над ресницами плывешь!

Поезжай-ка в Ортачалы,
посмотри, каков я есть!
Как ударим мы в цимбалы,
посмотри, каков я есть!
Тамада в дыму табачном,
посмотри, каков я есть!
Молодец в бою кулачном,
посмотри, каков я есть!
Как посмотришь — так полюбишь,
как полюбишь — подойдешь.

Только я глаза закрою —
предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою —
над ресницами плывешь!

ЛИК ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ

(Фреска в Бетанийской церкви)

Твой светлый лик
Исполнен красоты,
Твой взор небесный светит, как денница.
Склонясь у ног твоих,
Ловлю твои черты
С благоговейным трепетом, царица!

Какой восторг
Стесняет сердце мне,
Как сотрясают грудь мою рыданья!
О, если бы я мог
С тобой наедине
Не вспоминать народные страданья!

Но все темней
На сердце у меня,
Куда ни глянь — везде одни руины...
О славе прошлых дней
Иверия твоя
Забыла в эти черные годины.

Как смутный сон,
Как невозвратный сон,
Исчез в веках расцвет твоей державы.
Из тьмы седых времен
Лишь мне сияет он,
Чтоб не погиб я без любви и славы.

На склоне лет
В годину тяжких бед
Пришел к тебе я бедным и скорбящим.
Склонись на голос мой,
Взгляни на край родной,
Благослови крестом животворящим!

Чтоб расцвела
Иверия опять
Среди народов, как в былые годы,
Чтоб церковь обрела
Господню благодать
И просвещенье снизошло в народы!

Чтобы воскрес
Могучий наш язык,
Сердца любовью к родине горели,
Чтоб до глубин небес,
Торжественно велик,
Вознесся стих бессмертный Руставели!

Чтоб, закален
В страданьях и борьбе,
Опять воспрянул гений иверийца!
Но что тебе мой стон?
Не внемлешь ты мольбе
И только в небо смотришь ты, царица!

О мать моя,
Иверия моя!
Откуда ждать на слезы мне ответа?
Униженный, больной,
Я — сын печальный твой,
И в сердце — ни надежды, ни привета!

Пройдут года...
Ужели в свой черед

Не расцветет земля моя родная?
    Ужели никогда
    Добычи не вернет
Проклятый ворон, в поле улетая?

    О грозный мир!
    В тебе пощады нет.
Как беззащитны мы перед судьбою!
    Где слава — наш кумир,
    Наш неизбывный свет?
Ужель ее мы видим пред собою

    Среди лесов,
    В глухом монастыре,
Где вековые свесились чинары,
    Где смотрит в глубь веков
    Сияющий горе
Небесный лик божественной Тамары?

МУША БОКУЛАДЗЕ

Что на меня так долго ты глядишь?
Чему ты удивляешься? Ужели
Рабочего ты видишь в первый раз,
Счастливец праздный? Грудь моя раскрыта,
Я весь пропитан потом, весь в пыли,
Вся кожа загрубела, как железо,
И ржавчиной на шею лег загар...
Я сердцем человек, но я гоним судьбою,
Я нищетою с детства угнетен.
Вся жизнь моя — одна сплошная мука,
Одна забота о насущном хлебе.
Чему дивишься ты? Морщины на лице
И преждевременные в бороде седины —
Все это след глубокой боли сердца,
Тяжелого труда, мучительных забот!
А ты не знал, что есть и бедняки
На этом свете, и нужда, и горе?
Не удивляйся, посмотри сюда,
Взгляни в мое истерзанное сердце,
Там все записано, что видел в жизни я:
Измена брата, ближних притесненья,
Приятеля иудин поцелуй,
Несчастная судьба возлюбленной и раны
Давным-давно утраченной любви.

Безжалостно гонимый целым миром,
Я позабыл, чем некогда я был!
Осталось мне, в поту изнемогая,
Трудиться, помышляя лишь о хлебе.
И так проходит день, и так проходит ночь.

О, не смотри так долго на меня!
Мне нелегко мириться с нищетою,
Но я тружусь... Другие же поют —
Счастливые сердца, не знающие скорби!
Как часто из садов доносятся ко мне
И шум пиров и радостные клики!
Саят-Нова стихом мне сердце жжет.
О, как бы я хотел подать отсюда голос,
Чтоб он ворвался в этот шумный праздник!
Но я молчу. Не пара я счастливцам!
И горестный я сдерживаю вздох,
И слезы вытираю я украдкой.
Ах, кто услышит голос бедняка!

Так кто же я такой и как зовусь я в мире,
Я, не умеющий припомнить в целой жизни
Ни одного безоблачного дня?
Мучительным трудом мою убили юность,
Лишили в старости любви и утешенья,
Последний луч надежды погасили...
Да будет проклят тот, кто шлет благословенья
Рабочему, не знающему счастья!
Среди людей его за человека
Не признает жестокий этот мир!

Что смотришь на меня, печального, больного?
Да, я состарился, и, кроме вечных мук,
Мне ничего не сохранила память...
Чем наслаждался я? О чем мне сожалеть,
Кончая жизнь? Каким я в мир явился,
Таким и ухожу, забытый, как всегда.
И непонятно мне мое существованье
Под страшными ударами судьбы.
Кого хвалить, кого бранить — не знаю,
Но что ни день, то новые мученья, —
Уж не украл ли я осла чужого?

Зачем же ты дивишься на меня,
Как будто я не создан человеком?

Да, это верно, что на мне лохмотья,
Но разве глух я к голосу добра?
Когда со мною говорит священник,
Я слушаю его с таким вниманьем...
Его слова порою мне неясны,
Но как легко на сердце мне от них!
Есть сила чудная в святых его молитвах,
И, озаренная небесной благодатью,
Моя душа превозмогает бурю
Ужасных помыслов, и сладостный покой
Нисходит на измученное сердце.
И вспоминаю юность я свою,
И голос матери мне слышится, и ласку,
Давно забытую, я чувствую опять,
И как живая мать перед глазами!
И больше не хочу я проклинать
Мое рожденье и судьбу мою, и даже
Тяжелый труд не тяготит меня.
И засыпаю ночью я спокойно,
И кажется — над хижиной моей
Незримо реют ангельские крылья...

Сын роскоши, питомец неги праздной,
Все в этом мире отдано тебе!
Цветы долин, блистательное солнце,
Весна с ее живым благоуханьем —
Все в этом мире только для тебя!
Прекрасные тебе сияют очи,
К тебе свой стан красавица склоняет,
В морях необозримых корабли
Везут тебе сокровища искусства,
И я, рабочий, силою своей,
Трудом своим безропотным и п*о*том
Тебе, тебе обязан я служить!
Когда я утром с улицы соседней
Сметаю мусор, чтобы эта грязь
Твое не раздражала обонянье, —
Издалека слежу я за тобой,
Почтительно и долго выжидая
Твоей подачки гнусной... Ты — мой царь!
Ты — обладатель мира! Пес смердящий
Я пред тобой, не боле. А за что?
Уж не украл ли я осла чужого?

Что говорить! Ужель не понял ты,
Каких трудов кусок мне стоит хлеба,
Как сушит бедность сердце бедняка,
Как затемняет разум, как жестоко
Бросает в мрак сияние души?
Довольно слов. Иди своей дорогой,
Мурлыча под нос песенку свою.
Настанет время — горестную ношу
Сложу и я, сложу у тех ворот,
Где мы с тобой, как равные, предстанем,
Где вечный ожидает нас покой.

ПСАЛОМ

Кто, смертный, достоин взойти
        на высокую, светлую гору,
Священную гору, где ангелы славят
        величие бога?
Правдивый душою, чье сердце незлобно,
        чьи помыслы чисты,
Кого никогда не касался
        губительный яд лицемерья,
Кто, полный великой любви,
        прегрешенья чужие прощает...
Кого не прельстила навек
        оболочка блестящая мира,
Которая солнцу подобна
        в своем преходящем величье,
Кто сильному мира сего
        не боялся напомнить о правде,
Кто падшему брату свою
        протянул милосердную руку...
Воистину, этот достоин
        взойти на священную гору,
Ликуя, при ангельских кликах
        о дивном величии бога!

СОСТАРИЛСЯ

Состарился, а счастья нет в помине,
И родина погублена моя,
И уж надежды в сердце нет отныне...
Какую скорбь несу в могилу я!

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ, ИЛИ ПИР ПОСЛЕ ЕРЕВАНСКОЙ БИТВЫ

Тост

Тихо ночью над полями,
В темноте умолкнул бой.
Озаренное огнями
Войско пир справляет свой.
Вот и месяц показался,
Весь в лучах вверху горит.
Выпьем все, кто жив остался, —
Небо храбрых сохранит!

Братья, чаша круговая
Пусть бежит вокруг огня.
Слава тем, кто, умирая,
Встретил смерть на склоне дня!
О вино, вино хмельное,
Ты рождаешь в сердце пыл.
Подружился кто с тобою —
Тот все горе позабыл!

Воины

О вино, вино хмельное,
Ты рождаешь в сердце пыл.
Подружился кто с тобою —
Тот все горе позабыл!

Тост

Братья, чаши поднимая,
Славных предков мы помянем,
Кровь свою они, сражаясь,
В дар отчизне принесли.
Их величие и слава
Озаряют нас сияньем,
Наши помыслы возносят
Над заботами земли.

Как огонь, забытый в поле,
Одинокий, сиротливый,
Что колышется и гаснет,
Исчезая навсегда, —

Предан вечному забвенью
Будет каждый нерадивый,
Кто прошел свой путь и сгинул,
Не оставив здесь следа.

Кто нам скажет, кто покажет,
Где герои подвизались?
Время сгладило, сровняло
Их надгробия с землей.
Но поныне имена их
В нашей памяти остались,
Свято чтим мы их деянья,
Славим меч их боевой!

Братья, взор благоговейно
Обратим к былым векам,
Лики светлые героев
В глубине теснятся там.
Это кто с глубокой думой
Над Иверией встает?
Неужели край любимый,
Увидав, не узнает?

Это ты, самодержавный,
Мудрый духом Фарнаоз,
Это ты отчизне славной
Книгу первую принес.
Вся Иверия с тобою,
Став единой, процвела
И своих царей-героев
Вечной славой облекла.

Вот, исполнен чудной силы,
Светом бога осиян,
Древних идолов в могилы
Царь свергает Мириан.
Тьму Иверии старинной
Новый вытеснил Завет.
В небо глянули грузины
И познали вечный свет.

Львом и волком шлем украшен [1]*,
Меч сверкает, гром гремит...
Это кто, могуч и страшен,

* Здесь и далее цифрами обозначены примечания Г. Орбелиани, помещенные в конце поэмы.

Словно бог войны, летит?
Это славный Горгаслани,
Муж, прославленный в веках.
Где его подъяты длани,
Там враги разбиты в прах.

Неба милостью святою
Над растерзанной страною
Был поставлен юный витязь,
Вдохновенный царь Давид[2].
В битве — грозный полководец,
Был в судах он миротворец,
Речь его шумела в мире,
Как поток в лесу шумит.

Он сказал: «Восстаньте, грады!»
И они из праха встали.
Он прошел через пустыни —
И пустыни расцвели.
Где киркою он ударил —
Всюду храмы засияли.
И прославили в них бога
Дети верные земли.

Он воззвал — и, словно феникс,
Возрождается столица,
Прочь бежит султан разбитый[3],
Жизнь повсюду бьет ключом.
До Ширвана и Дербента[4]
Простирается граница, —
Так Давид страну родную
Очертил своим мечом.

Вот сияет лик небесный,
Взор очей струится вдаль,
Словно тополь — стан прелестный,
Пальцы тонки, как хрусталь.
Обладательница дара
Голубиной доброты —
Это шествует Тамара,
Как богиня красоты.

Сила, Слава, Добродетель
Перед ней несут венец,
Царства мудрого свидетель —

Славит дни ее певец.
Под знаменами — Орбели,
Шота мудрый, Чкондидели,
Полководец Мхаргрдзели,
Гамрекели — вождь-храбрец.

Поднимая стяг Тамары,
В Дидубе[5] со всей округи
Собрались для общей брани
Кахетинец и тушин.
На хевсуре и на пшаве
Как огонь горят кольчуги.
Вот — могучий карталинец,
Вежливый имеретин.

Месх, прославленный ученый,
Осетин, проворный воин,
Меткий стрелами абхазец,
Храбрый горец и мегрел —
Каждый с почестями встречен,
Каждый ласки удостоен...
Сердце царское — как море,
Где в нем милостей предел?

Ополчились, полетели,
Пал Карну[6] перед бойцами,
От высоких стен Синопа
Не осталось и руин.
Миновав Арез с Тавризом,
Каплан-Ку прошли рядами
И великий гнев господень
Обратили на Казвин[7].

Но проходит время славы...
Вот царица Кетевана[8],
Воспитательница сирых,
Возлюбившая свой край.
Вот огнем ее пытают
В подземелиях Ирана,
Вот душа ее святая
Улетает в светлый рай.

Вот в венцах своих проходят
Три Кахетии героя —

Элизбар, Шалва, Бидзина [9],
Пораженные мечом.
Жертвы гнусного тирана,
На краю могилы стоя,
Молят бога за отчизну
В слове горестном своем.

Вот среди иных убитых
Девять братьев знаменитых [10],
Что на поле бранной чести,
Все в крови, упали вместе.
Вот герой Амилахвари,
Что погиб за государя [11],
Вот Заалы, их четыре,
Нет иных подобных в мире [12].

Вот Вахтанг Законодатель,
Царь с несчастною судьбою,
Покровитель просвещенья,
Почитатель мудрых книг.
Смерть он встретил на чужбине [13],
Не оплаканный страною,
Чьи страдания и нужды
Он с младенчества постиг.

Вот отчизны украшенье,
Вождь, прославленный в веках,
Чудо храбрости в сраженье,
Царь Ираклий Малый Ках [14].
Он идет врагам на горе,
Меч сверкает, обнажен,
Взор горит, и в этом взоре
Жребий битвы предрешен.

Дни Ираклия подобны
Солнцу в пламени заката:
Лик его уже сокрылся,
Лишь играют пламена.
Не увидят больше люди
Меч Ираклия крылатый,
Слава родины любимой
Вместе с ним погребена.

Вот Леван с отцовским стягом [15],
Полный мужественной силы.
Был в сраженьях он кровавых
Силой божией храним.
Но, повергнутый раздором,
Он сошел во мрак могилы,
И престол царя великий
Пошатнулся вслед за ним.

Но взгляни, какое пламя
Поднялося над Кварели.
Дагестан идет с войною,
Бойтесь лютого врага!
Двадцать восемь дней над нами
Боевые пули пели.
Трудно было. Ослабели.
Где ж спасителя рука?

Вдруг две сотни Соломона,
Ратишвили и Отара [16],
Боста [17] и сыны Нодара,
Давид [18] и Бебуришвили
Появились, завопили,
Всех лезгин перерубили
И спасли красу ущелий,
Глаз Кахетии — Кварели!

Кто там, страшный, величавый,
Перед нами предстает?
Стяг его, покрытый славой, —
Войска верного оплот.
То Давид [19]. В его деснице
Смерти страшная коса.
Крикнет он — и враг смутится,
Проклиная небеса.

Это Волк Земли Захарий [20],
Тот, который средь врагов
Появляется в разгаре
Их набегов и пиров.
Покрывает войско славой
Грозной битвы каждый шаг.
Где блистает меч кровавый —
Исчезает всюду враг.

Так проходят сонм за сонмом
Победители-герои.
Кто Азата сокрушитель?
Кто с Тимуром был боец?
Вот воители Аспиндзи,
Что сражались над Курою
И окрасили теченье
Кровью вражеских сердец.

Дале — триста беззаветных,
Храбрых воинов Душета[21],
Что в Тбилиси появились
И поклялись головой:
«Если нам по божьей воле
Не достанется победа —
Да покроется позором
Кто живым придет домой».

И мечи, перекрестившись,
Перед битвой обнажили
И, как соколы, на персов
Понеслись со всех сторон.
Вражьи полчища рассеяв,
Сами головы сложили.
Не ушел никто из битвы:
Слово храброго — закон.

Но враги идут лавиной.
Пал Тбилиси, и с тех пор
Жизнь Иверии старинной
Замерла у края гор.

Где воители-герои
Истекали жаркой кровью,
Там теперь в садах зеленых
Шум пиров, вино, огни...
Незабвенные святыни,
Освященные любовью,
Лишь невежество ногами
Попирает в наши дни.

О бесстрашные герои,
Наша гордость вы и слава!
Поколенья не забудут

Ваших подвигов и сеч.
Услыхав о ваших битвах,
Прослезится старец слабый,
Пылкий юноша в восторге
Грозно схватится за меч.

Воины

О бесстрашные герои,
Наша гордость вы и слава!
Поколенья не забудут
Ваших подвигов и сеч.
Услыхав о ваших битвах,
Прослезится старец слабый,
Пылкий юноша в восторге
Грозно схватится за меч.

Тост

О желанная отчизна,
Преисполнено любови,
Чье восторженное сердце
Не трепещет пред тобой?
Кто, тебя в беде увидев,
Не прольет горячей крови,
Не пожертвует в сраженье
Непокорной головой?

Кто не любит тех селений,
Где, увидев божий свет,
Жили мы без треволнений,
Вдалеке от всяких бед;
Где ласкали нас родные,
Охраняя наш покой,
Где познали мы впервые
Пламень сердца роковой;
Где красавицы, похитив
Наше сердце в первый раз,
Со слезами в божьем храме
Молят господа за нас?

В том краю горит над нами
Весь лазурный небосвод,
В вышине, блестя лучами,
Солнце царственно плывет.
Ночи звездной бирюзою

Там сияют под луной,
Там прохладою ночною
Дышит воздух надо мной.

Там ледяными венцами
Горы до неба стоят,
Реки, стиснуты горами,
Вал над валом громоздят.
Бездны там зияют хмуро,
Скал вздымаются бока,
Там охотник гонит тура,
А под ними — облака.

Там зеленые долины
Изумрудом отливают,
Там ключи с журчаньем тихим
Нас встречают на пути.
У ручьев цветы толпятся
И головки наклоняют.
Мы глядим — и сердце бьется,
И глаза не отвести...

Где, в каком углу вселенной
Встретишь Грузию другую?
Этот храбрый, и радушный,
И воинственный народ?
Времена не изменили
Душу воина живую:
Любит он родную землю
И в обиду не дает.

За отчизну выпьем, братья,
Эту радостную чашу!
В благоденствии и славе
Пусть цветет она вовек!
Пусть главу ее до неба
Воздымает храбрость наша
И великою любовью
К ней пылает человек!

Мы возлюбим больше жизни
Счастье родины своей,
Встанем грудью за отчизну
Перед сотнями мечей!

Пусть над нашею могилой
Скажет путник сквозь рыданья:
«Нет, недаром их растила
Наша славная страна!»
Мир, увы, того не стоит,
Чтоб ценить существованье,
Если жизнь твоя бесплодна
И отчизне не нужна.

За отчизну, братья, встанем
Перед сотнями мечей.
Умирая, мы прославим
Имя родины своей!

Воины

О желанная отчизна,
Преисполнено любови,
Чье восторженное сердце
Не трепещет пред тобой?
Кто, тебя в беде увидев,
Не прольет горячей крови,
Не пожертвует в сраженье
Непокорной головой?

Тост

Горе мне: разбито сердце,
Жжет его любови пламя.
О, зажгись, святая дружба,
Как счастливая звезда!
Освети дорогу жизни
И усей ее цветами
И настойчивому сердцу
Будь сопутником всегда.

Мы тебе, святая дружба,
Посвящаем эту чашу,
Жертва слуг твоих усердных —
Пусть она сверкает вновь.
Руку в руку! Лобызаньем
Воскресим мы радость нашу.
Выпьем, братья, и прославим
Нашу братскую любовь.

Что есть жизнь, когда заслугой
Добрых дел мы не считаем,
Если мы не облегчаем
Павших скорбную юдоль,
Если зло не изгоняем
И добро не охраняем,
Равнодушные к страданьям,
Не целим чужую боль?

Эту мысль в душе лелея,
Малодушье превозможем,
Угнетателей изгоним,
Беззаконье укротим.
Осмеем корысть людскую
И навеки уничтожим
Все, что давит человека
И мешает быть благим.

Дайте каждому таланту
Путь широкий и прямой.
Дар ниспослан человеку,
А не знати родовой.
Человек есть тот, кто свыше
Силой неба одержим.
Лишь его прославлен подвиг,
Вся страна гордится им.

Но довольно... Выпьем, братья!
Как нам знать, когда разлука?
Не готовит ли погибель
Нам сегодняшняя ночь? [22]
О, как тяжко после битвы
Опускать в могилу друга
Иль в опасности великой
Человеку не помочь!

День веселья прихотливый
Как цветок сорвем красивый.
Он один благоухает,
Поднимаясь из травы.
Кто надеется на завтра,
Тот упустит миг счастливый.
Новый день взойдет над нами,
Но обманчив он, увы!

Верной дружбе посвятим мы,
Братья, наше достоянье,
Подымая к небу чаши,
Возгласим обет святой:
Нашей дружбе не изменим
До последнего дыханья,
Друг погибший наши слезы
Унесет во гроб с собой.

Воины

Пейте, братья, и пируйте!
Как нам знать, когда разлука?
Не готовит ли погибель
Нам сегодняшняя ночь?
О, как тяжко после битвы
Опускать в могилу друга
Иль в опасности великой
Человеку не помочь!

Тост

Братья, славу и сраженье
Позабудем на мгновенье.
Мы любовь прославим ныне,
Нашей жизни торжество.
Не она ль нас возвышает,
Нашу душу освещает?
Человек в любви прекрасен
И похож на божество.

День любви, куда ты скрылся?
Сон, куда ты удалился?
Неужели я напрасно
Жду тебя с улыбкой ясной?
О светильник нежной страсти,
Неужели ты погас?
Неужели это счастье
Было мне в последний раз?

В час, когда полюбит сердце,
Вся душа у нас в расцвете.
О, как радостно для милой
Позабыть про все на свете,
Чтобы ею любоваться,
И пред нею преклоняться,
И страдать с разбитым сердцем,
И надеждой утешаться!

О цветок любви волшебный,
С неба посланный судьбою!
Ты увянешь — и от счастья
Не останется следов.
Как сорвать цветок волшебный?
Весь в шипах он предо мною.
Но шипы, пронзая слабых,
Закаляют храбрецов!

Разве ценит равнодушный
Наши тяжкие страданья,
Если он любви не знает
И ее очарованья.
Но взгляните: если розу
Ветер утренний качает —
Как она шумит листами,
Как она благоухает!

У кого любовный пламень
Дни и ночи сердце гложет,
У кого в душе навеки
Милый лик запечатлен, —
Перед тем на белом свете
Устоять ничто не может
И чего с мечом в деснице
Не достигнет только он!

Кто из нас для счастья милой
Не захочет жизнь отдать —
Ради той, кто наше сердце
Заставляет трепетать?
Каждый вздох о ней и каждый
Сердца пламенный удар,
Каждый помысел о милой —
Все любови нежный дар.

Гонит нас судьба жестоко,
Наша милая далеко,
Но цветов благоуханье
Нам струит ее дыханье.
Если ж утром засияет
В небесах звезда златая,
Кто в ней милой не узнает,
Улыбнувшейся из рая?

Стоит ночью позабыться —
Милый образ нам приснится.
О, как сладко то виденье!
Как печально пробужденье!

Мы за милую подымем
Чаши, полные давно!
Пусть слеза ее просохнет,
Как просохло в чаше дно!
Пусть она живет в веселье,
Пусть тоска ее бежит.
О, как сладко в час свиданья
Наше сердце задрожит!

Я к тебе, моя богиня,
Обращаю речь мою.
О тебе одной вздыхаю,
О тебе одной пою.
Мне о ком еще томиться?
Жалко молодость свою.

Мне, быть может, уж могила
Уготована судьбой.
Смолкну я — и слезы милой
Не прольются надо мной,
Не услышу в час унылый
Незабвенный голос твой.

Полумертвыми устами
Не прильну к твоим рукам,
Чтобы образ твой любимый
Взять к нездешним берегам, —
Радость в нем, и искупленье,
И бессмертное горенье...
Пусть умру! Избегнув тленья,
Буду я любить и там.

О души моей бессмертье,
Радость жизни неземной!
Никогда любимый образ
Не расстанется со мной,
Не угаснет в час кончины
Жар любви пережитой.

Если ж мы любовь теряем,
Что взамен мы получаем?
Без любви и рай господень
Нам покажется тюрьмой.

Воины

Мы за милую подымем
Чаши, полные давно!
Пусть слеза ее просохнет,
Как просохло в чаше дно!

Рассвет

Уж пурпурная с востока
Поднимается денница,
Небо радостью объято,
Все готово пробудиться.
Зажигаются, как пламя,
Облака над головою.
Небо рдеет, и блаженство
Охватило всех с зарею.
Тают сонные туманы,
В небе звезды угасают,
Стоголосым пеньем птицы
Солнце радостно встречают.
Ветерок над нами веет,
Освежающий дыханье,
Слышен листьев тихий шелест
И цветов благоуханье.
Посмотрите, как красиво
Просыпается природа.
Чу! Запел среди деревьев
Соловей, певец восхода.
Вот Ираклия вершина,
Арарат во мгле тумана,
Вот бушующая Занга
И твердыни Еревана.

Утро

О, как чист прозрачный воздух
В это утро золотое!
С сердца он печаль снимает,
Радость льет на все живое.
Боже, кто постигнуть может

Красоту твоих творений!
Мрак ты светом разгоняешь,
Самой смертью жизнь рождаешь!
Бивуак зашевелился...
Трубят зорю над рекою...
Поднимаются отряды,
Приготовленные к бою.
Выстрел... Всадника теряя,
Мчится конь... Пошла потеха!
О, зачем мы в это утро
Жаждем крови человека?
Встанем, братья, выпьем чашу
За победу над врагами.
Тех, кто с поля не вернется,
Вспомним с горькими слезами.
Словно сон недолговечный.
Кончен, кончен пир ночной.
Мы идем, куда зовет нас
Зов судьбины роковой.

ЭПИЛОГ

Посвящается Александру Джамбакур-Орбелиани

Где теперь друзья былые,
Что во мраке этой ночи
Вместе с нами пировали,
Наши радовали очи?
Нету их... ушли навеки...
Дни былые миновались,
Никого вокруг не вижу,
Только мы с тобой остались.
И зачем, зачем сказал я
То, что здесь тебе сказал я?
Не сумел, увы, сказать я
То, что должен был сказать я!
То, что должен был сказать я,
В сердце раненом скрываю,
Потому я и тоскую,
И печалюсь, и страдаю.
Если ж ты понять сумеешь
Сердцу родственные звуки,

Я забуду яд, что выпил
В этой жизни, полной муки.
Что мне ждать на этом свете?
Что желать? К чему усилья?
Я не тот, что был когда-то.
Уж не помню, как любил я.
С каждым днем уходит счастье.
Скорбно будущее, знаю,
И бесплодное былое,
Одинокий, проклинаю.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА К ПОЭМЕ «ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ»

[1] У царя Вахтанга на шлеме были изображены волк и лев, поэтому кизилбаши прозвали его Горгасланом.

[2] Давид Строитель, который воцарился после того, как Грузия была совершенно разорена магометанами.

[3] Шемаханский султан поспешно отступил, испуганный приближением войска царя Давида.

[4] Тогда границами Грузии были Ани, Шемаха и Дербент (см. летопись «Жизнь Грузии»).

[5] Дидубе назывался район, где теперь находится Муштаидский сад, набережная до Суконной фабрики и поле в сторону к Авчалам. В Дидубе был дворец царицы Тамары, в котором происходила ее вторая свадьба.

[6] Карну — город, нынешний Арзрум.

[7] Именно по этому пути в 1827 году прошли до Мианы победоносные русские войска под командой князя Паскевича.

[8] Царица Кетеван.

[9] Элизбар Чолокашвили, Шалва и Бидзина — ксанские эристави.

[10] Сыновья Херхеулидзе, прославившиеся храбростью, погибли в Марабдинском сражении с войсками Шах-Аббаса.

[11] Некто из рода Зедгенидзе предупредил царя (кажется, Георгия XI) о том, что заговорщики намереваются убить его ночью. Царь ему не поверил. Тогда Зедгенидзе, чтобы доказать правоту своих слов и спасти царя, лег в царской опочивальне, где в ту же ночь был убит заговорщиками. За этот подвиг царь присвоил роду Зедгенидзе звание Амилахвари.

[12] Представители родов Орбелиани, Бараташвили, Андроникашвили-Кузиани и сын Борта Мачабели. Царь Ираклий говорил: «Каждый Заал стоит целого воинства».

[13] Царь Вахтанг похоронен в Астрахани.

[14] Кахетинцы называли царя Ираклия Маленьким Кахом и пели в песне: «Государь, царь Ираклий, МаленькийКах».

[15] Сын царя Ираклия, мудрый и отважный человек. Царь пожаловал ему свое знамя и две тысячи храбрых воинов. По его совету царь ввел регулярную армию (см. «Записку Буткова»). Говорят, будто Леван был отравлен своей супругой (со слов А. В. Орбелиани).

[16] Соломон и Отар были братьями Квабулашвили.

[17] У царя Ираклия, потерпевшего поражение от чарельцев в долине Алазани, пала утомленная лошадь. Царь попросил коня у кизикийского моурави Тамаза Андроникашвили, но тот сказала «Государь, садитесь со мною, и мы оба спасемся, а то враг наступает». «Позор тебе и коню твоему!» — ответил царь. В это время подъехал юноша и отдал царю своего коня. Этот юноша был Боста, чей род, получивший от царя дворянство, известен доселе под фамилией Бosташвили.

[18] Давид Бараташвили.

[19] Давид Орбелиани, прославленный полководец, благодаря которому были одержаны большие победы над Азат-ханом около Еревана и над османо-лезгинами в Аспиндзском бою.

[20] Захарий Андроникашвили, кизикийский моурави, отважный боец; лезгины прозвали его «Волком Земли».

[21] Триста арагвинцев пришли в Тбилиси из Душети во время нашествия Ага-Магомет-хана, поклялись в верности царю, и ни один из них не вышел живым из боя. Они сражались во главе с царевичем Вахтангом и пали возле садов Крцаниси (со слов А. В. Орбелиани).

[22] В Ереванском форштадте был убит Симон Вачнадзе, в Джаван-Булагском бою — Габриэль Сологашвили и около Урдо-Аббата — Симон Чавчавадзе. Все трое были прекрасными, умными юношами. Габриэль был всадником, достойным кисти художника, в то время как в Грузии было множество блестящих всадников.

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

●

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ГОРАМ КВАРЕЛИ

Горы Кварели! Вдали от родного селенья
Может ли сердце о вас вспоминать без волненья?

Где бы я ни был, со мною вы, горы, повсюду, —
Сын ваш мятежный, ужели я вас позабуду!

Помню, ребенком, исполнен неясной заботы,
Весь замирая, смотрел я на ваши высоты.

Но не от страха тогда мое сердце дрожало —
Я и в младенчестве вас не боялся нимало.

Полный восторга, взирая на ваше величье,
Дивные тайны стремился душою постичь я —

Тайны вершин, пропадающих в дымке туманов,
Где раздается ликующий гул ураганов,

Где, задыхаясь, летит караван журавлиный,
Еле равняясь с далекою вашей вершиной!

О, как я жаждал невинною детской душою
В буре и мраке взлететь высоко над землею!

О, как мечтал я, почуяв орлиные крылья,
Тронуть крылами сверкающих льдов изобилье!

В час, когда ветры, нарушив ночное молчанье,
Львиное в пропасти вдруг исторгали рычанье,

О, как дрожал я! Но, внемля раскатам обвала,
Звуки родные душа моя в них узнавала.

Детскому сердцу довольство собой незнакомо,
Ныне же, горы, я горд, что воспитан я дома,

Ныне горжусь я, что, сын этой дикой природы,
Вырос я в бурях и рано узнал про невзгоды.

Горы, свидетели детских моих огорчений,
Как я взывал к вам в порыве сердечных мучений,

Как я от вас утешения ждал и привета!
Но, как всегда, не давали вы, горы, ответа.

Этого чудного, полного тайны молчанья
Вплоть до последнего я не забуду дыханья...

Горы Кварели, сопутники юности нежной,
Долг перед жизнью влечет меня в путь неизбежный,

Судьбы грядущего требуют нашей разлуки, —
Можно ли требовать более тягостной муки!

Копь мой торопится, сердце томится в печали,
С каждым вы шагом уходите в синие дали...

Вот вы исчезли... И только вершины седые
Еле видны... И расстался я с вами впервые...

Тщетно глаза я от солнца рукой прикрываю,
Тщетно я взоры в пустое пространство вперяю —

Всюду раскинулись синего неба просторы,
Уж не венчают их больше прекрасные горы!

О, так прощайте же, дивные горы Кварели!
Сердце мое, полюбившее вас с колыбели,

Вечной любовью к великой отчизне пылая,
Вам улыбнется, рыдая, из дальнего края!

* * *

Пусть я умру — в душе боязни нет,
Лишь только б мой уединенный след
Заметил тот, кто выйдет вслед за мною;
Чтоб над моей могильною плитою —
Далекий житель солнечных долин —
Склонился мой возлюбленный грузин
И голосом, исполненным волненья,
Мне пожелал в земле успокоенья
И так сказал: «Хоть рано ты умолк,
Но ты исполнил свой великий долг,
И песнь твоя от самого начала
Нам не напрасно издали звучала!»

* * *

Страдал и я. И я отлично знаю,
Что впереди еще немало бед,
Ио не о том я слезы проливаю
И не о том грущу во цвете лет.

Все вынесу: жестокое страданье,
Позор друзей, ушедших от борьбы,
Любовных клятв забуду поруганье, —
Приму любой удар моей судьбы.

Все вынесу с отвагою железной,
В борьбе с судьбой не запятнаю честь,
И лишь никчемность жизни бесполезной —
Вот я чего не в силах перенесть!

ЭЛЕГИЯ

В туманном блеске лунного сиянья,
В глубоком сне лежит мой край родной.
Кавказских гор седые изваянья
Стоят вдали, одеты синей мглой.

Какая тишь! Ни шелеста, ни зова...
Безмолвно спит моя отчизна-мать.
Лишь слабый стон средь сумрака ночного
Прорвется вдруг, и стихнет все опять.

Стою один... И тень от горных кряжей
Лежит внизу, печальна и темна.
О господи! Все сон да сон... Когда же,
Когда же мы воспрянем ото сна?

МУША

> В труде проходит жизнь его
> И не приносит ничего.

I

В знойный день в Тбилиси, около базара,
Проходил я часто. Черный от загара,
У стены лежал ты, брат мой несчастливый,
Сердце надрывал мне твой напев тоскливый.
Жизнь твою прочел я в скорбных этих звуках —
Труд во имя хлеба в горестях и муках.
Кто ты, брат мой бедный? В чем твоя кручина?
Может, не стерпел ты плети господина
И, семью покинув, кров забыл домашний,
Бросил дом отцовский, распростился с пашней?
Иль судьба бесчестно парня обманула,
Выгнала из дому, жизнь перевернула?
На людей надежды также не сбылися...
Но куда пришел ты? Что нашел в Тбилиси?

II

Низко ты склонился под мешком, бедняга!
Хриплое дыханье сотрясает грудь,
Прилипает к телу потная рубаха,
Подкосились ноги, шагу не шагнуть!
Люди к этим мукам полны безразличья.
Вот летит на дрожках важный господин,
И тебя, частицу божьего величья,
Сшиб он, опрокинув, как пустой кувшин.
Ты перевернулся. Над твоим позором
Грянул дружный хохот. Вот так акробат!
И никто не дрогнул перед этим взором,
Хоть зажегся гневом твой суровый взгляд!
Не сказав ни слова, ты мешок хватаешь,
Посинели жилы, но не сдвинуть кладь,
На глазах народа ты изнемогаешь,
Помощи, как видно, неоткуда ждать!

III

Наконец добрел ты к дому еле-еле,
Вытер пот горячий рукавом шинели,
Дышишь полной грудью, отдохнув в прохладе,
Ждешь, покуда вспомнит богатей о плате.
Но хозяин медлит, он известный скряга.
Снова ты обсчитан, труженик-бедняга!
И опять твердишь ты о несчастной доле, —
Ты ли не работал, словно буйвол в поле?
Ведь с тобой, носильщик, коль нужна работа,
Будут торговаться до седьмого пота,
Сытого накормят, а несчастный нищий —
Будешь ты доволен нищенскою пищей!
Так несправедливо обделен судьбою,
Свой куртан пристроишь ты под головою
И заснешь в потемках на сиротском ложе,
Чтобы завтра снова испытать все то же.

IV

Так всю жизнь в работе, муке и печали,
Не отведав счастья, проживешь ты, друг,
До тех пор, покуда где-нибудь в подвале
Не ударит в сердце тягостный недуг.
Будешь ты валяться на своей постели,
Будешь покрываться полами шинели,
Будешь, одинокий, в муках умирать.
Не заплачет горько над тобой подруга,
Не придут детишки, прячась друг за друга,
Не застонет в муке старенькая мать.
Ты умрешь, и тело на носилки бросят,
И без слез зароют труп холодный твой,
И никто не вспомнит, и никто не спросит,
Как ты жил когда-то на земле родной.

ПЕСНЯ ГРУЗИНСКИХ СТУДЕНТОВ

Мать, воспитывая сына,
Нас в пример пускай берет,
Ибо мы — семья едина,
Возлюбившая народ.

В поздний час мы пляшем смело,
И веселье нам к лицу,
В час труда, в минуту дела
Не уступим мудрецу.

Не игрушка мы вельможам,
Гнет студенту нетерпим.
В горе слабому поможем,
Справедливого почтим.

Мы, шагая по дороге,
Вечно движемся вперед.
Снова ставим мы на ноги
Тех, кто сзади упадет.

Нет у нас иных стремлений,
Мы обязаны идти,
Чтоб для новых поколений
Быть примером на пути.

Дети юные отчизны,
Мы мечтаем день и ночь,
Чтоб во имя светлой жизни
Нашей родине помочь.

Молодое братство наше
Ценит первенство свое.
В день, когда страна прикажет,
Встанем грудью за нее.

Ибо мы — семья едина,
Возлюбившая народ.
Мать, воспитывая сына,
Нас в пример пускай берет!

ВЕСНА

Лес расцветает нарядный,
Ласточки в небе поют.
Листья лозы виноградной
Слезы весенние льют.

Горы все краше да краше,
Луг разноцветный пригож.
Милая родина наша,
Ты-то когда расцветешь?

КАК ПОСТУПАЛИ, ИЛИ ИСТОРИЯ ГРУЗИИ XIX ВЕКА

Повстречав однажды деда,
Я зевнул, как полагалось,
Он зевнул, и вот беседа
Между нами завязалась.
— Дед, — сказал я, — ты на свете
Жил немало. Сделай милость,
Чем, скажи мне, в годы эти
Наше племя отличилось?

Например, когда иссякли
Силы Грузии единой
И ушел от нас Ираклий,
Благодетель наш старинный, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Всем известно: рот разинув,
Лишь чесались да зевали.

— А когда Георгий в горе
Воцарился на престоле
И враги восстали вскоре,
Чтобы он не правил боле, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Разоряясь понемногу,
На куски друг друга рвали.

— А когда от неустройства
Стал не рад Георгий жизни
И не стало в нас геройства,
Чтоб служить своей отчизне, —
Как тогда мы поступали?

— Как тогда мы поступали?
Мы за помощью в Россию
Со слезницей побежали.

— А когда лезгин весною
Царь привел для ополченья
И пожертвовал казною
Ради общего спасенья, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
На тахте мы развалились
И душой возликовали.

— А когда почил в могиле
Наш Георгий и царевы
Братья, ссорясь, повалили
Царства нашего основы, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Мы их всех поодиночке
Предавали, предавали.

— А когда в державе павшей
Воцарился царь соседский
И судьбу отчизны нашей
Стал швырять, как мячик детский, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Мы, отвагою пылая,
На Кабахи в мяч играли.

— А когда нам становилось
С каждым часом тяжелее
И когда явивший милость
Затянул петлю на шее, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
На одной мы сковородке
Все поджариваться стали.

— А когда в жестоком пекле
День мы прокляли рожденья,
И мыслишки в нас окрепли,
И пришло в порядок зренье, —

Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Собираясь на задворках,
Перешептываться стали.

— А когда про эти речи
Услыхали наши власти
И, загнав в хлевы овечьи,
Проучили нас отчасти, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Мы в испуге друг на друга
Клеветали, клеветали.

— А когда ценой доноса
Кой-кто спасся невредимый
И смотреть мы стали косо
На печаль земли родимой, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Мы без просыпу от счастья
Пировали, пировали.

— А когда, весь день с гостями,
Позабыли мы про дело
И мошна за кутежами
Понемногу опустела, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Мы именья друг у друга
Оттягали, оттягали.

— А когда таким манером
Разорили мы друг друга
И, к крутым прибегнув мерам,
Подожгли свой дом с испуга, —
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
У костра мы грели руки
И на бога уповали.

— А когда все наше зданье
Превратилось в пепелище
И когда у нас дворяне
Стали немощны и нищи, —
Как тогда мы поступали?

— Как тогда мы поступали?
Мы вскарабкались повыше
Да крестьян в тиски зажали.

— А когда крестьян подвластных
Унесло времен теченье
И в именьях, столь прекрасных,
Наступило разоренье,—
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Эх, сынок, к чему вопросы?
Тут-то мы и застонали!

— А когда мы этим стоном
Крепостных не возвратили
И о рабстве отмененном
Понемногу позабыли,—
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Банк придумали земельный
И над ним же хохотали.

— А когда, полезный детям,
Банк услышал от кого-то:
«Я бездетен, с банком этим
Мне возиться неохота»,—
Как тогда мы поступали?
— Как тогда мы поступали?
Мы, с правительством поладив,
«На плечо!» учиться стали.

— А когда... — Но рассердился
Старый дед и крикнул строго:
— Что ко мне ты прицепился?
Отвяжись ты, ради бога!
«Как тогда мы поступали?
Как тогда мы поступали?»
Как и ты, без дела шлялись
Да язык, как ты, чесали!

БАЗАЛЕТСКОЕ ОЗЕРО

Слыхал я, по селам блуждая,
Что в озере близ Базалет
На дне колыбель золотая
Стоит с незапамятных лет.

Ее обнимают купавы,
Ее омывает вода,
И вечнозеленые травы
Не вянут над ней никогда.

Кристально прозрачные воды
Теплы здесь и в холод и в зной,
Как будто законы природы
Не властны над этой водой.

Но в глубь этой чистой криницы,
В подводные эти сады
Никто из картвелов спуститься
Не мог, опасаясь беды.

Одни лишь наяды, играя,
Вокруг колыбели плывут.
И, сладкие сны навевая,
Волшебные песни поют.

Преданье гласит, что Тамара,
Царица грузинских земель,
На дне Базалетского яра
Поставила ту колыбель.

И слезы народной печали,
Из множества падая глаз,
Сверкающим озером стали
И скрыли святыню от нас.

Кого положила царица
В прекрасную ту колыбель,
Над кем эта влага струится —
Увы, неизвестно досель.

Но, может быть, там подрастает
Дитя для невиданных дел,
О ком дни и ночи мечтает,
Тая его имя, картвел.

Коль эти мечты не напрасны —
Да будет прославлен герой,
Кто первый в пучине прекрасной
Коснется святыни рукой!

Коль это случится на деле —
Да будет прославлена мать,
Пришедшая к той колыбели
Дитя молоком напитать!

●

ВИДЕНИЕ

Поэма

Посвящается Ив. Полторацкому
и Илье Цинамдзгвришвили

...Когда под старость сохнет роза увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.

Шота Руставели

I

Зажглось над миром дивное светило
И, разогнав остатки темноты,
Величественным светом озарило
Кавказских гор высокие хребты.

И в этот миг над горною грядою,
Блистая белоснежной головой,
В пространстве между небом и землею
Возник Казбек, суровый и немой.

В начале дней из недр земного лона
Его взметнули сонмы адских сил,
Ио, разорвав главой полнебосклона,
Оп изнемог и в воздухе застыл.

И вот гигантским ледяным кристаллом
Его глава под солнцем замерла,
И в дольний мир глядят, грозя обвалом,
Его снегов тяжелые крыла.

Как будто ждет он лишь трубы господней,
Чтоб в судный день низринуться с высот,
И самому погибнуть в преисподней,
И погубить с собою весь народ.

II

Но это утро было так прекрасно,
Так радостно струились волны рек,
Что даже, полный ярости опасной,
Смирился очарованный Казбек.

Небесному спокойствию внимая,
Безмолвная покоилась земля,
И небеса от края и до края
Свой дивный свет струили на поля.

Лишь разум мой, испытанный судьбою,
Не обольщался этой тишиной.
«Не верь, — шептал он, — счастью и покою:
Лгут небеса, лукавит мир земной.

Не в первый раз на этот мир злосчастный
Блаженная нисходит тишина,
Но никогда судьбы его ужасной
Не изменяла к лучшему она.

Все это ложь, что видишь ты сегодня.
Мир негодует, бедствуя давно.
Поистине проклятие господне
В безмолвии его заключено!»

III

Но прелесть утра все мои сомненья
Развеяла во мне, и наконец
Душа моя познала утешенье
В надежде, животворной для сердец.

Проникнутый блаженным упованьем,
Я погрузился в сладостный покой,
И сердце, истомленное страданьем,
Любовью озарилось неземной.

Могучей верой в мировое благо
Опять душа наполнилась моя,
И спала с глаз моих завеса мрака,
И слух воскрес для звуков бытия.

И дивные предстали мне виденья,
Исполненные мудрости, и в них
Таинственное было обольщенье
Для сокровенных помыслов людских.

IV

На высоте Казбека отдаленной,
Сверкая белоснежной сединой,
Чудесный старец, в думу погруженный,
В тот ранний час предстал передо мной

Глаза рукой от солнца заслоняя,
Смотрел он вдаль, где у подножья скал
Могучий Терек, волны погоняя,
Как злобный лев, метался и стонал.

Прислушиваясь к яростному вою
Мятежного питомца своего,
Громада гор стояла над водою
И повторяла возгласы его.

И путник, пробираясь по теснине,
Дрожал от страха, и зеленый лес
Шумел вдали, и посреди долины
Текла Арагва, полная чудес.

V

Люблю тебя, Арагва! Ты была
Свидетельницей доблести грузинской.
В былые дни страна моя цвела
У вод твоих красою исполинской.

Давным-давно, во мраке прошлых дней,
Ты видела расцвет страны моей
И колыбель отцов моих качала...

И чудится — от самого начала
Предания страны моей родной
Сокрыла ты холодною волной.

Там, где твои бушующие воды
Приемлет осторожная К у р а , —
Там бой кипел, там спорили народы
И кровь лилась с утра и до утра.

Поистине родной грузинской кровью
Здесь орошен земли моей оплот.
О, сколько раз с печалью и любовью
Смотрел я в глубь холодных этих вод!

Что я искал? Забытое былое?
Погибшее отечество святое?
Не знаю я... Но кровь далеких дней
Дымилась над отчизною моей.

VI

Но ни леса, ни горы, ни долины,
Ни залитый сияньем небосклон
Не привлекали старца, и с вершины
Не их красою любовался он.

Он вдаль глядел. От края и до края
В многообразном шуме бытия,
Как некая жемчужина живая,
Пред ним лежала Грузия моя.

И он смотрел, как дивный небожитель...
«Откуда ты, таинственный старик?
Зачем покинул ты свою обитель
И, как виденье, предо мной возник?» —

Так я спросил. И с высоты двуглавой
В ответ раздался голос величавый:

VII

«Повсюду и всегда я, Грузия, с тобой!
Я — твой бессмертный дух, я — спутник твой
скорбящий.
И сердце я омыл в крови твоей живой
И в жребий твой проник — былой и настоящий.

Твоим томлением, несчастная, томим,
Потоком слез твоих я орошал ланиты.
О, как я тосковал по дням твоим былым,
Как для тебя искал опоры и защиты!

Могу ли я забыть добытую в боях
Былую мощь твою и дедовскую славу?
Была свободной ты, и вот — развеял в прах
Неумолимый рок могучую державу.

Уж твой не верит сын, что, родину любя,
Возможно обновить погибшие твердыни.
Он веру потерял, страдая, и тебя
Покинул, словно храм, заброшенный отныне.

Покуда, возмужав и сердцем и умом,
Он не поймет основ общенародной жизни,
Покуда в ход ее не вникнет он с т р у д о м, —
Чем может он помочь страдающей отчизне?

Бессмысленно ропща, он погрузится в мрак,
Испепелен навек судьбой своей плачевной,
И слез его поток есть несомненный знак
Бессилия его и немощи душевной.

VIII

Ни стар, ни мал не ведают сегодня,
О чем скорбит родная сторона.
Забыли мы, что милостью господней
Нам, как святыня, родина дана.

Забыли мы, что перед ликом бога
Велик лишь тот, кто за родной предел
Всю жизнь свою до смертного порога
Огнем самоотверженным горел.

О, счастлив тот, кто в жизни удостоен
Великой чести биться за народ!
Благословен в бою погибший воин!
Его пример вовеки не умрет.

В народной песне он воскреснет снова,
Его призыв в грядущие века
Воспрянет в сердце юноши младого
Чтоб, стиснув меч, не дрогнула рука.

Услышав песнь о подвиге героя,
Забудет старец жребий свой, и вновь
В душе его проснется жажда боя,
И закипит к отечеству любовь.

Над колыбелью маленького сына
Ее споет заботливая мать,
Чтобы дитя с отвагою орлиной
Родной народ училось защищать.

Младая дева, струны в лад настроив,
Споет ее на утре майских дней,
И много новых доблестных героев
Родит та песнь для родины моей.

IX

Увы, грузины, где же тот герой,
Кого ищу я в стороне родной?

Героя нет... И поле боевое
Давным-давно травою поросло,
И то, что было доблестью в герое,
Исчезло в вас и превратилось в зло.

Оторвались душой вы от народа,
Забыли вы о родине своей
И, медленно слабея год от года,
Уже служить не в силах больше ей.

Для вас природа, щедрая на диво,
Все лучшие богатства припасла,
Чтоб жили вы свободно и счастливо,
Чуждаясь равнодушия и зла.

И вот страна — жемчужина вселенной,
Любимое отечество мое —
Лежит одна в печали неизменной
Затем, что разлюбили вы ее.

Затем, что вы нечистою рукою
Замкнули ей правдивые уста,
Затем, увы, что под чужой полою
Она укрылась, точно сирота.

X

Но и в толпе, покорной и безгласной,
Вдруг искра загорается творца,
И с униженьем родины прекрасной
Порой не примиряются сердца.

Однако зависть и вражда глухая
Разъединяют немощных людей,
И гибнет их отвага молодая,
Бесплодная для родины моей.

Вот двое-трое, видимо, прозрели,
За родину вступили в смертный бой,
Но даже в общем благородном деле
Они не знают дружбы меж собой.

Не доверяя в действиях друг другу,
Они, разрушив дело рук своих,
Способствуют всеобщему недугу,
Который стал причиной горя их.

XI

Вот господин и раб его бесправный,
Вот на весах условленный оброк.
Когда он принят мерою исправной —
Встает хозяин, злобен и жесток,

И ставит ногу властную на гири.
Несчастный раб! Заплатишь ты вдвойне.
Поистине нет правды в этом мире,
А сила на господской стороне!

Подобно камню сердце богатея,
Он сам, увы, своих пороков раб.
Молить его — бесплодная затея
Для тех, кто в жизни немощен и слаб.

Бедняк молчит, в слезах ломая руки,
Пощады просит взор его очей.
Куда уйти от голода и муки,
Как прокормить беспомощных детей?

Он думает: «Мой пот, моя забота,
Моя неизмеримая работа,
И в дождь и в слякоть беспросветный труд,
Мои невзгоды, беды и страданья,
Терпение, упорство, упованья —
Жена моя! — что нам они дадут?

О, горе мне! Тоска меня снедает,
Как ни трудись — плоды пожнет другой.
Раб трудится — хозяин поедает...
Где справедливость в мире, боже мой?

XII

Раба за человека не считают,
От матери младенца отнимают
И продают неведомо кому...
Со всей своею злобой сатанинской
Глумятся над любовью материнской
Наперекор природе и уму.

И если бог послал бедняге дочь,
Отмеченную чистой красотою, —
Несчастный раб, чем можешь ты помочь
Беде своей? Что станется с тобою?

Отнимут дочь, похитят, продадут,
Заставят жить в печали и тревоге,
И, надругавшись, душу заплюют
И, как цветок, растопчут на дороге.

И заклеймит бессмысленный разврат
Прекрасный образ дочери любимой;
Все, что любил ты, все, чем был богат,
Увидишь в скверне ты неистребимой.

И отвернешься с мукою в душе,
Заплакал бы, да слез не будет боле,
И ты уйдешь с проклятьем и уже
Возненавидишь деву поневоле.

И скажешь ты: — Уж лучше бы змеей
Родилась ты или была уродом,
Чем обесчестить дом семьи родной
И осрамить меня перед народом!

XIII

Ты — сын труда, и на твоих плечах
Ярмо несправедливостей жестоких,
Хоть за тебя и распят был в веках
Учитель всех несчастных и убогих.

Труд на земле давно порабощен,
Но век идет — и тяжкие оковы
Трещат и рвутся, и со всех сторон
Встают рабы, к возмездию готовы.

Освобожденье честного труда —
Вот в чем задача нынешнего века,
Недаром бурь народных череда
Встает во имя братства человека.

Не устоит отживший, старый мир
Перед могучим вихрем обновленья,
Не выдержат грабитель и вампир
За правду справедливого сраженья.

Падут оковы, рушится оплот
Проклятого насилья мирового,
И из побегов новых расцветет
Страна моя, родившаяся снова.

XIV

Настанет день, и на земле жестокой
Вражда и скорбь исчезнут без следа
И утвердится светлый мир труда
Во всеоружье истины высокой.

И по таланту каждому за труд
Воздаст он всем равно и справедливо.
И нищета пройдет, и всем на диво
Овца и волк в согласье заживут.

Вернув земле утраченный покой,
Свободный труд изгонит тунеядство.
И уж не будут праздной болтовней
Слова: свобода, равенство и братство.

Поистине почуял человек,
Что он растет и борется по праву,
Что породить обязан этот век
Труда благословенную державу,

Где ты воспрянешь с поднятым челом,
Почуешь силы творческие снова
И сам не будешь более рабом
И не возьмешь в рабы себе другого.

Настанет день, и песнь твоей души —
Песнь пахаря над истощенной нивой,
Песнь пастуха, которая в глуши
Пугает нас печалью сиротливой, —

Как светлый гимн раздастся над землей,
И, позабыв последние невзгоды,
Прославишь ты над пашней трудовой
Священное дыхание свободы.

И расцветут родимые поля,
И пред тобой от края и до края
Вздохнет освобожденная земля,
Твой светлый гимн согласно повторяя.

XV

Вот предо мной вельможа именитый.
В каком довольстве пребывает он
В то время, как собрат его забытый
И голодом и страхом удручен!

Пожертвовать для слабого собою —
Удел героев. В наш спесивый век
Чужой не проникается бедою
Гордынею объятый человек.

Зачем ему творить добро народу,
Коль сам живет он бедствием людей,
Зачем чужую облегчать невзгоду,
Коль счастлив он благодаря лишь ей?

Вот и купец. Улыбки расточая,
Торгует он, обманывая люд;
Пусть брат его погибнет голодая, —
Он не моргнет и глазом, этот плут.

Вот и попы. Как говорит преданье,
Спаситель мира, к подвигу готов,
Народное им вверил воспитанье,
Они ж омыли руки от трудов!

Где подлинно великое ученье
Любви и правды? Предано забвенью!
Где проповедь возвышенных идей,
Чтобы воспрянул нищий и голодный?
Где возвеститель правды всенародной
Во имя блага родины моей?

XVI

Вот и Тбилиси. Горестью гонимый,
Бродил я там, печальный и незримый,
Прислушиваясь к шуму бытия.
Передо мной крестьяне, и князья,

И старики, и женщины, и дети
Шумели, проходя по мостовой.
Внимательно я слушал речи эти,
Но мысли не заметил в них живой.

Клянусь высоким именем картвела:
Их жизнь — не жизнь и дело их — не дело!
Они хлопочут, думают, живут,
Ликуют, плачут, стонут и поют;
Шум, говор, смех, а как посмотришь — рядом
Унынье, скорбь и слезы льются градом.

И в мыслях их, и чувствах, и делах,
В улыбках безмятежных и слезах
Ни смысла нет, ни разума, ни веры,
И все они — лжецы и лицемеры.

Пустая жизнь, почти небытие,
Бесплодные печали и напасти!
Однообразья мертвого ее
Не оживляют подлинные страсти.

Сегодня там похоже на вчера,
Грядущее обманчиво и серо.
Борьба во имя правды и добра
Теперь для них не боле как химера.

Там за подачку жалкую князей
И стар и мал продать себя готовы,
Сменили там на ржавые оковы
Честь и свободу родины своей.

XVII

А вот и Мцхет — героев отчий дом,
Великой жизни дивная гробница!
Здесь древо жизни, славное в былом,
Впервые стало радостно ветвиться.

Его во славу прежних вольных дней
Вспоило сердце древнего картвела,
И радость, озарившая людей,
Как светлый ключ в груди у них звенела.

Но там, где древо славное цвело,
Страдания и раны исцеляя,
Где ключ бессмертья, отгоняя зло,
Хранил судьбу отеческого края, —

Теперь не бьет источник тот живой,
И древо жизни больше не ветвится,
И сделалась деревнею простой
Прославленная дедами столица.

Иссякла жизнь, широкая, как мир,
Обрушились высокие чертоги.
Где был дворец — теперь стоит трактир
Да бродят овцы, бедны и убоги.

XVIII

Отчизна милая, жемчужина вселенной,
О, сколько страшных бурь промчалось над тобой!
Кто, сломленный в боях грозой иноплеменной,
Сумел бы перенесть ужасный жребий твой?

Кто смог бы перенесть тысячелетья боли,
Борьбы неистовой и не разбиться в прах?
Кто смог бы пережить все ужасы неволи
И отстоять себя в бесчисленных боях?

Полки твоих сынов в сраженьях погибали,
Две тысячи годин звенели их щиты,
Но голову свою в унынье и печали
Ни перед кем еще не преклоняла ты.

Во имя двух святынь отважные иберы
Боролись у твоих многострадальных стен —
Отчизну отстояв и не нарушив веры,
Поистине за них все отдали взамен.

XIX

Как может позабыть отважный твой питомец
И рабство и позор тех беспросветных дней,
Когда врата твои всесильный Македонец
Поколебал в боях десницею своей?

Он ненавидел нас, он презирал бесправный
Талантливый народ. Но даже в лютый год
Удержит ли страну тиран самодержавный,
Который полюбить не в силах наш народ?

Жестокостям своим не ведавший предела,
Он Грузию в те дни, как тряпку, растоптал
И славный наш язык — сокровище картвела —
В родной его стране преследовал и гнал.

Он не хотел признать достоинства народа,
Его творения, величие и честь,
За что сыны его боролись год от года
И сотни бед своих сумели перенесть.

И в ярости народ смотрел на груды праха,
И шею гнул в ярме, как требовал тиран,
И под личиною покорности и страха
Обдумывал в душе возмездья тайный план.

XX

И наступил народной мести срок,
Восстал народ, и враг бежит, гонимый, —
Благословен карающий клинок
Во имя счастья родины любимой!

Мне чудится отважный Фарнаоз,
Болеющий за честь родного края.
Клинок возмездья первый он занес,
Священным гневом яростно пылая.

Не вынес он, старинный наш герой,
Бесстыдства всенародных оскорблений
И на тирана мощною рукой
Обрушил месть отважных поколений.

И, поразив насильника в боях,
Сорвал он цепи с нашего народа,
И над страной, поверженной во прах,
Зажглась, как солнце ясное, свобода.

Он Грузию из множества частей
Опять слепил в одно большое тело
И возвеличил доблестью своей
Униженное звание картвела.

XXI

С тех пор твои, о Грузия, сыны,
Чтоб жизнь была привольна и богата,
Своих мечей не прятали в ножны
Под ненасытным взглядом супостата.

Пусть с четырех теснил тебя сторон
Коварный враг, но поднимались снова
Сыны твои, и, грудью отражен,
Враг удалялся с поля боевого.

Бывали дни, когда на твой призыв
Взвивались вдруг народные знамена
И, юношей на бой соединив,
У рубежей вставали непреклонно.

Бывали дни, когда за честь твою
Смерть — даже смерть! — считалась счастьем. Даже
Соперничали воины в бою,
Кому погибнуть первому на страже.

А что теперь? В душе твоих сынов
Уж не горит огонь былых столетий,
И про дела отважные отцов
Не вспоминают нынешние дети.

XXII—XXIII *

. . . .

XXIV

Исчезла без следа былая мощь державы,
И доблестная жизнь, исполненная славы,
Заглохла, как река среди сухих степей...

* Эти главы в подлиннике до нас не дошли. (*Примеч. ред.*)

Пусть не текла она дорогою свободной,
Истерзана борьбой и яростью бесплодной,
Но боль за родину была присуща ей.

Текла она вперед сквозь радости и горе,
То замирала вдруг, то ширилась опять,
Но зависть и вражда в бессмысленном раздоре
Родные берега старались подрывать.

И пали берега, обрушились твердыни,
И жизненный поток по воле темных сил
Десятками ручьев растекся по долине
И кровный труд отцов, бушуя, поглотил.

Настанет ли тот день, когда увижу снова
Страну, воскресшую для новых светлых дней,
Когда утихнет спор и крепкая основа;
Соединит навек измученных людей?

Когда ручьи племен сольются воедино
И, от последних бурь освобождая нас,
Могучая душа, достойная грузина,
С любовью осенит прославленный Кавказ?

Когда своим лучом священная свобода
Расплавит цепи зла и превозможет тьму
И снова будет горд достойный сын народа,
Что он принадлежит народу своему?

XXV

И в этот миг ударил в небе гром,
И дрогнул мир от яростного гула,
И, осветив ущелие огнем,
Передо мною молния сверкнула.

Громада туч полнеба облегла,
Долины, горы мглой заволокла,
Рванулся ветер, буря застонала,
И с высоты однообразных скал,
Где белый снег клубился и взлетал,
Послышался угрюмый рев обвала.

И светлое молчание природы
Сменилось адом, и, казалось мне,
В сплошной хаос слились земля и воды,
И ветер выл с громами наравне.

И я взглянул с тоскою на Казбек,
Но в воздухе уже клубился снег,
И заслонялась тучами вершина,
И старец, преисполненный огня,
Как светлый призрак, скрылся от меня,
Покинув опечаленного сына.

Но буря пролетела через миг,
И засияли горы в отдаленье,
И снова старец, древен и велик,
Предстал очам, как дивное виденье.

Склонив колена над родной землей,
Вздымал он к небу трепетные руки
И, горести исполнен вековой,
Молился в исступлении и муке:

XXVI

«О матерь божия! Отчизна — твой удел... *
Заступницею будь истерзанного края!
Прими, как жертву, кровь, которую картвел
Столь щедро проливал, в страданьях погибая.

Довольно этих мук для родины моей,
Верни моей стране стремление ко благу,
Даруй ей бытие далеких славных дней,
Вдохни в сердца сынов отцовскую отвагу!

О боже праведный! С молитвой на устах,
Картвелы прошлых дней не ведали покоя.
Прими, как жертву, ты их незабвенный прах
И отпусти грехи, искупленные вдвое.

Верни грузинам ты взаимную любовь,
Восстанови страну из праха разрушенья
И радугу твою живительную вновь
Яви как добрый знак грядущего спасенья!»

---

* Дева Мария почиталась покровительницей Грузии. (*Примеч. ред.*)

XXVII

И распростерся пояс семицветный,
Венчая неба купол голубой,
И над страной печали беспросветной
Повеяло надеждою живой.

И грудь моя исполнилась блаженства,
И мрак сомнений навсегда исчез,
И не было на свете совершенства
Прекрасней этой радуги небес.

●

МАТЬ И СЫН

(Сцена из будущей жизни)

Старец Мивдия, вперед!
Будь проворен, как волчица.
За тобой идут в поход
Все, кто хочет отличиться.

Народная песня

Посвящается Петру Накашидзе

Вот образ матери, представший предо мною
Из будущих времен. О, сколько, сколько раз
Вдали от родины мечтали мы с тобою
О тех великих днях, что ожидают нас!

Я занавес времен приподнял лишь немного,
Я еле рассмотрел, что будет впереди.
Влекла меня вперед сердечная тревога.
Вот мой заветный труд, — прими, не осуди.

Комната, окна которой выходят на улицу.
В постели лежит старуха мать, изнуренная болезнью.

Мать

Хотя и нелегко болящему в постели,
Благодарю тебя, о боже, что доселе

Ты горестную жизнь мою не оборвал:
Проснулась Грузия, родной народ восстал!
Восстал родной народ от Каспия седого
До черноморских вод, замыслив в добрый час
Освободить от мук великий наш Кавказ.
Благословен народ, свой меч поднявший снова!
Единственный мой сын, мой первенец любимый,
Надежда матери, болезнями томимой,
Здесь, в этом домике, лелеет мой покой.
Лишь он один — моя последняя отрада,
Но в день святой борьбы, в день боя, если надо
Отчизна милая, бери его — он твой!

(Горестно задумывается и через мгновение продолжает.)

Отдам ли сына я для грозных испытаний
Иль сохраню его в ущерб родной стране?
Как сердцу справиться с борьбою двух желаний?
Отчизна или сын дороже нынче мне?
Вот этот страшный день, для коего взрастила
Я милое дитя... Настал последний срок.
Сегодня я его отчизне посвятила.
От вражеской руки где сгинешь ты, сынок?
Седая мать твоя не склонится над телом,
Не окропит слезой растерзанную грудь,
Не перевяжет ран, и под ноги картвелам
Ты ляжешь, словно плат, покрыв собою путь.
И будет смерть твоя, геройская кончина
И горестью моей, и торжеством моим.
Мать сына своего, я прах оплачу сына,
Но, как грузинка-мать, гордиться буду им.

(Задумывается и продолжает спустя короткое время.)

Пристанище народное, свобода,
Убежище униженных судьбой!
Людей несовершенная природа
Меняется, воспитана тобой.
Тиранами гонимая от века,
Ты древо знанья вывела в раю,
Но чт*о* был рай, пока для человека
Не приоткрыла душу ты свою?
Вкусив свободы, праотцы взалкали
И на простое вольное житье
Господень рай охотно променяли
И отдали бессмертие свое.

Столь дорогою куплена ценою,
Зачем же ты покинула людей,
Зачем людской питаешься борьбою
И просишь крови наших сыновей?
Несешь ты миру чистый свет любови,
Но весь в крови идущий за тобой.
Зачем твой храм не строится без крови,
Хотя сама ты — счастье и покой?

Сын
(входит радостный)

Давно желанная пришла сегодня весть.
Ликуй, о мать моя, вся Грузия проснулась!
Томительных оков не в силах перенесть,
Земля кавказская от гнева всколыхнулась.
Приветствую тебя! Но ты печальна, мать.
Как можно в этот день, родная, тосковать?

Мать

Мне грустно оттого, что на исходе лет
Единственный мне сын дарован в утешенье;
Мне горько оттого, что в светлый день побед
Дитя мое умрет, сгорит в огне сраженья.
О, горе, горе мне! Я вижу мой закат,
Когда для родины сверкает луч восхода;
Последним смертным сном мне сумерки грозят,
Когда встает рассвет для нашего народа.
Вот в чем печаль моя... Чем ты поможешь ей?
Не забывай, мой сын, о матери своей!

Сын

Как? Ты меня сама послать на бой готова,
Чтоб в битве я погиб, единственный твой сын?

Мать

Убьет меня позор, коль сына я родного
В сраженье не пошлю, где борется грузин.
Избави нас господь от вечной укоризны,
Что дома ты сидел, когда страдал другой!
Кто сына своего не отдал для отчизны,
Тот не любил ее вовеки, милый мой.
Бесстрашен будь в бою — вот лишь о чем молю я.

Сын

О, никогда еще так крепко не любил
Тебя я, мать моя! Поверь, не отступлю я
И буду бить врага, пока достанет сил.

Снаружи доносится шум. На улице собираются войска. Сын бросается к окну.

Мать
(про себя)

Не знаешь ты, сынок, чего мне это стоит,
Но пусть тебя вовек мой стон не беспокоит...
Все муки я теперь готова претерпеть,
Лишь только б смерть моя тебя не задержала!
Я провожу тебя в последний путь сначала,
Чтобы потом одной в забвенье умереть.

Доносится песня воинов.

«Руку, воин, на клинок!
Позабудь былые беды!
Час сраженья недалек,
Наступает день победы!

Чтобы родину спасти,
Мы идем, друзей сзывая.
Ждет свобода впереди
Нас, сынов родного края.

Тот, кто любит отчий дом,
Тот отважен поневоле,
В столкновении с врагом
Он герой на ратном поле.

Кто не жаждет светлых дней,
Тот достоин сожаленья.
Братья, смерть в бою милей,
Чем неволя и лишенья!

Жизнь отчизне отдадим
В день сраженья величавый!
Кто вернется невредим,
Окружит погибших славой.

Руку, воин, на клинок!
Позабудь былые беды!
Час сраженья недалек,
Наступает день победы!»

С улицы доносятся восклицания: «Да здравствует войско!»,
«Слава нашему войску!» Слышны крики и шум.

Мать
(взволнованно)

О, покажи мне, сын, бойцов родного края,
Чтоб позабыла я о муках, умирая.

Сын помогает ей подняться с постели
и подводит к окну.

Сын

Внимательней смотри на эту молодежь —
Ее последний путь на торжество похож.

Мать плачет.

Смотри, как стар и мал приветствуют отряды.
Ужель не чувствуешь ты в этот день отрады?

Мать

Благослови, господь, на подвиг мой народ!
Нам, бедным матерям, иссохшим от забот,
Осталось ожидать, пока с победой снова
Вернутся сыновья под кров села родного.
Сведи меня, сынок, к постели. Я слаба.

Сын укладывает ее в постель.

О, сколько матерей печальная судьба
Сегодня обречет на долгие мученья!

Сын

Что ж делать нам! Без жертв отчизне нет спасенья.

К окну подъезжает всадник.

Всадник

Эй, Киазо, спеши! Нам дорог каждый час.
Несут прямой ущерб товарищи без нас.

Сын

Иду! Крепись, о мать. Зовут на бой грузина.
Во имя родины прости родного сына,

Мать обнимает его.

Прощай, родимая, и помни, что к утру
Вернусь к тебе живой, а если и умру,
То будет смерть моя прекрасней всякой жизни.
Благослови, иду служить моей отчизне.

Мать

О, горе, горе мне! Настал разлуки миг,
Болит душа моя, из сердца рвется крик.
Мой сын, уходишь ты? Постой, что это значит?
Я без тебя умру! Кто смерть мою оплачет?

(Она рыдает, прижимаясь к сыну. Потом в ужасе отпускает руки и смотрит ему в глаза.)

Ты любишь ли меня, сынок любимый мой?

Сын

Люблю, родимая.

Мать

Останься же со мной!

Сын

А родина?

Мать

О да, она всего дороже!
Иди, иди, сынок, и сохрани вас боже!
О, горе мне! Теперь умру я здесь одна.
Иди, мой сын, и знай: то не твоя вина...

Сын

О родина моя, мой край, залитый кровью!
Что может устоять перед такой любовью?
Когда любовь к тебе воспламенит сердца,
Мать сына отдает, сын отдает отца.
Когда лучи твои в народе засияют,
Иные чувства в них мгновенно исчезают,
Как звезды мелкие, увидев свет дневной,

Как капельки дождя, сокрытые волной.
Прощай, родимая! Пусть тяжела разлука,
Забыть о родине — еще страшнее мука.

(Уходит.)

Мать

О, горе, милый сын! Застыла в жилах кровь.
Но велика она, любовь к земле грузинской!
И как ты ей в душе порой ни прекословь —
Не победить ее любовью материнской!
Прощай, мой милый сын! Кончина нетрудна
Тем, кто исполнил долг. Мой сын... Моя страна...

(Умирает.)

●

ДИМИТРИЙ САМОПОЖЕРТВОВАТЕЛЬ

(Поэма)

Посвящается Петру Накашидзе

В воскресенье у церкви толпился народ.
О, невзгодах своих толковали крестьяне.
Тут же рядом слепец на зеленой поляне
С молчаливой пандури сидел у ворот.

— Неужели вы дома не свыклись с бедой? —
Так заметил крестьянам какой-то прохожий.
— Эх, раскрыть бы нам крылья для жизни хорошей!
Спой нам песню, слепец! Спой нам, старец седой,

Расскажи нам о том, как жилось в старину,
Чтоб согрелось покрытое ржавчиной сердце,
Чтоб душа молодая могла отогреться,
Чтобы мысль устремиться могла в вышину!

И народ понемногу вокруг присмирел,
И, как будто почуяв дыхание бури,
Встрепенулся слепец, и схватил он пандури,
И ударил по струнам, и тихо запел...

I

«Подойдите ближе, дети,
Позабудьте про невзгоды,
Я спою вам, как на свете
Жили мы в былые годы.

Как дела своей отчизны
Мы рукой вершили властной,
Как любили больше жизни
Счастье Грузии прекрасной.

Чтоб она была богата,
И свободна, и едина,
Брат готовил в битву брата,
А отец — родного сына.

И рождением дитяти
Был народ тогда доволен,
Потому что к нашей рати
Прибавлялся новый воин.

Мать его в самозабвенье
Молоком своим питала,
Чтоб душа его в сраженье
Никогда не трепетала.

И зато как львы сражались
За отчизну наши деды,
Или с жизнью расставались,
Или бились до победы.

Кто о собственной напасти
Вспоминал в минуту боя,
Если общее несчастье
Сердце ранило любое?

Знать, любовь к отчизне милой
Нас бронею покрывала,
Коль, сражен чудесной силой,
Враг бежал куда попало!

Дети, помните и верьте:
Мы — потомки наших дедов,
Что спасли народ от смерти,
Все мучения изведав!

II

Ну, а нынче? Как коровы,
Мы мычим, чтоб нас доили!
Дети, дети, наши крови
Разве мы не осквернили?

Разве так бывало ране?
Нет спасенья от позора!
Мы сильны на поле брани,
Если детям мы опора.

Говорят, отец для сына
Словно мост для пешехода.
Слава тем, кому судьбина
Жить для счастия народа!

Для того чтобы на свете
Наступил конец потемкам,
Как свеча, пылайте, дети,
Освещая путь потомкам!

Эту заповедь картвелы
В старину не забывали,
Оттого и были смелы
И в сраженьях устояли.

III

Пусть примером этих правил
Будет мой рассказ правдивый.
Было время — нами правил
Некий царь благочестивый.

Был Димитрий крепок телом,
Знал он воинское дело,
И владел он самострелом
Лучше старого картвела.

То был царь с кристальным взглядом,
С человеческой душою!
На погибель супостатам
Правил он своей страною.

Чтобы видеть зло воочью,
Он без царской багряницы
Уходил скитаться ночью
По окрестностям столицы.

Обходил он вдов бесправных,
Навещал сирот убогих
И из рук своих державных
Наделял богатством многих.

Кто обижен был напрасно,
Шел к нему с надеждой верной,
И Димитрий беспристрастно
Правил суд нелицемерный.

Потому в его державе
Волк над стадом не глумился
И народ о царской славе,
Благоденствуя, молился.

IV

Подчинен руке татарской
Был наш царь единокровный,
Но в своей державе царской
Он правитель был верховный.

И случилось так, что с ханом
Не поладил хан подвластный,
И пошел по целым странам
Полыхать мятеж опасный.

Лишь Димитрий в это время,
Верный царскому обету,
Чтоб спасти родное племя,
Не вмешался в распрю эту.

Долго бились в годы эти
Два могучих супостата,
На отцов вставали дети,
Брат с дубиной шел на брата.

И для старого владыки
Бой окончился бедою,
И мятежник полудикий
Воцарился над Ордою.

Старый хан с женою вместе
Был растоптан табунами,
И угроза страшной мести
Вдруг предстала перед нами.

V

Время быстро пролетело,
И решил владыка новый:
«Нерадивого картвела
Смерти я предам суровой».

И послал он повеленье:
— Царь, явись в мою столицу,
Или все твое владенье
В прах и пепел обратится.

Ужаснулся царь, увидев,
Сколь владыка был коварен,
Понял он — возненавидев,
Смерть изрек ему татарин.

Войн Димитрий не боялся
И за войско был спокоен,
Но когда ж один сражался
Против целой сотни воин?

И в тяжелом размышленье
Царь не знал, на что решиться:
Край обречь на разоренье
Иль к татарину явиться.

И решил пастух проверить,
Как об этом мыслит стадо,
Ибо двадцать раз отмерить,
Чтобы раз отрезать, надо.

Пусть дадут ответ вельможи,
Пусть решат без принужденья —
Жизнь царя для них дороже
Или Грузии спасенье?

VI

И по слову господина
На высокое собранье
Собралась его дружина,
Дидебулы и дворяне.

И, когда предстал владыка
В длинной мантии с алмазом,
Все от мала до велика
Перед ним склонились разом.

Был прекрасен он в сиянье
Дивных царственных уборов,
И красой его собранье
Не могло насытить взоров.

И сказал Димитрий: — Дети,
Разрешим вопрос печальный —
Мне ли жить теперь на свете
Иль стране моей опальной?

Вам известно, что в столицу
Прискакал гонец от хана,
И к татарину явиться
Я обязан без обмана.

Если ж я, объятый страхом,
Не исполню повеленья,
Басурман развеет прахом
Наши славные владенья.

А явлюсь пред палачами —
Что там ждать мне, кроме смерти?
Как мне быть? Решайте сами,
Но утраты соизмерьте.

VII

И вскочили тут вельможи,
Дидебулы и дворяне
И воскликнули: — О боже,
Горе нам и поруганье!

Царь, твое ужасно слово!
Весь народ тебя осудит!
Коль убьют тебя, такого, —
Кто тебе заменой будет?

Вот совет тебе нехитрый:
К хану ездить не годится!
Ведь такой, как ты, Димитрий,
Дважды в мире не родится.

Пусть приходит вместе с войском
Басурман в твои пределы, —
Не сдадут в бою геройском
Благородные картвелы!

Разве твой народ могучий
Супостатов видел мало?
Разве перед грозной тучей
Рать картвелов отступала?

Ты скажи одно лишь слово —
И злодея мы накажем,
Сокрушим врага лихого
Иль костьми на поле ляжем.

Ведь для Грузии бесчестье —
Выдавать царя на муки!
Услыхав такие вести,
Что о нас помыслят внуки?

Пожалей народ, державный,
Будь владыкой над страною!
Пусть приходит враг коварный —
Встретим мы его стеною!

VIII

Спасалар поднялся с кресла
И воскликнул, безутешен:
— Государь, ужель на чресла
Меч напрасно нам привешен?

Чтобы мы спаслись бесчестно,
А тебя судьба сломила?
Нет, мой царь! Давно известно;
Или честь, или могила!

Положись на войско смело,
Сохрани нас от позора!
Как разит клинок картвела,
Басурман узнает скоро.

И, поникнув головою,
Царь задумался опальный,
И народ стоял толпою,
Безутешный и печальный.

IX

И промолвил царь: — Страною
Правлю я по воле бога.
Коль предам ее разбою —
Чести будет мне немного.

Каждый воин мой сегодня
С десятью бороться может,
Но коль с ним сразится сотня —
Тут и храбрость не поможет.

О, я знаю — басурмана
Мой народ не побоится,
Но ведь поздно или рано
Сила силе покорится.

И погибнем зря тогда мы,
И в стране моей несчастной
Враг разрушит божьи храмы,
Истребив народ безгласный.

Наши древние столицы
Навсегда сровняет с прахом,
И откроет он гробницы,
И тела отдаст собакам.

Обесчестит горожанок,
Дев невинных опозорит,
У беременных крестьянок
Животы кинжалом вспорет.

Даст он матери младенца
И заставит рвать зубами,
И поставит отщепенца
Надзирателем над вами.

X

Боже, сколько душ невинных
Муки адские познают!
Ведь от жалости в долинах
Даже камни зарыдают!

И всему виною буду
Я, ваш царь и сын картвела!
Проклянете, как Иуду,
Вы меня за это дело!

Даже собственные дети
Скажут мне, что из боязни
Я остался жить на свете,
А отчизну предал казни.

Я — ваш царь. Служить опорой
Мне для подданных — отрада.
Горе пастырю, который
Сам спасется, бросив стадо!

Вы кричите о позоре.
В чем позор? Без принужденья
Лягу я, как жертва, вскоре
Ради общего спасенья.

За меня сочли вы честью
Пасть среди родных пределов.
Как же мне не лечь на месте
Одному за всех картвелов?

Нет мне выбора иного,
Медлить доле не годится.
Пусть погибнет плоть царева,
Но душа возвеселится!

XI

Что молчишь, отец духовный?
Слово нам твое бесценно.
За народ единокровный
Пострадать ли мне смиренно?

Зарыдал служитель божий
И сказал царю с тоскою:
— Хоть скорбит душа, но все же
Прав ты, царь, перед страною!

Пусть спасения залогом
Ей твоя кончина будет.
Согрешит, о царь, пред богом
Тот, кто мой совет осудит.

Пострадать в младые лета,
Знать, судьба тебе велела,
И другого нет совета
В сердце любящем картвела.

Нелегко мне, повелитель,
Говорить перед тобою,
Но за ближних сам спаситель
Учит жертвовать собою.

Дай же нам пример усердья,
Послужи своей отчизне,
Не лишай себя бессмертья
Для мгновенной этой жизни!

XII

С умиленною душою
Слушал царь католикоса
И высоко над землею
Духом царственным вознесся.

— Дидебулы, вы слыхали,
Что поведал нам святитель?
Ради ближних в день печали
Учит жизнь отдать спаситель!

Нет, на труса не похож я!
Не изменник я народу!
Коль на это воля божья,
Жизнь отдам я за свободу!

Ныне собственной охотой
Вам я Грузию вручаю,
Окружить своей заботой
Вдов и нищих завещаю.

И крестьянству вы и знати
Милость равную явите.
Бедняков не угнетайте,
Но от сильных защитите.

Если к вам вернется витязь —
Не забудет он услуги,
Не вернется — помолитесь
О его спасенье, други!

И слезами страстотерпца
Царь заплакал пред кончиной...
Как прекрасна нежность сердца
В том, кто дух имеет львиный!

Ибо нежность сердца вдвое
Ценным делает геройство,
И печаль в глазах героя
Есть души великой свойство.

XIII

Так закончилось собранье
Дидебулов, и тотчас же
Дал Димитрий приказанье
Снаряжаться верной страже.

Дал Димитрий повеленье
Собираться в путь картвелам,
Ибо царское решенье
Разойтись не может с делом.

И когда, закончив сборы,
Царь назначил день отъезда,
И когда пришли дозоры
На указанное место,—

Слух пошел от дома к дому,
Что Димитрий, царь любимый,
К супостату едет злому
Пострадать за край родимый.

Взволновался целый город,
Загудел он, словно море,
Ко дворцу и стар и молод
Поспешил в порыве горя.

Видят: площадь городская
Любопытными покрыта,
Колыхаясь и сверкая,
На конях гарцует свита.

Уж навьюченные мулы
Шли с поклажей по дороге,
И владыку дидебулы
Ждали, стоя на пороге.

XIV

Чистым золотом дворянство
На конях своих сверкало.
Неизвестно, чье убранство
Тут красой преобладало.

Свита выстроилась строем,
Латы в воздухе блеснули,
Каждый выглядел героем
В этом грозном карауле.

Кто бы мог налюбоваться
Этой дивной красотою?
Кто посмел бы надругаться
Над громадою такою?

За спиной у царской стражи
Лошадей вела прислуга.
И один другого краше
Были кони. И подпруга,

И седло, и сбруя вместе
Были ценностью дороже,
Чем привольное поместье
У хозяина-вельможи.

И шагал там горделиво
Иноходец белой масти.
Отыскать такое диво
Для царя — большое счастье.

На своем носил он теле
Только царственное бремя
И чужой ноги доселе
Не пускал в златое стремя.

Горделив, как лев пустыни,
Словно лань лесная, ласков,
Был грозою он доныне
Для конюших и подпасков.

Весь дрожа от нетерпенья,
Ржал он голосом сердитым,
И метался в отдаленье,
И о землю бил копытом.

XV

Облаченный для похода
В дорогие одеянья,
Царь предстал очам народа,
Весь исполненный сиянья.

Вслед за ним, объятый думой,
Справа шел святитель, слева
Спасалар шагал угрюмый,
Полный ярости и гнева.

Был святитель безутешен,
Он не знал себе покоя;
Спасалар был явно взбешен
Тем, что царь не принял боя.

И народ заплакал снова,
И, как птица в непогоду,
Сердце дрогнуло царево,
Устремленное к народу.

И сказал Димитрий: — Дети,
Что горюете напрасно?
Быть за родину в ответе —
Разве это не прекрасно?

Не горюйте же в разлуке,
Не страшитесь разоренья —
Я приму любые муки
Ради вашего спасенья,

И прервался голос гордый,
Очи сделались печальней —
Так дробится камень твердый
На свинцовой наковальне.

И, внимая царской речи,
Площадь глухо зарыдала,
И толпа сирот далече
Воплем сердце надорвала.

XVI

Вдруг мужчины расступились,
И, представ перед народом,
Двое юношей явились
С стариком седобородым.

Старец древен был годами,
Еле двигался, и внуки
Шли неспешными шагами,
Подхватив его под руки.

Не жилец на свете белом —
Он смотрел уже в могилу,
Но в душе он был картвелом
И хранил былую силу.

XVII

— Царь, — сказал он, — умоляю,
Не суди меня сурово:
Из могилы обращаю
Я к тебе живое слово.

Царь, когда настало время
Всенародных испытаний,
На себя ты принял бремя
Наших тягот и страданий.

Все мы знаем, что без страха
Встретил ты свою невзгоду
И готов идти на плаху,
Чтобы счастье дать народу.

Но подумай — коль с тобою
Мы расстанемся навеки,
Кто отеческой рукою
Наших слез осушит реки?

Царь, на страждущих картвелах
Кто омоет капли пота,
Если нас, осиротелых,
Не спасет твоя забота?

Беднякам, слепцам и вдовам,
Обездоленным и нищим
Кто надежным станет кровом,
Коль тебя мы не разыщем?

Вот о чем мы, царь, рыдаем,
Чем сердца у нас убиты!
Расставаясь с отчим краем,
Ты лишаешь нас защиты.

XVIII

«Что горюете напрасно?» —
Ты спросил нас... Царь могучий,
Разве сердце нам подвластно,
Коль печаль нависла тучей?

Будь оно у нас из стали,
Все равно б в огне сгорело...
Не бросай же нас в печали,
Вынь из ножен меч картвела!

Мало нас, но в лишней силе
Не нуждается удалый, —
Ведь не раз врагов мы били,
Побеждая силой малой.

Вот два юноши со мною,
Два моих любимых внука.
Оба сердцем рвутся к бою —
Впрок пошла моя наука.

Так возьми их жизнь, владыка!
За тобой идти мы рады!
Всех от мала до велика
Собери в свои отряды!

Львы гнездятся в гнездах наших,
А не слабые калеки!
Весь народ оплачет павших,
Будет проклят трус навеки.

И не то случалось с нами,
Но Иверия, бывало,
Без сраженья пред врагами
Головы не преклоняла.

Поступай же, царь, как деды!
Встретив полчище любое,
Иль добьемся мы победы
Иль умрем на поле боя!

XIX

Царь ответил: — Старец милый,
Внятен мне язык картвела.
Даже стоя над могилой,
В битву ты стремишься смело.

Но зачем в боях бесплодных
Нам желать кровопролитья?
Не хочу я жертв народных,
Не могу людей губить я.

Нынче день над нами зноен,
Но изменится погода,
Грянет гром, и каждый воин
Будет дорог для народа.

Я один, но посмотрите,
Сколько вас в моей державе!
Если вы меня щадите,
Пощадить и вас я вправе.

XX

Для того и царь, поверьте,
Чтоб служить своей отчизне.
Коль за вас он предан смерти —
Эта смерть подобна жизни.

Тот не мертв, кто умирает,
Жизнь свою отдав народу.
Но навеки погибает —
Кто себе живет в угоду.

Пусть свершатся все напасти,
Пусть близка моя кончина, —
Не хочу, чтобы в несчастье
Мать оплакивала сына.

Положась на милость божью,
Я печаль души нетленной
Уношу с собой к подножью
Вседержителя вселенной.

То, к чему душа стремится,
Уж не сделать мне сегодня.
Пусть же, дети, совершится
Воля дивная господня!

Пусть хранит судьба вас, дети,
От неравной этой битвы,
Мне ж... довольно, что на свете
За меня творят молитвы...

XXI

И как будто свод небесный
Раскололся над землею
И господь, склонясь над бездной,
Посмотрел в лицо герою.

И, коленопреклоненный,
Пал народ перед владыкой
И замолкнул, изумленный
Духом доблести великой.

Так высокая отвага
Поражает человека,
Ибо сила зла и блага
Беспредельна в нас от века.

XXII

Стало жаль царю народа,
И сказал он: — Боже правый!
Да минует нас невзгода,
Да исчезнет враг кровавый!

Царь — слуга единоверцам,
И свое он слово сдержит.
Всякий, кто отмерит сердцем,
Пусть потом рассудком режет.

Час настал... Друзья, прощайте!
В путь меня благословите.
В чем неправ — не осуждайте,
А повинен в чем — простите.

Дал он знак, труба запела,
И подвел коня стремянный,
И вскочил в седло он смело,
Дивным светом осиянный.

Даже враг, взглянув украдкой,
Мог царем залюбоваться,
Ибо кто еще посадкой
Мог с Димитрием равняться?

И простился царь со всеми,
Кто стоял пред ним доселе,
И, поставив ногу в стремя,
На коней вельможи сели.

Сам святитель, не желая
Преждевременной разлуки,
Из родного ехал края
Проводить царя на муки.

И поехал царь, и свита
Вместе с войском поскакала,
И, несчастием убита,
Вся страна вослед рыдала.

XXIII

Но покуда поезд царский
Пробирался по пустыне,
В нетерпенье хан татарский
Кликнул клич своей дружине

И, чтоб разом кончить дело,
Приказал сардару, гордый:
— Привези ко мне картвела,
Будь живой он или мертвый.

Если ж он успел укрыться,
Разгроми его владенья —
Будь то крепость, иль столица,
Или бедное селенье.

И, когда в степи безводной
Рать несметная явилась,
Понял царь наш благородный,
Что недоброе случилось.

И сказал он так вельможам:
— Что бы ни было со мною,
Мы несчастью не поможем,
Если будем рваться к бою.

Дайте клятву мне, картвелы,
Что во имя господина,
Как бы ни были вы смелы,
Не поднимет меч дружина.

Все вы будете убиты,
Враг разрушит ваши кровы.
Так ужель из-за обиды
Вы страну предать готовы?

Ради счастия народа
Пусть свершается расплата.
«Отойди, коль нет исхода», —
Так сказал мудрец когда-то.

Дайте ж клятву, что не встретит
Лютый враг сопротивленья.
В судный день цари ответят
За напрасные сраженья.

XXIV

Что ж вельможам оставалось?
Поклялись, ломая руки!
Кто к стране имеет жалость,
И позор снесет, и муки.

Били в грудь себя картвелы,
Говорили: — Боже правый,
День придет — за это дело
Враг ответит нам кровавый!

Но гонца уже к татарам
Их владыка посылает:
— Встань, явись перед сардаром
И узнай, чего желает.

Коль ему Димитрий нужен —
Я иду к нему навстречу. —
Поскакал гонец, послушен,
И с такой вернулся речью:

— Царь, враги идут лавиной,
Их сардар в сраженье гонит,
Но, коль ты придешь с повинной,
Он страны твоей не тронет.

И сказал Димитрий снова:
— Коль страна моя спасется,
Значит, нынче кровь царева
Понапрасну не прольется.

И поехал он к татарам,
Непреклонный и могучий,
И предстал перед сардаром,
И сказал: — Бери и мучай!

И накинулись как звери
На владыку басурмане,
И пред ним открылись двери
Беспримерных испытаний.

XXV

Царь, измученный в дороге,
Должен к хану был явиться.
Словно волк в своей берлоге,
Ждал владыку кровопийца.

— Как ты смел, — спросил он важно, —
Быть с моим злодеем вместе?
Отвечай и знай, бесстрашный,
Что настало время мести.

Говорю тебе заране:
Будешь ты лежать в могиле.
Помни: это наказанье
Отменить аллах не в силе.

Но, покуда совершится
Изреченное судьбою,
Ты обязан повиниться,
Как преступник, предо мною.

Царь сказал: — Побойся бога,
Быть судьей моим тебе ли?
Не кичись, что стран ты много
Захватить сумел доселе!

Нет, моих страданий повесть
Пред тобой я не открою.
Будет собственная совесть
Мне единственным судьею.

Не спрошу, зачем я брошен,
Словно вор, в твою темницу...
«Почему ты, коршун, — коршун?» —
Разве спрашивают птицу?

Рассердился хан надменный —
С ханом спорить так не смели.
По его указу пленный
Очутился в подземелье.

И закрылась дверь со стуком,
И царя отчизны нашей,
Предавая тяжким мукам,
Окружили крепкой стражей.

XXVI

И решили басурмане
Испытать его терпенье,
Применяя в наказанье
Нестерпимые мученья.

Словно коршун голубицу,
Хан терзал царево тело
И никак не мог напиться
Кровью дивного картвела.

Как-то раз, упав в избытке
Беспримерной этой муки,
Царь томился после пытки,
На полу раскинув руки.

Кое-как собравшись с силой,
Он поднялся на колени,
И воскликнул он, унылый,
Зарыдав в изнеможенье.

— Боже, — он рыдал, — страданья
Суждены мне в жизни трудной,
Пусть же эти испытанья
Не зачтутся в день мой судный.

Не хочу, чтоб эти муки
Были мне во искупленье,
Но спаси друзей в разлуке
Ради этого мученья!

Распят был твой сын единый.
И за нас погиб он тоже.
Дай и мне своей кончиной
Отстоять отчизну, боже!

XXVII

Вдруг лучи во тьме блеснули,
Дверь, скрипя, открылась в сени,
И в темницу проскользнули
Две таинственные тени.

Два пришельца осторожных
Поклонились страстотерпцу,
И, узнав друзей надежных,
Бедный царь прижал их к сердцу.

— Царь, — пришельцы прошептали, —
Все готово! Дверь открыта!
Сила денег тверже стали.
Подкуп — лучшая защита.

Но не медли ни мгновенья.
Береги минуты эти:
Больше нет тебе спасенья —
Казнь свершится на рассвете.

И сказал им царь: — Доколе
Мне твердить одно и то же?
Неужели здесь, в неволе,
Изменю себе я, боже?

Нет, страна моя прекрасна!
Мой побег грозит войною.
Не согласен я! Напрасно
Вы пришли, друзья, за мною!

Как пришельцы ни просили,
Не склонился царь к моленьям...
Ах, какое сердце в силе
Так бороться с искушеньем!

XXVIII

И настало утро казни.
Плачьте, плачьте, иверийцы!
Без волненья, без боязни
Вышел царь наш из темницы,

Уж толпа зевак бежала —
Басурман к потехам падок!
Сам вазир, трудясь немало,
Наводил вокруг порядок.

Рядом с ним палач огромный,
Засучив рукав кафтана,
Грубый, жилистый и злобный,
Ждал несчастной жертвы хана.

Приведенный из темницы,
Встал меж ними царь печальный
И, подняв свои ресницы,
Кинул в небо взгляд прощальный.

И обвел он скорбным взглядом
Площадь, полную волненья,
И палач, стоявший рядом,
Вызвал в сердце омерзенье.

И смутился царь наш бедный —
Ведь и он был смертным тоже!
Ведь и он, больной и бледный,
Эту жизнь любил, о боже!

Но скрепил себя несчастный
Превозмог свои мученья.
В это время вопль ужасный
Прокатился в отдаленье.

Оглянулся царь, и что же?
Обезумев от печали,
Перед ним его вельможи
Истомленные стояли.

И святитель там с иконой,
Чуть живой, стонал от боли...
Ах, услышав эти стоны,
Зарыдали б камни в поле!

Увидав родные лица,
Вдруг припомнил царь печальный
Свой очаг, свою столицу,
Свой народ многострадальный.

Эх, вся жизнь распалась прахом!
Сердце дрогнуло картвела!
Плоть, подавленная страхом,
Душу мигом одолела!

И, закрыв лицо рукою,
Царь к вазиру обернулся.
— Пощади!.. — И вдруг собою
Овладел... и ужаснулся!

О, как сердцу стало мерзко
Это жалостное слово!
— Гей, палач! — вскричал он дерзко. —
Что ты медлишь? Все готово!

Вся в крови стояла плаха,
И палач схватил картвела
И главу его с размаха
Топором отсек от тела».

ОТШЕЛЬНИК

(Легенда)

Посвящается Ольге Чавчавадзе

I

Там, где орлы, кочуя над Казбеком,
Не достигают царственных высот,
Где цепи гор блистают вечным снегом
И ледники не тают круглый год,
Где шум людской и суета земная
Не нарушают мертвенный покой,
Где только бури стонут, пролетая,
Да рев громов проносится порой, —
Давным-давно в скале уединенной
Отцы монахи вырубили скит.
Поныне, Вифлеемом нареченный,
Тот божий храм в народе знаменит.
Сплошной ледник отвесною стеною
Спускался в пропасть. Как гнездо орла,
Сквозь глыбы льда высоко над землею
Пробита дверь убогая была.
К подошве скал от той высокой двери
Спускалась цепь, прикована навек,
И лишь по ней подняться мог к пещере
Отрекшийся от мира человек.

II

Подвижники минувших поколений
Здесь основали бедный свой приют.
Над миром льдов лишь звуки песнопений
Во славу бога раздавались тут.
И под напев божественный хорала,
Преодолев соблазны бытия,

Здесь свой покой душевный обретала
Монахов просветленная семья.
Года прошли... Обитель опустела...
Вслед за монахом в землю лег монах...
Но весть о них селенья облетела
И до сих пор не умерла в горах,
И до сих пор окрестности пещеры
Священной почитаются землей,
И, коль туда бегут, спасаясь, звери,
Для них стрелок не страшен удалой.
Он знает: только праведник смиренный
Достоин здесь с молитвою пройти,
Но прямо в сердце грешник дерзновенный
Сраженный громом ляжет на пути.

III

Случилось так, что в древнюю обитель,
В покинутый и позабытый храм
Из дальних мест пришел пустынножитель,
Поднялся вверх и поселился там.
Простой монах, он мир покинул грешный,
Ревнуя к правде, бросил бедный свет,
Где человек живет во тьме кромешной,
Где от соблазнов избавленья нет;
Где день и ночь вослед за человеком
Влачится грех, коварный, словно вор,
Где истина, не принятая веком,
Обречена на гибель и позор;
Где все превратно, временно и тленно,
Где нож на брата поднимает брат,
Где клевета, коварство и измена,
Взамен любви вражду боготворят...
Всеобщего падения свидетель,
Он, полный гнева, скрылся из страны,
Где даже красота и добродетель
Служить пороку гнусному должны.

IV

Под сенью скал и ледников опасных
Он поселился, бедный житель гор,
И позабыл о прежних он соблазнах,

И не стремился к людям с этих пор.
Достигнув монастырского порога,
Убил он в сердце грешные мечты,
Чтоб в судный день предстать пред очи бога,
Не запятнав душевной чистоты.
Он день и ночь на страже был духовной.
Здесь, в глубине однообразных скал,
Он плоть свою — сосуд тоски греховной —
Слезами покаянья омывал.
И день и ночь неслись его стенанья,
И день и ночь, стекая из очей,
Не высыхали слезы покаянья,
Как безутешной горести ручей.
Чуждаясь треволнения мирского,
Его душа воскресла средь могил,
И все желанья сердца молодого
Он глубоко в себе похоронил,

V

Он был не стар, но в молодые годы
На нем почила божья благодать,
И дух его, забыв свои невзгоды,
Привык в высоком небе обитать.
И оживился лик его угрюмый,
И светом озаренное чело
Невыразимо благостною думой
Дышало и сердца к себе влекло.
И взор его, когда-то полный страха,
Теперь светился тихой добротой,
И было видно, что душа монаха
Погружена в смиренье и покой.
Какой сиял он радостью смиренной,
В небесные чертоги устремлен!
Какой дышал он верой неизменной,
Когда смотрел в далекий небосклон!
Смирив себя молитвой и постами,
Он все страданья плотские постиг,
Но дух его, испытанный трудами,
Воистину был светел и велик.

VI

И услыхал господь его моленья,
И дал ему избыток дивных сил,
И символ своего благоволенья
Страдающему иноку явил.
В пустынной келье малое оконце
Пробито было посредине скал,
Чтоб днем туда заглядывало солнце
И свет луны во мраке долетал.
Когда, в одежды светлые одето,
Светило поднималось ото сна,
Наклонный луч дымящегося света
К ногам монаха падал из окна.
И брал монах молитвенник смиренный
И возлагал на луч перед собой,
И в час молитвы этот луч нетленный
Держал его, как дивный аналой.
Так проходили годы и недели,
Так соблюдал отшельник свой устав,
И чистоту души своей на деле
Он мог проверить, чудо испытав.

VII

Вечернею молитвой истомленный,
Стоял он раз у края ледника.
Туманных гор шатер темно-зеленый
Манил его и звал издалека.
Еще, сверкая, солнце не успело
Уйти из глаз, и в золоте огней
Оно, припав к вершине, пламенело,
Как колесо, скатившееся к ней.
Гигантский уголь тлел перед очами,
И запад был охвачен багрецом,
И облако, пронзенное лучами,
Переливалось перед чернецом.
И понял он мгновенное обличье
В природе существующих начал
И дивный образ божьего величья,
Весь потрясенный, в солнце различал.
И вдруг оно померкло, и свирепо

Дохнул в пещеру ветер ледяной,
И, закрывая солнечное небо,
Громада туч повисла над землей.

VIII

Громада туч повисла над землею,
Как будто в небе встретилась с врагом,
И, молнией сверкнув над головою,
Обрушила на землю первый гром.
И вздрогнула вселенная от страха,
И тяжкий мрак упал на листья трав,
И грянул град, перед лицом монаха
По ледяной скале зарокотав.
И этот град, и молнии сверканье,
И этот грохот яростных громов,
И облаков безумное метанье,
И злобное дыхание ветров —
Все это вдруг смешалось воедино
И разразилось, словно божий гнев,
Который небо свергло на долины,
Людского беззаконья не стерпев.
И удалился инок потрясенный
И пред иконой матери святой
Молил ее, коленопреклоненный,
Вернуть земле утраченный покой.

IX

И вдруг, когда все небо раскололось
И молния ударила из мглы,
Монах услышал чей-то робкий голос,
Зовущий у подножия скалы.
Монах взглянул в ущелие — и что же?
За звенья цепи ухватясь рукой,
Какой-то путник звал его... О боже,
Как очутился он перед скалой?
Коль вправду был он сыном человека,
Что привело несчастного сюда,
Когда под кровлю своего ночлега,
Дрожа от страха, прячутся стада?
«Ты человек иль демон преисподней?» —

Спросил монах и услыхал в ответ:
«Я — человек по милости господней,
Спаси меня, святой анахорет!
Я — человек, но свод небес расколот,
Холодный ливень хлещет все сильней.
Что ж медлишь ты? Меня измучил холод,
Дай мне приют под кровлею твоей!»

X

«Ты прав, пришлец! Священная обитель
Спасет тебя, коль ты не злобный тать.
Но если ты лукавый соблазнитель, —
Знать, сам господь желает испытать
Монаха грешного... Да будет с нами
Его святая воля! Ухватись
За эту цепь и, встав в звено ногами,
Как по ступеням, кверху поднимись».
И вот из бездны пропасти пустынной
Поднялся путник, слаб и изнурен,
И сам монах, склоняясь над стремниной,
Помог ему... Но кто же, кто же он?
Не рассмотрев пришельца на пороге,
Монах сказал: «Иди за мной вослед!
Кто б ни был ты, забудь свои тревоги:
Здесь божий дом, и он спасет от бед».
И он повел пришельца за собою,
И в келье был все тот же черный мрак,
И только уголь, тлея под золою,
Неверным светом освещал очаг.

XI

И думал схимник: «Если матерь божья
Его ко мне впустила на ночлег, —
Как видно, он не осквернился ложью,
Когда предстал сюда как человек».
А гость его, не проронив ни слова,
Присел к огню и уголья раздул,
И, весь дрожа от холода ночного,
Над очагом ладони протянул.
«Какая ночь! — промолвил посетитель. —
Как свищет ветер над твоей скалой!»
И задрожал как лист пустынножитель,

Девичий голос слыша пред собой!
Ужель судьба послала испытанье?
Ужель явилась женщина к нему?
Ужель она, смутив его сознанье,
Повергнет душу в пагубную тьму?
Ужели бог судил ему сегодня
Все искушенья плоти побороть?
Так пусть же воля сбудется господня,
И да молчит бунтующая плоть!

XII

«Святой отец, хоть малую вязанку
Дай хвороста! Хоть несколько полен!
Я завтра утром встану спозаранку
И сколько хочешь принесу взамен!»
И вот монах дрожащими руками
Принес ей дров, и пламя очага
Вдруг вспыхнуло у них перед глазами
И озарило келью бедняка.
И перед взором схимника святого,
Презревшего житейские мечты,
Под сводами божественного крова
Явилась дева чудной красоты!
Без ложного смущения и страха
Она сидела около огня
И пристально смотрела на монаха,
Как лань лесная, шею наклоня.
И жар очей прекрасного созданья
Был так неистов, так неукротим,
Что даже пламя, вспыхнув на прощанье,
Бледнело, угасая, перед ним.

XIII

Когда б любовь явиться пожелала
В наш бедный мир, наверно, и она
О красоте иной бы не мечтала,
В девических чертах воплощена!
Кто б мог сказать, что спорить с красотою
Не в силах был чудесной девы нрав?

Пред нею зависть стала бы немою,
Несовершенных черт не отыскав!
Кто б устоял пред этими очами,
Пред этим ликом, сладостным, как сон,
Пред этими волшебными устами,
Где поцелуй любви напечатлен?
Кто б мог красе такой не покориться,
Взглянув на эти нежные черты?
Ведь даже зверь и тот угомонится
Перед лицом столь дивной красоты!
И покорился схимник ей бесстрастный,
Угрюмый житель каменных могил,
И, замерев, с тревогою безгласной
На деву взор плененный устремил.

XIV

«Дитя мое, — сказал пустынножитель, —
Откуда ты? В ужасный этот час
Что привело тебя в мою обитель,
Когда все небо рушится на нас?»
«Пастушка я... На этих горных склонах
Моих овец пасу я с малых лет.
Но здесь, вверху, так много трав зеленых!
И поднялась за стадом я вослед.
О, как прекрасен вечер был сегодня!
Такого я не видела давно.
Сияло солнце, как лицо господне,
Короною лучей окружено.
И долго-долго в небо я смотрела,
И вслед за стадом шла я без конца,
И сердце так неистово звенело,
Что я забыла про совет отца.
«Не верь, дитя, коварному Казбеку, —
Предупреждал не раз меня старик, —
Пусть, весь в лучах, он виден человеку —
Глядишь, и ливень хлынет через миг!»

XV

Что сделаешь? Ведь сердце своенравно.
Слова ему — что прошлогодний снег!
И вот, еще сверкающий недавно,

Нахмурил брови ледяной Казбек.
Все небо разом обступили тучи,
Рванулся ветер, набежала мгла.
Как ни хотела я спуститься с кручи —
Ступить в потемках шагу не могла.
И грянул гром над самой головою,
И град пошел, и наступила ночь,
И разбежались овцы предо мною,
И я была не в силах им помочь.
И впрямь, коварна высота Казбека,
Коль может вмиг покрыться темнотой,
Соединив в себе для человека
И ад, и рай, и бурю, и покой!
Ах, как нуждалась в отчем я совете!
Зачем я в горы вздумала идти?
Знать, верно, что неправедные дети
Всегда идут по ложному пути!

XVI

Сгубила я родительское стадо,
Сама себе наделала хлопот...
Но — знаешь ли? — печалиться не надо,
Когда беда нежданная придет.
И не о стаде вовсе я горюю —
Мне жаль отца... У хижины пустой
Единственную дочку дорогую
Напрасно он сегодня ждет домой.
Не поведет и бровью мой любимый,
Когда узнает о судьбе овец,
Лишь только б мне вернуться невредимой
И успокоить старца наконец.
А град хлестал, и небо надо мною,
Казалось, землю поглотить могло,
И от раскатов грома под ногою
Тряслась скала, вздыхая тяжело.
Что было делать? Где искать спасенья?
Как пережить ужасный этот град?
Довериться ли власти провиденья
Или дорогу поискать назад?

XVII

Стоять под градом — разве это шутка?
Оставшись там, замерзла б я давно.
Блуждать во мраке боязно и жутко,
Да и сорваться вниз немудрено.
Но будь что будет! Помолившись богу,
Решилась я и двинулась вперед,
И потеряла сразу я дорогу,
И очутилась у твоих ворот.
Увидев цепь, я поняла мгновенно,
Где я стою... Отец твердил не раз,
Что здесь, в горах, прилежно и смиренно
Пустынник божий молится за нас.
Я стала звать, но ветры так свистели,
Что ты не слышал несколько минут.
«О боже, — я подумала, — ужели
Придется мне остаться на ночь тут?»
Но пожалел творец меня, и вскоре
Ты отозвался... Вот и весь рассказ!
И да спасет господь тебя от горя,
Как ты меня сегодня ночью спас!

XVIII

«Дитя мое, десница всеблагая
Вернет земле сияние зари.
Господь хранит нас, в бедах помогая,
Ты не меня — его благодари».
«Ты думал, я — разбойник или дьявол?»
«Дитя мое, не надо осуждать, —
В такую бурю кто б себя заставил
Забытого отшельника искать?»
«Но у тебя ужели нет на свете
Ни брата, ни сестрицы?» — «Дочь моя,
Я свет познал в монашеском обете,
Я позабыл, что где-то есть семья».
«И ты давно монахом стал?» — «Не знаю».
«Но как же так?» — «Я не считаю лет;
Покинув мир, я жизни не внимаю,
И в этом — мой монашеский обет».

«Ты целый мир покинул для пещеры?»
«Да, бог меня наставил на пути».
«Ужели бог велит во имя веры
Всю жизнь сидеть и плакать взаперти?»

XIX

Прости меня, господь, за это слово,
И ты не осуди, честной отец.
Когда, бывало, у холма крутого
Я стерегла на пастбище овец,
Слова отца я часто вспоминала:
«Там, среди льдов, угрюм и одинок,
Живет монах, он терпит бед немало,
Он ради духа плотью пренебрег».
Как я дивилась, господи *помилуй*, —
Зачем тебе монашеский наряд?
Ужели бог утехам жизни милой,
Которые он создал сам, не рад?
Зачем же он украсил мир цветущий
Сияньем вод и трепетом светил?
Ужель затем, чтоб человек живущий
Отверг его, и проклял, и забыл?
Как? От всего на свете отрешиться —
От радостей, от близких, от друзей?
Но разве я сама себе убийца?
Нет, не ужиться б в келье мне твоей!

XX

«Жилищем ты избрал каменьев груду.
Но сладок мир, как ты ни прекословь!
Здесь смерть царит — там жизнь кипит повсюду,
Здесь скорбь кругом — там радость и любовь!
Ужели круг семьи своей любимой
Покинул ты без горя и без слез?
Ужель тоску души неукротимой
О ком-нибудь из мира не унес?
Ужели так легка тебе разлука?
Отца и мать неужто ты забыл?
Неужто ты навек покинул друга,
С которым вместе плакал и любил?

О, как ты мог?!» — «Что я тебе отвечу?
Душа для нас дороже бытия.
В плену соблазна душу человечью,
Дитя мое, не мог оставить я».
«Так, значит, нет в миру нам искупленья
И не спастись, изведав суету?»
«Спастись-то можно. Только путь к спасенью
Достался мне, несчастному, в скиту».

XXI

Несчастному?! Что он сказал такое?
Как повернулся у него язык?
Как вылетело слово роковое,
К которому он вовсе не привык?
Несчастному?! Ведь это стон печали,
Ведь это вопль тоскующей души,
Души того, кто счастлив был вначале,
Души того, кто здесь погиб в глуши!
Но что случилось? В чем его утрата?
Не в том ли, что, расставшись с суетой,
Греховный мир покинул он когда-то
И здесь обрел душевный свой покой?
Ужель считает мукою бесплодной
Свои труды бестрепетный монах?
Не в том ли счастье, чтоб душе свободной
Воздвигнуть храм бессмертия в веках?
Что с ним стряслось? Откуда это слово?
Ужель роптать он стал на свой удел?
Ужель он счастья захотел земного?
Ужель творца он упрекнуть посмел?

XXII

Но нет, напрасна грешная тревога!
Свой светлый дух не бросит он во тьму!
Его удел — хвалить и славить бога,
Столь дивного и щедрого к нему!
Но кто ж его лукавый соблазнитель?
Кто породил в устах его упрек?
Взглянул вокруг себя пустынножитель,
И никого заметить он не мог.
Да, никого... Лишь дева молодая

Дремала сладко возле очага,
И бледный свет, ланиты озаряя,
Скользил по ней, смущая бедняка.
И так была пленительно прекрасна
Она в сиянье трепетных огней,
Как будто все усилия соблазна
Соединились, торжествуя, в ней.
Как будто все утехи наслажденья,
Вся свежесть молодой ее поры
Рассыпали в пещере на мгновенье
Свои благословенные дары!

XXIII

Дитя любви, дитя земного праха,
Молчала дева, в сон погружена,
И в сердце истомленное монаха
Блаженная сходила тишина.
Зачем же он с нее не сводит взгляда,
Зачем глядит чем дале, тем нежней,
Зачем струится в грудь ему отрада
И он невольно радуется ей?
И вот душа страдальца просветлела.
Небесный луч, сверкая, пал во тьму,
И трепет, пробегающий по телу,
Теперь, увы, приятен был ему.
А сердце билось так неукротимо,
Как будто вырывалось из груди,
И золотая арфа серафима
Звала его и пела впереди.
Впервые это чувство неземное
Познал отшельник, гордый и немой.
И понял он, что грех блаженней вдвое,
Чем торжество души его живой.

XXIV

И он шагнул вперед, не понимая,
Чего он хочет... Сладостно чиста,
Она спала, едва приоткрывая
Улыбкой озаренные уста.

Казалось, к упоительным лобзаньям
Звала она улыбкою своей...
И в этот миг, истерзанный желаньем,
Кто б устоял, не дрогнув, перед ней?
Не устоял и схимник... И, ликуя,
Склонился он над девою... И вдруг
Остолбенел... Ужели поцелуя
Он жаждет, грешный? Горестный недуг
Ужель его преодолел сегодня?
Нет, это ложь! Жива его душа!
Тверда в нем вера дивная господня,
И он пред нею чист, не согреша!
О нет, он не лишится благодати!
Живую душу, что воздвиг господь,
Он променять не может на объятье
И превозможет немощную плоть!

XXV

Но что это? Чей это адский шепот:
«Ага, попался, праведник?» Чей крик,
Чей злобный вопль, чей богомерзкий хохот
В погибшем сердце явственно возник?
«Что, одолел тебя?» Откуда эти
Слова проклятые? Ужели он
Сошел с ума? Как жить теперь на свете?
Но, может быть, все это только сон?
И оглянулся он, объятый дрожью, —
Нет никого... Лишь девы молодой
Дыханье слышится... И пал он ниц к подножью
Изображенья матери святой.
Но нет душе его успокоенья —
Все тот же трепет, тот же лютый страх,
Все то же в сердце грозное смятенье,
Все тот же ужас чувствует монах.
Душа полна молитвою усердной,
Но сердце зла не может побороть...
Ужель под кровом девы милосердной
Не замолчит бунтующая плоть?

XXVI

Заплакал он и поднял кверху очи...
О горе! Вместо матери святой
Сиял пред ним во мраке темной ночи
Прелестный образ девы молодой!
Что с ним стряслось? Проклятое виденье!
Ужели грех его настоль велик,
Что матери святой изображенье
Восприняло греховный этот лик?
Ужели бог лишил его навеки
Святого лицезренья божества,
Чтоб снова плоть воскресла в человеке
И отказался дух от торжества?
Перекреститься? Но рука как гиря!
Читать молитву? Но дрожит язык!
И, кажется, остался в целом мире
Один прелестный, но проклятый лик!
«Что, одолел?» И снова чей-то хохот,
И снова кто-то ластится к нему...
И, заглушив души последний ропот,
Он, как безумный, выскочил во тьму.

XXVII

Зажглась заря, и утро засияло,
И разбежались в небе облака,
И тихо над землей затрепетало
Спокойное дыханье ветерка.
Кто там бежит над пропастью ужасной?
Кто бродит там, блуждая между скал?
Ужель монах? Да, это он, несчастный!
Как бледен он, как жалок и устал!
Вот он остановился на мгновенье,
Вот устремил на небо жадный взор...
Последняя надежда на спасенье
Вставала, полыхая, из-за гор.
Он солнца ждал... Но медлило светило...
Еще вчера, открыв из кельи дверь,
Он тихо ждал, пока оно всходило...
Он ни минуты ждать не мог теперь!

И наконец взошло, блистая, солнце,
И побежал он, торопясь, домой,
И светлый луч, упавший сквозь оконце,
Опять, опять увидел пред собой!

XXVIII

И с облегченьем он вздохнул и снова
На богоматерь глянул, весь дрожа,
И чудным светом образа святого
Опять его наполнилась душа.
И взял монах молитвенник смиренный,
Чтобы прославить бога своего,
И возложил на луч благословенный.
Но луч, увы, не удержал его!
И закружилась голова монаха,
И слезы горя хлынули ручьем,
И возопил он к богу, полон страха,
И бездыханный пал перед лучом.

И там, где раньше, полные терпенья,
Отцы святые славили творца,
Где возносились к небу песнопенья,
Где проливались слезы без *конца*, —
Там, посреди пустующих развалин,
Теперь лишь ветра раздается вой
Да стонет зверь, испуган и печален,
Спеша уйти от тучи грозовой.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВОЛНУЙСЯ, МОРЕ!

Волнуйся, море, и гуди,
Не прекословь дыханью шквала!
Как горы, волны взгромозди,
Чтоб влага на берег хлестала!

В твоей бездонной глубине
Таятся тысячи жемчужин.
Пока ты дремлешь в полусне,
Твой клад невидим и ненужен.

И, лишь когда ударит шквал,
Всю глубь свою открыв вселенной,
Кидаешь ты на грани скал
Прекрасный жемчуг драгоценный.

Поэт, и ты не избегай
Сердечных бурь в минуту гнева!
Греми, буди заснувший край,
Сверкая молнией напева!

СВИРЕЛЬ

Где же ты, моя свирель,
Сладкозвучная досель,
Согревающая сердце
Посреди чужих земель?

Лишь пастух тебя возьмет,
Вся окрестность запоет,
Горе в пропасть устремится,
Радость в небо поплывет.

И тогда, как брат с сестрой,
Обнимаюсь я с тобой,
Слышу я в твоих напевах
Стоны Грузии родной.

Разорял ее Иран,
Грабил турок-басурман,
Скиф-кочевник, выбрав время,
Нападал на мирный стан.

О жестокая свирель,
Безотрадная досель,
Почему с тобой я плачу
О судьбе родных земель?

Но, когда твой сладкий звук
Устремится к небу вдруг
И когда поглотит пропасть
Безнадежность горьких мук, —

Возникает предо мной
Верный сын страны родной.
С криком «бей!» на басурмана
Он несется в смертный бой.

Эта песнь, свирель моя,
Краше песни соловья.
Эту песню боевую
Целый век бы слушал я!

Эта песня веселит,
По-грузински говорит,
Эта песня наших предков
Забывать нам не велит.

Только кто теперь, свирель,
Хочет слушать эту трель?
Оставайся же подругой
Пастуху родных земель!

РАССВЕТ

Мтацминда грустными очами
Следит за утренней звездой.
В могиле, залитой лучами,
Почиет доблестный герой.

Под молчаливою горою
Рокочет бурная Кура
И колыбельную герою
Поет, рыдая, до утра.

Прижав к груди могилу сына,
Мтацминда молит за того,
Кто был защитником грузина,
Кто умер в битве за него.

И, полон дивного волненья,
Поэт, взирая в вышине,
Слагает песни-размышленья
Своей красавице стране:

«Страна, где небо бирюзово,
Где изумрудом блещет дол,
Мой край родной! К тебе я снова,
Больной и трепетный, пришел!

Не мог я вынести разлуки,
Покинув милые края.
Душа моя рвалась от муки,
И вот к тебе вернулся я.

Родное солнце с небосвода
Мне улыбнулось в тот же миг,
И засияла вся природа
Лучами чистых звезд твоих.

И снова в сердце ликованье,
И я печали превозмог,
Лишь ты, мой край, в часы свиданья
Воспрянуть духом мне помог.

Страна, где небо бирюзово,
Где изумрудом блещет луг,
Я за тебя погибнуть снова
Готов в годину тяжких мук.

Не отрекайся же от сына,
Укрой одеждою твоей,
Не откажи мольбе грузина,
Когда умру на склоне дней:

Похорони меня, немого,
В родной земле, средь мирных сел,
В стране, где небо бирюзово,
Где изумрудом блещет дол!»

МУХАМБАЗИ

Если б знала ты, родная, как мне тяжко горевать,
Ты меня, не размышляя, полюбила бы опять!

Солнце на небе лучится, на земле сияешь ты!
Неба горняя жилица, по земле ступаешь ты!
Сладкий голос соловьиный, сердце мне чаруешь ты!
Горьких слез моих пучина, душу мне волнуешь ты!
Не коли меня шипами! Дай мне розы обонять!

Если б знала ты, родная, как мне тяжко горевать,
Ты меня, не размышляя, полюбила бы опять!

Хороша любовь на свете та, которая верна,
Нам порукой вечной дружбы служит в горестях она.
Лишь на миг пленяет сердце увлечений новизна,
Этой краткою любовью только юность влюблена.
Так накинь же покрывало, чтоб пред нею устоять!

Если б знала ты, родная, как мне тяжко горевать,
Ты меня, не размышляя, полюбила бы опять!

Разве кто тебя полюбит так, как я тебя люблю?
Разве кто тебя похвалит так, как я тебя хвалю?

Только я один! И даже в час, когда я крепко сплю,
Обожаемый твой образ в сновидениях ловлю;
Если ж он навек исчезнет, брошусь в пропасть! Что мне ждать?
Если б знала ты, родная, как мне тяжко горевать,
Ты меня, не размышляя, полюбила бы опять!

Я привык к твоим лобзаньям, я навек в твоей сети!
Я теперь брожу по свету, словно сбившийся с пути!
Я теперь в гостях у горя, мне куда теперь идти?
Будь он проклят, миг разрыва! О, вернись ко мне! Прости!
Упаду тебе я в ноги, чтобы их облобызать!

Если б знала ты, родная, как мне тяжко горевать,
Ты меня, не размышляя, полюбила бы опять!

ЮНОСТИ

Сравню ли я красу твоей весны
С моей нагой, ограбленной зимою?
Сравню ль ущерб вечерней тишины
С румяным утром, ясною зарею?

Ты молода, устремлена вперед —
Я ухожу, измученный годами.
Ты лишь впряглась в ярмо земных забот
Я ж расплатился начисто с долгами.

Мы далеки, как небо и земля,
Отделены границей друг от друга.
Ты — как цветок, украсивший поля,
Я — старый мох, увядший от недуга.

Но в мире есть невидимая связь
Меж ясным небом и землей унылой.
И новь и старь, в одно соединясь,
Полны ее пленительною силой.

Единая и сложная, она
Есть творческая сила созиданья,
Которая в любые времена
Объединяет все существованья.

Она сотрет границу до конца,
Коль между нами есть она, граница,
И если жизнь не может слить сердца,
Моя душа с твоей сумеет слиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

В творческом наследии В. Заболоцкого переводы занимают значительное место, и, говоря об этой его работе, Н. Тихонов называет ее «поэтическим подвигом поэта» («Воспоминания о Заболоцком», М., «Советский писатель», 1977, с. 8). Во второй в третий тома наст. изд. вошли лучшие переводы поэта за исключением перевода «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, неоднократно печатавшегося отдельными изданиями: М., 1957; М., 1969 («Библиотека всемирной литературы»); М., 1977 («Библиотека поэта»); М., 1982 и др. Словарь и необходимые исторические толкования к разделу переводов даны в т. 3 наст. изд.

Критика неоднократно отмечала колоссальный объем работы, проделанной Н. Заболоцким по воссозданию на русском языке лучших творений поэтической классики. Эта работа была целеустремленной. Завершив в 1957 г. новый полный перевод Шота Руставели, а тем самым и весь цикл многолетних работ по переводу грузинской классики, Н. Заболоцкий писал: «Выбор этих поэтов не случаен. Они определили развитие грузинской поэзии с XII по XIX в. Это столбовая дорога грузинской классики, отстоявшей свое национальное лицо в борьбе с чужеродными влияниями» (т. 1 наст. изд., с 587). Если продолжить этот ряд, поставив сюда «Слово...», работу по переложению русских былин, переводы из сербского эпоса, если вспомнить переложения для детей Франсуа Рабле, Джонатана Свифта, Шарля де Костера, то общая тенденция избирательности поэта-переводчика станет очевидной. Эта избирательность была обусловлена прежде всего стремлением поэта художественно исследовать тему «человек и природа» в исторической перспективе, в ее социально-исторических аспектах, стремлением, которое, начиная с 30-х годов, все более характеризует его

творчество. И переводы Н. Заболоцкого являются неотъемлемой частью этого творческого движения.

С. Чиковани писал о Н. Заболоцком: «Взгляды его на поэзию, на искусство отличались научной точностью и четкостью, и вместе с тем в душе его гнездились удивительные образы, поэзия проникла в его плоть и кровь, вдохновение навсегда завладело его твердым и по-своему упрямым характером» («Воспоминания о Заболоцком», с. 154). Эти качества, быть может, наиболее полно проявились в переводах Н. Заболоцкого. Он писал: «Подстрочник... подобен развалинам Колизея. Истинный облик постройки может воспроизвести только тот, кто знаком с историей Рима, его бытом, его обычаями, его искусством, развитием его архитектуры. Случайный зритель на это не способен» (см. т. 1 наст. изд., с. 585), Сложный труд поэта-переводчика, как он представлялся Н. Заболоцкому, был бы невыполним без помощи и сотрудничества с деятелями культуры, учеными и литераторами. Частично это отражено в переписке с Д. С. Лихачевым, В. В. Гольцевым, Симоном Чиковани, Георгием Леонидзе и другими учеными и литераторами. Научная точность и четкость в переводах Н. Заболоцкого всегда гармонически сочетается с богатством и смелостью поэтической образности. Он писал о правах и свободе поэта-переводчика: «Хороший переводчик — сам поэт, он чутьем угадывает степень своих правомочий» (см. т. 1 наст. изд., с. 588),

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ (стр. 6)

Впервые: «Октябрь», 1946, № 10—11, с авторской заметкой «От переводчика» и «Краткими пояснениями». Вступление и часть первая под назв. «Поход» в первонач. ред. завершена в марте 1938 г. в Ленинграде. После перерыва работа над переводом была продолжена в 1945 г. в Караганде (см. письма Н. Л. Степанову, т. 3 наст. изд.). В 1950 г., в связи с переизданием перевода в «Школьной библиотеке», под ред. Д. С. Лихачева, и в «Литературных памятниках», М.—Л., Изд-во АН СССР, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, автором был внесен ряд исправлений и уточнений. Печат. в окончат. ред. по кн.: Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., Гослитиздат, 1957.

«Слово о полку Игореве» было открыто в начале 90-х годов XVIII в. А. И. Мусиным-Пушкиным. Написано «Слово» в конце XII в. — вскоре после похода князя Игоря Святославича Новгород-Северского (ум. 1202) на половцев в 1185 г. В походе Игоря приняли участие его сын и племянник и двоюродный брат Всеволод Святославич («Буй-тур Всеволод»), князь трубчевский и курский.

Поход закончился поражением. Войско было почти все уничтожено, Игорь Святославич был ранен и захвачен в плен. Поражение 1185 г. явилось для автора «Слова» трагическим событием, рассказ о котором проникнут горькими раздумьями о судьбах Русской земли и страстным призывом к объединению.

«Краткие пояснения», которыми снабдил свой перевод Н. Заболоцкий, нуждаются в некоторых уточнениях, которые даются ниже. Материалом для них явилась правка Н. Заболоцкого и комментарий Д. С. Лихачева к изданиям «Слова...» в «Литературных памятниках», М.—Л., 1950, и в «Библиотеке всемирной литературы» («Изборник», М., 1969).

ВСТУПЛЕНИЕ

Мстислав. — Князь черниговский и тмутараканский (тмутороканский) Мстислав Владимирович Великий. Тмутаракань была русским княжеством, подвластным черниговским князьям. Тмутаракань — др. русский город на Таманском п-ве, совр. станица Таманская, на северн. побережье Черного моря. *Со времен Владимира княжения.* — Правильнее, очевидно, считать, что здесь речь идет не о Владимире Мономахе, как иногда считают, а о Владимире I Святославиче (ум. 1015) (автор «Слова...» постоянно обращается к событиям прошлого, охватывая русскую историю более чем за полтора столетия). *Траян.* — Ученые по-разному определяют, кто такой был Траян (Троян), имя которого еще трижды упомянуто в «Слове...». Учитывая контекст всех этих мест, Д. С. Лихачев приходит теперь к выводу, что речь идет о языческом боге Трояне, о котором говорится и в других памятниках.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тугоркан, тесть Святополка. — В современ. науке прежнее толкование, согласно которому считалось, что автор «Слова...» называет «отцом» тестя Святополка, хана Тугоркана, погребенного в Киеве, отпадает, поскольку в Софийской первой летописи найдено подтверждение факту погребения в киевском храме Софии и отца Святополка, Изяслава Ярославича, убитого в битве на Нежатиной ниве в 1079 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Плыл мертвец в санях на сине море. — Этот образ возник в переводе в соответствии с прочтением и толкованием одного из неясных мест в сне Святослава, которое было принято в 40-е годы

(«дебрьски сани»). Позднее, в 1950 г., учитывая иные прочтения этого места («дебрь Кисаню»), Н. Заболоцкий отказался от спорного образа. Комментируя это место, Д. С. Лихачев пишет: «Какая имеется в виду «дебрь» (крепостной ров, лес) — неясно». *Олег и Святослав.* — Олег — действительно сын Игоря (род. 1175), но Святослав — племянник, князь Рыльский (род. 1166). *Остатки готов жили в Крыму...* — Готы жили в Крыму и частично около Тмутаракани. Очевидно, именно эти, тмутараканские готы радовались победе половцев. *... смертельно ранен...* — При осаде Переяславля в 1185 г. Владимир Глебович был тяжело ранен, умер в 1187 г. *Всеволод.* — Всеволод Юрьевич Владимиро-Суздальский, по прозвищу «Большое Гнездо», первым из владимирских князей принял титул «великого князя» и стремился утвердить за Владимиром значение центра Руси. *Рюрик и Давид.* — Рюрик Ростиславич (ум. 1215) — один из самых деятельных и примечательных князей XII в., семь раз добивался киевского «золотого стола», умер на княжении в Чернигове. В 1183 г. войска Рюрика и Давида Ростиславичей участвовали в битве с половцами на реке Орели, в 1185 г. Давид отказался выступить совместно с Рюриком. *Мстислав.* — По поводу Мстислава, который здесь упомянут, нет ясности: возможно, что речь идет действительно о Мстиславе Ярославиче Пересопницком, но не исключено, что это Мстислав Всеволодович Городенский, который тоже участвовал в походах на половцев и сражался с литовцами, ятвягами и деремелой. *Ингварь и Всеволод.* — Следуя за учеными, которые считали, что упомянутые здесь три Мстиславича названы так не по отцу, а по прадеду — Мстиславу Великому, Н. Заболоцкий соответственно переводит и толкует это место. В прозаическом переводе Д. С. Лихачева иное прочтение текста: «Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича...» В комментарии поясняется, что Ингварь и Всеволод — сыновья Ярослава Изяславича Луцкого, а три Мстиславича — сыновья Мстислава Изяславича — Роман, уже упомянутый «буй Романе», Святослав и Всеволод. Все они, как и Ингварь и Всеволод, были князьями волынскими, чем и оправдано общее к ним обращение. *Изяслав Городенский.* — Не правнук, а внук Всеслава Полоцкого, сын Василько Полоцкого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Забрало. — Не совсем точно. Д. С. Лихачев поясняет: «Забралы городских стен — это их верхняя часть, переходы, где сосредотачивались защитники во время осады. В более узком понимании — это бруствер, защищавший находившихся на верху стен воинов». *Бебрян рукав.* — Н. Заболоцкий поясняет свой перевод:

«И рукав с бобрового опушкой...» В 1969 г. Д. С. Лихачев дает новый комментарий: «Бебръ, бебер, как установлено в последнее время Н. А. Мещерским, — белая шелковая ткань особой выделки. Бебрян — шелковый». Соответственно дается и новый перевод: «...омочу шелковый рукав в Каяле-реке...» *Пирогощая богородица.* — По иконе названа и церковь Богородицы Пирогощей; была заложена в Киеве в 1132 г. и завершена в 1136 г.

ИЗ СЕРБСКОГО ЭПОСА (Стр. 32)

Работа Н. Заболоцкого над переводами из сербского эпоса (песни южных славян) была начата и завершена летом 1958 г. Было переведено 29 песен (5000 строк), здесь печат. 8 песен из цикла о Королевиче Марко. Эта, ставшая последней, переводческая работа поэта находится в ряду его больших замыслов и свершений, связанных с воспроизведением памятников героической древности средствами современной поэтической речи; «Слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре», замыслы о переработке русских былин, о переводе «Песни о Нибелунгах»... Песни южных славян и в XIX в., и в наше время привлекают внимание писателей и ученых (Пушкин, Мериме, Мицкевич, Чернышевский), их переводят, читают, изучают. Исследователи подчеркивают, что сербский эпос был участником героической борьбы за национальное освобождение и отразил «героический стиль жизни» балканских славян. Все это соответствовало интересам Н. Заболоцкого. Цикл песен о Марко начал складываться, когда после поражения Сербии в Косовской битве (1389 г.) и после захвата страны турками народное сознание испытывало острейшую потребность укрепить свой дух образом идеального защитника и борца. Прообразом нового эпического героя стал Марко Королевич, владетель небольшого удела в Вардарской Македонии с центром в г. Прилепе, погибший в 1395 г. Эпический Марко очень скоро обрел богатую поэтическую биографию, которая только деталями совпадала с его исторической жизнью. В цикле песен о Марко сербский юнацкий эпос обретает индивидуализированного героя и становится выражением исторического мировоззрения. Впервые: «Сербский эпос», в 2-х томах, т. 1, М., Гослитиздат, 1960. Печат. по первой публикации. В архиве поэта сохранилась авторская машинопись переводов, которая отличается от текста публикации незначительными редакторскими исправлениями.

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Леся Украинка (Лариса Петровна Косач-Квитко; 1871—1913). (Стр. 70)

Н. Заболоцкий перевел несколько стихотворений Леси Украинки, в том числе два цикла: «Слезы — перлы», «Песни про волю» и драму «Одержимая». В письме к Симону Чиковани от 16.I.49 Н. Заболоцкий писал: «Последние месяцы я занимался главным образом переводами с украинского. Перевел более 2000 строк М. П. Бажана и Леси Украинки для Гослитиздата...» (см. т. 3 наст. изд.). Тексты печат. по первой публикации.

Слезы — перлы. — Впервые: Леся Украинка. Собр. соч. в 3-х томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1950. Цикл посвящен Ивану Франко. Эти стихи — яркий образец политической лирики Леси Украинки. По силе патриотического чувства и задушевности они сопоставимы в украинской поэзии, как считал Ив. Франко, только с «Завещанием» Тараса Шевченко.

Холодной ночью. — Впервые: Леся Украинка. Собр. соч. в 3-х томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1950.

Микола Бажан (1904—1983). (Стр. 74)

Н. А. Заболоцкий познакомился с Миколой Платоновичем Бажаном в 1936 г. Знакомство вскоре перешло в дружбу, которую подкрепляла и общая любовь к Грузии, к ее поэзии, ее поэтам. В 1948 г. и позднее Н. Заболоцкий переводил поэзию М. Бажана. Тексты печат. по первому изд.

Около университета. — Впервые: Микола Бажан. Избр. Киев, 1951.

На поле Куликовом. — Впервые: Микола Бажан. Избр. М., 1954.

СТАРЫЕ НЕМЕЦКИЕ ПОЭТЫ

Под этим названием Н. А. Заболоцкий объединил в кн.: Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., Гослитиздат, 1957, лучшие, по его мнению, из своих переводов немецкоязычной поэзии, которые он делал по инициативе М. В. Юдиной (1899—1970), пианиста и педагога, увлеченной в 40-х годах идеей дать «русский текст» вокальной литературе, чтобы слышать у Шуберта, Брамса, Малера, Баха русское слово. В 1946 г. М. В. Юдина готовила сб. Ф. Шуберта «Песни». К этой работе она привлекла Н. А. Забо-

лоцкого. Тогда были переведены: «Прощание Гектора» Ф. Шиллера, «Плач Кольмы» Оссиана, «Свидание и разлука» И.-В. Гете, «Песнь старца» Ф. Рюккерта (эти 4 перевода вошли в сб. «Песни Шуберта»), «Рыцарь Тогенбург» и «Порука» Ф. Шиллера, «Вторая песнь Эллен» из «Девы озер» В. Скотта, «Мемнон» И. Мейергофера. Подчинение стиха строгим требованиям эквиритмии не всегда устраивало Н. Заболоцкого, и он отказывался иногда «портить перевод», поэтому некоторые переводы в сб. не были включены (см. «Воспоминания о Заболоцком», с. 266—272). В наст. изд. печат. переводы, отобранные самим поэтом в 1957 г. по кн.: Н. Заболоцкий. Стихотворения, 1957; добавлен перевод «Поруки» Ф. Шиллера. Авторская машинопись переводов в архиве поэта.

Иоганн Мейергофер (1787—1836) (Стр. 79)

Мемнон. — Впервые: Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., 1957.

Фридрих Рюккерт (1788—1866) (Стр. 80)

Песнь старца. — Впервые в первонач. ред. в сб.: Ф. Шуберт. Песни. М.—Л., Музгиз, 1950.

Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832) (Стр. 82)

Свидание и разлука. — Впервые в первонач. ред. в сб.: Ф. Шуберт. Песни. М.—Л., 1950.

Иоганн Фридрих Шиллер (1759—1805) (Стр. 84)

Рыцарь Тогенбург. — Впервые: Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., 1957.

Ивиковы журавли. — Впервые: Ф. Шиллер. Избр. произв. М., Гослитиздат, 1954. И. Кашкин, сопоставляя перевод с известным переводом В. А. Жуковского, пишет: «Заболоцкий услышал в стихах Шиллера и передал то, что делает для нас осязательным саморазоблачение убийц Ивика... Заболоцкий донес до читателя то, что было утеряно даже Жуковским (Иван Кашкин. Для читателя-современника. М., 1977, с. 478—479).

Порука. — Впервые: «Новый мир», 1971, № 12. В кн. «Золотое перо». Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812—1970. М., «Прогресс», 1974; публикация подготовлена Г. Ратгаузом по рабочей рукописи с исправлениями и пометами о требованиях эквиритмии (архив поэта). Печат. по второй публикации с учетом исправлений, внесенных Н. Заболоцким в автограф, хранящийся в архиве М. В. Юдиной (ГБЛ, отдел рукописей, ф. 527, кар. 25).

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

Янош Арань (1817—1882) (Стр. 95)

Толди (отрывок из поэмы). — Впервые: «Антология венгерской поэзии». М., 1952. Поэма-трилогия «Толди» — наиболее значительное произведение Яноша Араня. Поэму горячо поддержал Шандор Петефи. В 1950 г. Н. Заболоцкий перевел из поэмы шесть песен, пять из которых печатаются в наст. изд. Каждой песне Арань предпосылает эпиграфы из стихотворного рассказа Илошваи (Петр Илошваи Шеймеш; род. 1500) о национальном венгерском герое Миклоше Толди. Печат. по первой публикации. Авторская машинопись с пометками (автограф) в архиве поэта.

Антал (Анатоль) Гидаш (1899—1980) (Стр. 111)

В 1946 г. Н. Заболоцкий перевел цикл стихотв. Антала Гидаша «Стонет Дунай». Летом 1957 и 1958 гг. Н. Заболоцкий жил в Тарусе, где постоянно общался с А. Гидашем, тогда же он перевел еще 6 стихотв., которые вместе с разрозненным вышеупомянутым циклом (три из них с измененными названиями) были напечатаны после смерти Н. Заболоцкого в кн.: А. Гидаш. Избр. произв. в 2-х томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1960, в разделе «Сад моей тетушки». При первой публикации в «Новом мире», 1947, № 3 в подзаголовке было сказано: поэма. Цикл. печат. по кн.: «Антология венгерской поэзии», М., 1952. «Русскому поэту» — стихотворное обращение А. Гидаша к Н. Заболоцкому.

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Осенью 1957 г. Н. Заболоцкий, в группе поэтов (В. Инбер, Л. Мартынов, А. Прокофьев, Б. Слуцкий, А. Твардовский), был в Италии на встрече с итальянскими поэтами. Как один из результатов этой поездки явились переводы из современной итальянской поэзии. В 1958 г. Н. Заболоцкий переводит четыре стихотв. Умберто Саба («Мое достояние», «Паолина», «Чемпионка по плаванью», «Три улицы») и стихотв. Анджело Мариа Рипеллино (1922—1972): «Нет, я не говорил, что одинок я в мире...», «Пришел февраль огромный, бородатый...», «Воскресенье».

Умберто Саба (1883—1957) (Стр. 120)

Три улицы. — Впервые: «Иностранная литература», 1958, № 5.

Мое достояние. — Впервые: «Новый мир», 1958, № 4.

Стихотворения печат. по первой публикации. Авторская машинопись с пометами (автограф) в архиве поэта.

ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

В конце 40-х годов Н. Заболоцкий сделал несколько переводов из восточной поэзии, которая интересовала поэта своей философичностью. Из узбекской поэзии Н. Заболоцкий переводил из эпоса 3 сказания «Ширин и Шакар», газели Лютфи (1369—1465), Мухаммада Ризы Агахи (1809—1874), Фазли (XIX в.); из таджикской — касыды Масуди Са'ди Сальмана (1046—1121), Ахмада Довита (1827—1897) и «Слово о тварях» Сайидо Насафи.

Сайидо Насафи (ум. 1707—1711) (Стр. 124)

Слово о тварях. — Впервые: «Антология таджикской поэзии», М., Гослитиздат, 1951. Печат. по кн.: «Антология таджикской поэзии». Изд. 2-е, М., Гослитиздат, 1957. Рукопись перевода (автограф) датирована: «Авг. — сентябрь 1946. Переделкино». В архиве поэта.

ИЗ ОСЕТИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Интерес Н. Заболоцкого, как переводчика, к поэзии народов Кавказа почти полностью был поглощен грузинской поэзией. Однако в 1951 г. поэт переводит стихотворение Коста Хетагурова, основоположника осетинской литературы, «На кладбище». Возможно, что Н. Заболоцкого заинтересовали идеи этого произведения, сюжетная канва которого глубоко народна и восходит к Нартскому эпосу (см.: «Сослан в Стране Мертвых». Осетинские нартские сказания, Дзауджикау, Изд-во Северо-Осетинской АССР, 1948).

Коста Хетагуров (1859—1906) (Стр. 136)

На кладбище. — Впервые: Коста Хетагуров. Собр. соч. в 3-х томах, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1951. Печ. по сб.: Коста Хетагуров. Избр. М., Гослитиздат, 1956, где оно опубликовано с небольшими исправлениями. Авторская машинопись в архиве поэта.

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

В 1957 г., закончив новый полный перевод Шота Руставели, Н. Заболоцкий с удовлетворением отмечал, что тем самым завершен цикл его многолетних работ по переводу грузинской классики. Главной своей переводческой работой Н. А. Заболоцкий считал переводы, собранные им в кн.: «Грузинская классическая поэ-

зия в переводах Н. Заболоцкого» в 2-х томах под ред. Симона Чиковани. Тбилиси, «Заря Востока», 1958. Издание предваряет краткая заметка «От переводчика», в которой есть такое признание: «...нам, переводчикам братских литератур, неизменную помощь оказывали и оказывают ученые и литераторы наших республик. Лично я во многом обязан поэту Симону Чиковани, который еще в довоенное время познакомил меня с Грузией, ее историей и культурой и привлек мое внимание к ее литературе. Он редактировал мой перевод поэмы Руставели... Большую помощь оказали мне и другие грузинские писатели и литературоведы. Из них Г. Леонидзе и Э. Ананиашвили редактировали перевод Гурамишвили, П. Ингороква — перевод Важа Пшавела. Деятельное участие в редакционной работе над многими моими переводами принимал покойный В. В. Гольцев. Сложный труд поэта-переводчика был бы невыполним без помощи этих истинных друзей нашей многонациональной культуры». На личном экземпляре первого тома этого издания Н. Заболоцкий сделал такую пометку: «Из всех изданий моих переводов с грузинского это издание наиболее доброкачественное. Тексты здесь заново просмотрены и исправлены. При дальнейших переизданиях следовать этим текстам. Май 1958 г. Москва. Н. Заболоцкий». (Книга с автографом хранится в архиве поэта.) Следуя указанию поэта, тексты раздела печатаются по этому изданию. Поскольку источник всех текстов един, в примечаниях указывается только первая публикация перевода. Материалы работы Заболоцкого над переводами грузинской классической поэзия хранятся в ЦГАЛИ, ф. 1494, и в архиве поэта.

Давид Гурамишвили (1705—1792) (Стр. 145)

Собрание стихотворных произведений Давида Гурамишвили «Давитиани» (букв.: Давидово, написанное Давидом) дошло до нас в авторской рукописи, которую поэт составил в 1787 г., живя в то время на Украине, и передал на родину с грузинским посольством. «Давитиани» — художественная летопись жизни Грузии XVIII в. На грузинском языке полностью издано в 1870 г. В 1939 г. в Москве, под ред. В. Гольцева, вышел сборник стихов Давида Гурамишвили в переводах П. Антокольского, В. Державина, В. Липскерова, С. Спасского, С. Шервинского. Наиболее полно сб. «Давитиани» представлен в переводах Н. Заболоцкого в кн.: Давид Гурамишвили. Давитиани. Стихотворения и поэмы. М., 1953. Издание «Давитиани» на языке оригинала и на русском языке имеют традиционно сложившуюся структуру, несколько отличную от авторской. Сборник открывается тремя стихотворениями, иногда объединяемыми общим названием «Вступление» — «Имя и прозвище того, кто написал эту книгу», «Наставления для обучающихся»,

«О снискании блага». Причем надо отметить, что первое стихотворение — одно из заключительных в авторском сборнике (оно там помещено в конце рукописи), но в печатных изданиях оно традиционно открывает книгу. После «вступления» идут две поэмы — «Бедствия Грузии» и «Веселая Весна» (у Гурамишвили нет этого жанрового определения). Заключает сборник раздел «Стихотворения и песни Давида» (в авторской рукописи раздел специально не выделен). В ЦГАЛИ хранится машинопись перевода с авторской правкой, отдельные листы сохранились в архиве Н. Заболоцкого.

Григол Орбелиани (1804—1883) (Стр. 312)

В архиве поэта сохранилась рукопись (черновая), озаглавленная «Григол Орбелиани», дающая историческую справку о грузинском поэте. Ниже приводится этот текст с небольшими сокращениями: «В блестящей плеяде грузинских романтиков, выступивших на литературном поприще в первой половине XIX века, имя Григола Орбелиани занимает выдающееся место... Григол Орбелиани был выходцем из старинной родовитой семьи, блестящим представителем грузинской знати...» В 1832 г. он участвовал в заговоре грузинской интеллигенции против русского самодержавия. Заговор был раскрыт, и поэта выслали в Россию без права проживания в Грузии. В годы ссылки в Грузии умерла мать поэта, что оставило глубокий след в его душе (см. стихотв. «Моей сестре Евфимии»). Григол Орбелиани «...был прощен и в дальнейшем сделал себе блестящую карьеру, участвуя в кавказских войнах в качестве крупного генерала и администратора. Умер он восьмидесятилетним стариком, истерзанный глубокими противоречиями своей жизни и оплакивая участь родной страны, потерявшей былое величие. Творчество Григола Орбелиани так же противоречиво, как и его жизнь. Но дыхание блестящего таланта, глубокий патриотизм, идеалы высокой любви, одухотворяющей человека, живое чувство родной природы, верное чутье народного творчества — все эти качества его поэзии обеспечили ей широкое признание грузинского народа... Заслуга его состоит в том, что он, как поэт, решительно и сознательно порвал связь с вырождающейся эстетской иранской поэзией, обратился к лучшим образцам европейской поэзии и, будучи современником Пушкина, Жуковского, Лермонтова, обогатил родную поэзию их животворным дыханием. Речь здесь идет не о пустом подражании, но о явлении значительно более глубокого смысла». Первый перевод Н. Заболоцкого из Орбелиани относится к 1936 г. — поэма «Заздравный тост» (это был его первый перевод из грузинской поэзии), который вошел в кн.: «Грузинские романтики», «Б-ка поэта»(Большая серия), Л.,

«Советский писатель», 1940 (без указания имени переводчика). Позднее, зимой 1946/47 г., Н. Заболоцкий вернулся к переводам Орбелиани. Его переводы составили кн.: Григол Орбелиани, Стихотворения. Тбилиси, «Заря Востока», 1947.

Илья Чавчавадзе (1837—1907) (Стр. 365)

Переводы из поэзии Ильи Чавчавадзе, основоположника критического реализма в грузинской литературе, большого мастера стиха, впитавшего в себя яркость и гибкость народной стихотворной речи, осуществлены Н. Заболоцким в 1947—1948 гг. Первые публикации этих переводов появились в журн. «Дружба народов», 1947, № 16. Здесь были опубликованы стихотв. «Горам Кварели», «Элегия», «Базалетское озеро», «Пусть я умру...». Все переводы были опубликованы в кн.: Илья Чавчавадзе. Избр, произв. М., Гослитиздат, 1950.

Акакий Церетели (1840—1915) (Стр. 441)

Переводы лирики Акакия Церетели, который вместе с Ильей Чавчавадзе боролся за обновление грузинской литературы, лирики, снискавшей ему славу народного поэта Грузии, Н. Заболоцкий начал в 50-е годы. Первая публикация переводов стихотв. А. Церетели в кн.: Акакий Церетели. Избр. стихотв. М., Детгиз, 1953.

Е. Заболоцкая, Л. Шубин

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

Фридрих Рюккерт

Иоганн Вольфганг Гете

Иоганн Фридрих Шиллер

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

Янош Арань

Антал Гидаш

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Умберто Саба

ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

Сайидо Насафи

ИЗ ОСЕТИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Коста Хетагуров

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Давид Гурамишвили

Давитиани

Григол Орбелиани

Стихотворения и поэмы

Илья Чавчавадзе

Стихотворения и поэмы

Акакий Церетели

Стихотворения

Заболоцкий Н. А.

З-12 Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2. Переводы / Примеч. Е. Заболоцкой и Л. Шубина; Худож. Д. Шимилис. — М.: Худож. лит., 1984. — с. 463.

Во второй том Собрания сочинений Н. А. Заболоцкого вошли его переводы: «Слово о полку Игореве», из сербского эпоса, из украинской поэзии, из старых немецких поэтов, из венгерской поэзии, из итальянской поэзии, из восточной поэзии, из осетинской поэзии, из грузинской классической поэзии.

З $\frac{4702010200\text{-}049}{028(01)\text{-}84}$ подписное **ББК 84Р7 Р2**

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй

●

Редактор
О. НОВИКОВА

Художественный редактор
Е. ЕНЕНКО

Технический редактор
Е. ПОЛОНСКАЯ

Корректоры
Г. КИСЕЛЕВА, О. НАРЕНКОВА

ИБ № 3521

Сдано в набор 28.03.83. Подписано к печати 06.01.84. А-10505. Формат 84x108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,36, Уч.-изд. л. 23,81. Тираж 50 000 экз. Изд. № III-791. Заказ 871.

Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.